

№ 4 (49) 2018

Научно-правовое издание

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

**ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ,
ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР – Р. В. ЕНГИБАРЯН**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Франческо Адорнато – профессор, ректор Университета г. Мачерата, Италия

Алексеева Т.А. – заведующий кафедрой политической теории МГИМО МИД России, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Россия

Амплеева Т.Ю. – профессор кафедры правовых основ управления МГИМО МИД России, доктор юридических наук, Россия

Фабрицио Д'Ашенцо – профессор, проректор Римского Университета Сапиенца, Италия

Гаман-Голутвина О.В. – заведующий кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России, доктор политических наук, профессор, Россия

Грибанов Д.В. – доктор юридических наук, доцент, проректор по учебной работе Уральского государственного юридического университета, Россия

Проф. доктор **Стивен Гуанпенг Донг** – Китайский Университет связей с общественностью, декан факультета непрерывного образования, профессор в сфере коммуникаций и лидерства, Национальная школа управления, Китай

Енгибарян Р.В. – научный руководитель факультета управления и политики, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Россия

Ендольцева А.В. – профессор кафедры правовых основ управления, доктор юридических наук, профессор, Россия
Камолов С.Г. – заведующий кафедрой государственного управления МГИМО МИД России, кандидат экономических наук, доцент, Россия

Краснов Ю.К. – профессор кафедры правовых основ управления МГИМО МИД России, доктор юридических наук и доктор исторических наук, Россия

Кузьмина Н.Б. – проректор МГИМО МИД России по финансово-экономическим вопросам, доктор экономических наук, Россия

Хосе А. Моранде Лавин – Директор института международных исследований Университета Чили

Лебедева М.М. – заведующий кафедрой мировых политических процессов МГИМО МИД России, доктор политических наук, профессор, Россия

Мальгин А.В. – проректор по общим вопросам МГИМО МИД России, кандидат политических наук, доцент, Россия

Оганесян А.Г. – главный редактор журнала «Международная жизнь» МИД России, член Союза писателей России, Россия

Сардарян Г.Т. – декан факультета управления и политики, кандидат политических наук, Россия

Рамон Хиль-Касарес Сатрустеги – Посол, Директор дипломатической школы, Испания

Торкунов А.В. – ректор МГИМО МИД России, академик РАН, Россия

Антонио Лопес Христовор – Директор института международных отношений «Венанчо де Моура», Ангола

Доктор **Герхард Шнайдер** – Королевский колледж Лондона, факультет менеджмента и бизнеса, Ph.D. in Political Science, Великобритания

Энтин М.Л. – заведующий кафедрой европейского права МГИМО МИД России, доктор юридических наук, профессор, Россия

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ – В.Э. БЕРЕЗКО

корректор – **Т.М. Срапян**

компьютерная верстка – **Д.Е. Волков**

СОДЕРЖАНИЕ

ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

3 Е.А. Кремянская, Ю.И. Лейбо
Конституционно-правовые и внешнеполитические аспекты экономических санкций США

12 М.В. Силантьева
Роль мифа в актуальных идентификационных программах: изучение процессов ремифологизации права в научно-образовательном пространстве современной России

21 Д.С. Алякин
Принципы исполнения договорных обязательств по праву Квебека

29 Ю.К. Зайцев, Ю.А. Комагаева
Вопросы формирования национальных систем мониторинга и оценки во внешнеэкономической политике

38 А.В. Уварова
Разработка предложений по совершенствованию законодательства Российской Федерации в сфере взаимного кредитования (краудлендинга)

УПРАВЛЕНИЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

45 Ю.А. Левин, А.О. Павлов
Вектор участия государства в инновационном процессе: федеральные и региональные аспекты

52 М.П. Соломонов, С.Г. Турантаев, Р.Н. Шпакова
Методика интегральной оценки качества жизни в регионе

61 Н.Е. Григорук, С.А. Галкин
Статистический учет и управление товарными потоками во внешней и внутрирегиональной торговле Евросоюза

РЕЦЕНЗИИ

70 Е.В. Смирнская
Роль института нотариата в национальном и международном гражданском обороте

The founder: Federal State Autonomous Higher Education Institution
"Moscow State Institute of International Relations (University) under
the Ministry for Foreign Affairs of the Russian Federation"

**CHAIRPERSON OF THE EDITORIAL BOARD,
EDITOR-IN CHIEF – R. YENGIBARYAN**

EDITORIAL BOARD:

Franchesco Adornato – Professor, Rector, University of Macerata, Italy

Tatyana A. Alekseyeva – Head of the Department of Political Theory, MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Doctor of Philosophy, Professor, Merited Fellow of Science of the Russian Federation, Russia

Tatyana Yu. Ampleeva – Professor of the Department of Legal Foundations of Administration, MGIMO under the MFA of Russia, Doctor of Law, Russia

Fabrizio D'Ascenzo – Professor, Vice-Rector, Sapienza University of Rome, Italy

Oksana V. Gaman-Golutvina – Head of the Department of Comparative Political Sciences, MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Doctor of Political Sciences, Professor, Russia

Dmitry V. Gribanov – Doctor of Law, Associate Professor, Vice-Rector for Academic Affairs, Ural State Law University, Russia
Prof. Dr. **Stephen Guangpeng Dong** – China University of Public Relations, Dean of the Faculty of Continuing Education, Professor in Communication and Leadership, National School of Management, China

Robert V. Yengibaryan – Academic Director of the Faculty of Administration and Politics, Doctor of Law, Professor, Merited Fellow of Science of the Russian Federation, Russia

Alla V. Yendoltseva – Professor with the Department of Legal Foundations of Administration, Doctor of Law, Professor, Russia

Sergei G. Kamolov – Head of the Department of Public Administration, MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, PhD in Economics, Associate Professor, Russia

Yu. K. Krasnov – Professor with the Department of Legal Foundations of Administration, MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Doctor of Law, Doctor of Historical Sciences, Russia

Natalia B. Kuzmina – Vice-rector of the MGIMO under the MFA of Russia for finances and economics, Doctor of Economic Sciences, Russia

Jose A. Morande Lavín – Director of Institute of International Studies (University of Chile), Chile

Marina M. Lebedeva – Head of the Department of World Political Processes, MGIMO under the MFA of Russia, Doctor of Political Sciences, Professor, Russia

Artem V. Malgin – Vice-Rector for General Issues, MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Russia

Armen G. Oganessian – Editor-in-Chief, The International Life journal with the MFA of Russia, Member of the Writers' Union of Russia, Russia

Henry T. Sardaryan – Dean of the Faculty of Administration and Politics, Candidate of Political Sciences, Russia

Ramon Gil-Casares Satrustegui – Ambassador, Director of the Diplomatic School, Spain

Anatoly V. Torkunov – Rector of MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Academician with the Russian Academy of Sciences, Russia

Antonio Lopes Cristovão – Director of Institute for International Relations "Venancio de Moura", Angola

Dr. Gerhard Schnyder – Royal College of London, Faculty of Management and Business, Ph.D. in Political Science, United Kingdom

Mark L. Entin – Head of the Department of European Law, MGIMO under the MFA of Russia, Doctor of Law, Professor, Russia

EXECUTIVE SECRETARY – Vladimir E. Berezko

Proofreading – **Tamara M. Shrapyan**

Computer layout – **Dmitry E. Volkov**

CONTENTS

LAW IN THE PRESENT-DAY WORLD

- 3 **E.A. Kremyanskaya, Yu.I. Leibo**
Constitutional and foreign policy aspects of the U.S. economic sanctions
- 12 **M.V. Silantieva**
The myth role in current identification programs: studying law remythologization in the scientific and educational field in modern Russia
- 21 **D.S. Alyakin**
Principles of contractual performance under the Quebec law
- 29 **Yu.K. Zaytsev, Ju.A. Komagaeva**
Establishing national monitoring and evaluation systems for foreign economic policy implementation
- 38 **A.V. Uvarova**
Proposals on improving Russian legislation in the field of mutual lending (crowdlending)

ADMINISTRATION: CHALLENGES AND PROSPECTS

- 45 **Yu.A. Levin, A.O. Pavlov**
The vector of state government participation in the innovation process: federal and regional aspects
- 52 **M.P. Solomonov, S.G. Turantaev, R.N. Shpakova**
Methods of integrated assessment of quality of life in the region
- 61 **N.E. Grigoruk, S.A. Galkin**
Statistical accounting and management of commodity flows in extra- and intra-European trade

REVIEW

- 70 **E.V. Smirenskaya**
The role of the institution of notary in national and international civil circulation

Журнал «Право и управление. XXI век» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

С сетевым изданием «Право и управление. XXI век.

Электронное издание» можно ознакомиться по адресу: www.mgimopravo.elpub.ru
www.pravo.mgimo.ru

The "Law and Administration. The 21st Century" journal is included in the List of the reviewed scientific editions which publish the major research results of doctorate and candidate of science degree dissertations.

The Internet edition of the "Law and Administration. The 21st Century" is available at: www.mgimopravo.elpub.ru
www.pravo.mgimo.ru

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭКОНОМИЧЕСКИХ САНКЦИЙ США

Елена Кремянская*

Юрий Лейбо**

DOI 10.24833/2073-8420-2018-4-49-3-11

Введение. История применения экономических санкций с целью давления на противника уходит корнями еще в далекие античные времена, когда Афины блокировали возможности торговли тем субъектам, чьим поведением были не довольны. Автор доказывает, что дальнейшее активное развитие применения санкций, получившее развитие в 20 веке, при этом больше связано с деятельностью отдельных государств и, в частности, США. Этому способствовала и позиция американских президентов, в частности отраженная в речи президента Вудро Вильсона, в которой он назвал экономические санкции тихими, но смертельными способами борьбы.

Существенную роль в экономических отношениях СССР и США длительное время играла поправка Джексона-Вэника, вводившая ограничения в торговые отношения между СССР, а позднее - России и США, существовавшие вплоть до отмены поправки лишь в 2012 году. Однако, начиная с 2014 года история санкционного давления США на Россию получила новое стремительное развитие. Автор останавливается на некоторых президентских актах, которые ввели новые экономические санкции в отношении России. В статье рассматривается закон «О противодействии противникам Америки посредством санкций» (CAATSA), принятый в США в 2017 году.

Материалы и методы. Методологическую основу исследования составляют общенаучные и специальные методы познания правовых явлений в области конституционного права, включающие в себя метод системного структурного анализа, сравнительно-правовой метод, формально-логический метод, историко-правовой метод.

Результаты исследования. В результате проведенного исследования автор обращает внимание на существенное значение экстерриториального действия американских санкционных актов, что позволяет

* **Кремянская Елена Александровна**, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права МГИМО МИД России, Россия.
e-mail: elena.kremyanskaya@gmail.com
ORCID ID: 0000-0002-2641-0310

** **Лейбо Юрий Иванович**, доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного права МГИМО МИД России, Россия.
e-mail: elena-kaf@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-9419-033X

применять их нормы за пределами США, в том числе в отношении российских физических и юридических лиц. Кроме того, можно сделать вывод, что современные санкции США в отношении России являются элементом давления с целью вмешательства во внутреннюю и внешнюю политику государства.

Обсуждение и заключение. *Обосновано использование экономических санкций в качестве меры силового принуждения другого государства; аргументирован факт негативного влияния экономических санкций и на само государство, которое их применяет, обосновано положение о том, что экстерриториальность действия законов США вступает в противоречие с суверенной правоприменительной практикой других государств, в том числе Российской Федерации.*

2 августа 2017 года был принят закон США «О противодействии противникам Америки посредством санкций» (CAATSA)¹ Один из разделов данного закона - «Акт о противодействии российскому влиянию в Европе и Евразии» определяет основные направления деятельности в связи с санкциями в отношении России, содержит расширенный перечень экономических санкций, куда входят санкции в сфере информационной безопасности, санкции в нефтяной сфере, в финансовой сфере и многие другие.

С 2014 года, когда в новейшей истории США впервые ввели экономические санкции против российских физических и юридических лиц, все новые и новые ограничения распространяются на все больший круг лиц, зачастую даже гипотетическая причастность которых к каким либо событиям, упомянутым в CAATSA, как например, события в Сирии или события на Украине вызывает большие сомнения. Тем не менее, США продолжают применять экономические санкции, становясь примером для своих союзников, которые чуть позднее, после США вводят аналогичные ограничения и в свое законодательство. Применение экономических санкций ставит под сомнение действительность демократических правовых механизмов, нивелируются понятия презумпция невиновности, гарантии частной собственности, право на самозащиту и многие другие.

Актуальность рассматриваемой темы не вызывает сомнений – уже в течение пяти лет Россия развивается в условиях все более жесточайших экономических санкций,

а оценка перспектив их дальнейшего применения на текущий момент не вызывает сомнений в том, что в среднесрочной перспективе давление экономических санкций продолжится. Таким образом, данное исследование ставит своей целью дать правовую оценку применению экономических санкций США, при этом, как представляется авторам, правовая оценка в данном случае очень тесно связана и с внешнеполитическими аспектами данного вопроса, в связи с чем они рассматриваются в совокупности.

Исследование

История применения экономических санкций

Среди многочисленных способов давления на контрагентов, использовавшихся представителями различных стран на протяжении веков, экономические санкции занимают не последнее место. Зародившись еще в античные времена, когда древние греки использовали и экономические средства давления, такие как запрет торговли, ограничение снабжения противника провиантом и водой, экономические санкции или эмбарго продолжают свое существование и поныне.

Ученые указывают на то, что первые идеи экономических санкций были реализованы еще в Древней Греции, в связи с событиями в Мегаре, когда представители Афин были недовольны покровительством Мегары беглым рабам и в связи с этим установили запрет на торговлю для коммерсантов из Мегары, распространявшийся на территорию всего региона.

Соединенные Штаты можно назвать одними из современных основоположников

¹ Countering America's Adversaries through Sanctions Act 2017 <https://www.congress.gov/115/plaws/publ44/PLAW-115publ44.pdf>

применения мер экономического давления. Так, еще в 18 веке в ответ на давление Британии колонисты применили запрет на британские товары, что, в конце концов, закончилось «бостонским чаепитием».

Среди современных родоначальников идеи экономических санкций выделяют бельгийского ученого Анри Лафонтена, который предложил изолировать страны-агрессоры с помощью экономических мирных мер. Его идеи нашли свое развитие и в подходах американского президента Вудро Вильсона, который заявил в 1919 году во время выступления в Индианаполисе: «Нация, которая подвергается санкционному бойкоту, это нация, которая капитулирует. Применяйте эти экономические, мирные, тихие, но смертельные средства борьбы и не будет необходимости использовать армию. Это очень серьезное средство. Оно не забирает человеческие жизни, но оно оказывает давление на всю нацию таким образом, что ни одна нация не может этого выдержать» [8. С. 21].

До сих пор является дискуссионной позиция, что лишь санкции помогут выиграть войну, сторонники санкций подчеркивают, что в общей совокупности средств реализации агрессивной внешней политики экономические санкции однозначно играют не последнюю роль.

История применения экономических санкций, тем не менее, не столь часто помогает коренным образом изменить поведение зарубежного государства, при этом объем санкций может банально не соответствовать поставленной цели. Кроме того, опыт показывает, что примененные к государству экономические санкции могут, наоборот, привести к объединению государства в борьбе с внешней угрозой и к поиску адекватных внутренних экономических альтернатив. Например, такие результаты показали введенные США экономические санкции против Индонезии в 1963-1966 годах, а также санкции США против Никарагуа в 1980 годах.

Введение экономических санкций может приводить и к существенному политическому перераспределению сил. Например, санкции США против Кубы привели в том числе к укреплению отношений между Кубой и СССР и закреплению Кубы в качестве советской зоны влияния.

Среди примеров эффективных экономических санкций можно вспомнить санкции середины 80х, когда был принят Закон США о действиях против апартеида, в соответствии с которым вводился запрет на торговлю с ЮАР, распространявшийся на

большой перечень продукции. Результатом таких ограничений стало существенное снижение ВВП и вывод капитала из страны ЮАР, который продолжался до смены режима в этом государстве.

Цели и формы экономических санкций

Анализируя совокупность вводимых на данном историческом этапе экономических санкций США, можно заметить ряд целей, с которыми США данные санкции используют. Во-первых, это наказание государства, на которое распространяются санкции за политику, которая не соответствует интересам США и поэтому, по мнению США, является противоправной.

Во-вторых, это принуждение данного государства к изменению своей политики. В-третьих, это безусловный сигнал окружающим о том, что при осуществлении аналогичных действий США также готовы применить меры экономического давления. Исследователь А.Р. Шакиров выделяет основные формы экономических санкций [6. С. 191]: «1. Запрещение или ограничение внешнеэкономических связей с объектом санкций (эмбарго). Данная форма экономических санкций имеет 2 вида:

- полное или выборочное запрещение или ограничение торговых связей с объектом санкций (полное или выборочное торговое эмбарго);

- полное или выборочное запрещение или ограничение финансовых связей с объектом санкций, в том числе инвестиций, финансовых операций, предоставления экономической помощи, предоставления грантов и займов, а также замораживание активов правительства, юридических и физических лиц». Кроме того, выделяется и второй вид формы экономических санкций. «Предоставление объекту экономических санкций относительно худших условий внешнеэкономического сотрудничества. Данная форма экономических санкций имеет ряд видов, в том числе:

- введение запрета или ограничений на предоставление режима наибольшего благоприятствования (РНБ) или его отмена;
- отказ объекту экономических санкций в торговых преференциях;
- отказ объекту экономических санкций в предоставлении кредитов;
- предоставление объекту экономических санкций кредитов под более высокий процент, чем другим странам.» [6. С. 191]

Данная классификация представляется весьма разумной – в зависимости от си-

туации и необходимости объема давления в руках у США находится весьма широкий спектр мер экономического принуждения.

Несмотря на то, что цель экономических санкций – это удовлетворение и внутренних интересов государства, санкции могут нанести существенный ущерб интересам бизнеса в самом государстве.

Прежде всего, запрет торговли с определенными территориями или определенными компаниями ограничивает рынок и для самих американских компаний, ведет к тому, что выбор бизнес партнера может быть сделан не оптимальным образом. Кроме того, расширение санкционных ограничений ведет к тому, что любая компания, осуществляющая международную торговлю или вступающая в отношения с международным элементом должна очень тщательно подходить к выбору бизнес партнеров, а также к созданию внутренней системы оценки сделок или так называемой службы комплаенс. Зачастую эта жизненная необходимость приводит к существенному увеличению затрат компании.

Кроме того, еще одним отрицательным аспектом влияния санкций на бизнес американских компаний может стать высокий репутационный риск – принимая во внимание то, что контроль деятельности американских компаний со стороны своих властей очень высок, а значит контроль и взаимоотношений с контрагентами – многие контрагенты скорее будут искать партнера на ином рынке, чем заведомо попадать в сферу контроля американских властей.

Санкционные ограничения торговли с СССР в связи с поправкой Джексона-Вэника и Актом Магнитского

В истории торговых отношений между СССР и США огромную роль сыграла известная поправка Джексона-Вэника 1974 года к Закону о торговле США, которая, в частности, гласила:

«Чтобы утвердить неизменную преданность Соединенных Штатов фундаментальным правам человека, с 03 января 1975 года, независимо от других положений законодательства, товары из любой страны с нерыночной экономикой не будут подлежать недискриминационному режиму (стандартным торговым отношениям), а такая страна не будет участвовать в какой-либо програм-

ме правительства США, предполагающей непосредственное или опосредованное предоставление кредитов, кредитных гарантий или инвестиционных гарантий, а Президент США не будет заключать какие-либо коммерческие соглашения с любой такой страной в течение периода, который начинается с даты, когда президент определяет, что такая страна :

1. отказывает своим гражданам в праве на свободную эмиграцию;
2. облагает более чем номинальной пошлиной эмиграцию, визы или другие документы, необходимые для эмиграции, независимо от причин и целей этого обложения; либо
3. облагает более чем номинальным налогом, сбором, штрафом или любым другим видом платежа любого гражданина вследствие желания такого гражданина эмигрировать из страны по собственному желанию, и заканчивается датой, когда президент определяет, что такая страна более не нарушает вышеназванных пунктов (1), (2) или (3)»².

Указанная поправка действовала в отношении СССР, а затем и России с 1975 по 2012 год. Наконец поправка в отношении России была отменена, чему стали причиной несколько событий: во-первых, вступление России в ВТО, а указанная поправка существенно ограничивала применение правил ВТО в отношении России, а во-вторых, одновременно с отменой поправки был принят так называемый «Акт Магнитского»³, в соответствии с которым были введены персональные санкции в отношении лиц, по мнению США, причастных к смерти аудитора Сергея Магнитского. Данные санкции касались запрета на въезд в США, а также предполагали блокирование активов на территории США, принадлежащих некоторым физическим лицам.

Акт Магнитского был весьма негативно воспринят представителями Российской Федерации и этому, безусловно, есть объяснение. Одним из принципов правового государства является верховенство права и осуществление правосудия только судом. Введение санкционного режима можно толковать и как меру наказания, которая применяется государством в отношении лица, чья вина не установлена, следствие не проведено и состав преступления определяется

² <https://web.archive.org/web/20050930230739/http://www.gpoaccess.gov/uscode/browse.html> (дата доступа 09.12.2018)

³ Sergei Magnitsky Rule of Law Accountability Act of 2012

лишь на основании предположения о том, что данное лицо причастно к какому-то деянию. Более того, не имея судебного доказательства вины лица, государство применяет санкции в том числе, которые приводят к изъятию собственности лица, даже если она расположена на территории другого государства. Таким образом, можно констатировать юридическую ущербность самого института санкций, особенно в их персональной части.

Несмотря на вышеуказанные недостатки введения санкций в связи с Актом Магнитского, санкционная история получила следующее развитие буквально через пару лет.

Новый этап применения экономических санкций США против России

События 2014 года, связанные с воссоединением Крыма и Севастополя с Российской Федерацией и появлением двух новых субъектов в составе России вызвали острую реакцию в США, что повлекло за собой подписание в марте - апреле 2014 года Президентом США Указов №13360⁴, № 13661⁵ и № 13662⁶, основанных на Акте об экономических правах в международной сфере в чрезвычайных ситуациях.

Данные акты установили чрезвычайный режим, а также ввели персональные санкции против ряда российских политических, военных деятелей, а также представителей бизнеса.

Свое полномочие Президент США реализовал исходя из положений Конституции США, в соответствии с которыми Президент США реализует внешнюю политику США и имеет право принимать акты в данной сфере.

Конституция⁷ и законодательство США предоставляет полномочия в области принятия решения и применения экономических санкций как Президенту США [4. С. 89] и его администрации, соответствующим органам исполнительной власти, так и Конгрессу [1. С. 240].

Анализируя конституционную природу экономических санкций США, необходимо определиться со следующими вопросами: - нарушены ли положения законов о торговле за рубежом; включаются ли данные сферы в компетенцию власти осуществлять внешнюю политику; - в случае вмешательства в данную сферу Президента США или Конгресса установлена ли возможность вмешательства соответствующими нормами федерального права США.

В соответствии с положениями Конституции США, а также Актом о торговле с вражескими государствами (Trading with the Enemy Act), Актом о национальных чрезвычайных ситуациях (National Emergencies Act) и Актом об экономических правах в международной сфере в чрезвычайных ситуациях (International Emergency Economic Powers Act) Президент США наделен чрезвычайными полномочиями, которые он реализует самостоятельно, а также через другие органы исполнительной власти. Так, в США, Агентство по контролю за зарубежными активами, которое уполномочено осуществлять администрирование санкций и применение мер принуждения. При этом сами санкции, в соответствии с толкованием, предоставленным данным ведомством представляют собой «блокирование активов и торговые ограничения в целях реализации внешней политики и обеспечения безопасности государства»⁸.

Обращает на себя внимание, что в соответствии с Указом № 13661 список санкционных лиц мог быть расширен с участием Государственного Секретаря США [5. С. 216]. Контроль и регламентация данного вопроса отнесена также к полномочиям исполнительной власти США, а именно Министерства финансов США и его ключевого подразделения – Агентства по осуществлению контроля за иностранными активами⁹. В конце 2014 года Президент США подписал еще один Указ №13685¹⁰, в соответствии с которым были введены территориальные

⁴ <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2014/03/06/executive-order-blocking-property-certain-persons-contributing-situation> (дата доступа 09.12.2018)

⁵ https://www.treasury.gov/resource-center/sanctions/Programs/Documents/ukraine_eo2.pdf (дата доступа 09.12.2018)

⁶ https://www.treasury.gov/resource-center/sanctions/Programs/Documents/ukraine_eo3.pdf (дата доступа 09.12.2018)

⁷ The Constitution of the United States of America. <https://www.congress.gov/constitution-annotated/> (дата доступа 09.12.2018)

⁸ Часто задаваемые вопросы (англ). OFAC. https://www.treasury.gov/resource-center/faqs/Sanctions/Pages/faq_general.aspx (Электронный ресурс. Дата доступа 28.12.2018)

⁹ Office of Foreign Assets Control (сокр. OFAC)

¹⁰ https://www.treasury.gov/resource-center/sanctions/Programs/Documents/ukraine_eo4.pdf (Электронный ресурс, дата доступа 28.12.2018)

санкции в отношении Крыма, крымских компаний и ведения бизнеса на территории Крыма. В течение последующих лет до весны 2018 года санкции стремительно расширялись. Если в начале 2014 года основанием стала предполагаемая деятельность России в Крыму и на Украине, затем санкции стали вводить в связи с событиями в Сирии, в связи с причастностью к определенным политическим группам.

Анализируя объем санкций, введенных в период с 2014 по 2017 годы, можно выделить следующие группы санкций.

Во-первых, это самые многочисленные *персональные санкции* против физических и юридических лиц, которые внесены в список специально выделенных лиц и блокированных персон (SDN – Specially Designated Nationals and Blocked Persons). Лицам США, включающим физических лиц, юридических лиц, а также их зарубежные филиалы и представительства, а также лицам, которые находятся на территории США запрещено заключать сделки с теми, кто отнесен к «специально выделенным лицам и блокированным персонам» (SDN). Все активы таких лиц, входящих в список SDN, блокируются, кроме того, физическим лицам из данного списка запрещается въезжать на территорию США [9. С. 1390].

Во-вторых, это *секторальные санкции*, запрещающие определенные виды сделок с определенными юридическими лицами в ряде отраслей российской экономики, которые внесены в Идентификационный список секторальных санкций (SSI List). Секторальные санкции применяются США впервые и распространяются на определенные компании, работающие в финансовом, энергетическом и оборонных секторах. В отличие от санкций, применяемых в отношении лиц, выходящих в список SDN, секторальные санкции не означают полный запрет на ведение бизнеса с такими компаниями, однако запрещаются лишь определенные сделки, например, запрещается долгосрочное кредитование таких лиц. Кроме того, в энергетическом секторе запрещается экспорт и реэкспорт товаров, услуг и технологий, связанных с освоением Арктики, а также соответствующих природных ресурсов. Существуют и иные ограничения.

В-третьих, *территориальные санкции*, введенные в отношении Крыма.

Запрещаются сделки, которые осуществляются в Крыму, в отношении Крыма или

с участием лиц, связанных с Крымом: инвестиции в предприятия, находящиеся в Крыму, а также в проекты, реализуемые на крымской территории; импорт в США прямо или косвенно любых товаров, услуг или технологий из Крыма, а также экспорт, реэкспорт, продажа и поставки из США или лицами США любых товаров, услуг или технологий в Крым.

Кроме вышеперечисленных, введен ряд санкций в отношении поставок товаров и услуг, связанных с высокими технологиями, которые могут быть использованы в военных целях.

Новой вехой в санкционной истории стал Закон США от 2 августа 2017 года «О противодействии противникам Америки посредством санкций» (CAATSA)¹¹.

Данный закон состоит из нескольких частей. Одна из них регламентирует режим санкций в отношении Ирана, вторая – в отношении Российской Федерации, а третья часть посвящена КНДР.

В рамках рассмотрения нами положений данного закона, распространяющихся на Россию, обращает на себя внимание статья 231, которая обязывает государственного секретаря, путем консультаций с министром финансов, ввести последующие санкции против неамериканских лиц, которые после даты вступления в силу CAATSA участвовали в «значительных» сделках с любыми из тридцати девяти российских компаний и государственных органов, осуществляющих деятельность в сфере обороны и разведки.

Среди особенностей закона хотелось бы отметить положения статьи 242, которые обязывают в течение полугода предоставить Конгрессу отдельный доклад о потенциальных последствиях расширения санкций, согласно нормам, которые ограничивают возможности лиц США по совершению сделок с акциями и долговыми обязательствами российских государственных банков.

В открытой части данного доклада Министерство финансов США отметило, что распространение действия санкций на новый российский суверенный долг, вероятно, не только имело бы существенные неблагоприятные последствия для российской валютно-финансовой системы и привело бы к замедлению роста российской экономики, но и «возможно, косвенно оказало бы отрицательное воздействие на мировые финансовые рынки и операции», а также

¹¹ https://www.treasury.gov/resource-center/sanctions/Programs/Documents/hr3364_pl115-44.pdf (дата доступа: 19.12.2018)

причинило бы вред инвесторам и компаниям США. Таким образом, очевидно, что данная возможность представляется весьма реальной.

Агентство по осуществлению контроля за иностранными активами включило в санкционный список ряд физических лиц, считающихся причастными к поставке оборудования Siemens на территорию Крыма для использования на электростанциях, которые сооружаются в настоящее время на территории Крыма и Севастополя¹².

Как требуют того условия закона CAATSA, а именно в соответствии со статьей 241 данного закона 29 января 2018 года был опубликован первый доклад по его российской части. Данный доклад содержал открытую и закрытую часть. В открытой части были представлены имена так называемых «олигархов», которые к таковым, скорее всего, были отнесены лишь потому, что являлись обладателями состояний более одного миллиарда долларов США, что вполне соответствовало «членству» в известном списке Forbes¹³. Кроме того, в доклад включен список российских политических деятелей, которые, по мнению США, близки к Президенту РФ [10. С. 1324].

Доклад прямо оговаривал, что он не предусматривает введения каких-либо санкций против указанных в нем лиц или запретов для ведения операций, однако очевидно, что доклад являлся предвестником введения новых экономических санкций, что и нашло свое подтверждение уже в апреле 2018 года, когда 6 апреля было объявлено о введении новых экономических санкций США в отношении ряда государственных чиновников и предпринимателей. При этом доклад сохраняет и сейчас свою ценность в качестве ресурса, который используется органами власти США в целях расширения санкций против России, ее граждан и компаний.

Одной из самых существенных проблем остается и то, что включение в санкционные списки так же, как и включение в список потенциальных «жертв» санкций, осуществляется лишь на предположениях американских властей о совершении указанными лицами каких-либо действий. Анализ списка лиц позволяет сделать и другие предположения, что вне зависимости от деятельности указанных лиц, их следования нормам

законов экономические ограничения могут быть на них распространены лишь потому, что американская власть относит их к «близкому кругу Президента РФ», что порой может быть весьма далеко от истины.

Кроме того, у лиц, которые внесены в доклад, а также тех, на кого распространяются санкции, отсутствует возможность апелляции. То есть обращение в суд возможно, однако вряд ли будет эффективно. Одним из возможных путей личного противодействия можно назвать лоббирование через официальных лоббистов в американских органах власти решения об отмене конкретных персональных санкций, например, если будет доказано, что лицо заблуждалось, совершая какие-либо действия, или в принципе к ним непричастно, однако длительный опыт противодействия экономическому эмбарго, осуществляемый гражданами различных государств демонстрирует крайне малую эффективность и этого варианта.

Заключение

Интенсивность введения все новых и новых экономических санкций в отношении предпринимателей, государственных чиновников, компаний Российской Федерации со стороны США не оставляет сомнений в далеко идущих целях американских властей. Развитие санкционных процессов и применение экономических санкций в отношении Российской Федерации, ее граждан, территорий и чиновников имеет под собой цель оказания решающего влияния на осуществление внутренней и внешней политики, и в том числе, возможно, и с целью изменения действующего государственного режима, что, по сути, является уже грубым вторжением в дела иностранного суверенного государства, элементом ведения военных действий в мирной обертке против иностранного государства.

Экстерриториальность американских санкционных законов позволяет применять нормы американского права и за пределами территории США, наказывать иностранных юридических и физических лиц, ограничивать или полностью прекращать их коммерческую деятельность, лишать собственности, оказывать влияние и на государственную деятельность. Все это является мощным оружием в руках у властей США.

¹² Rebecca M. Nelson U.S. Sanctions and Russia's Economy, 2017 Congressional Research Service <https://fas.org/sgp/crs/row/R43895.pdf> (дата доступа 20.12.2018)

¹³ Список Forbes – список лиц, имеющих состояние по внешним оценкам превышающее один миллиард долларов США.

С другой стороны, зачастую это оружие «бьет» и против собственных граждан и предпринимателей, когда американский бизнес становится серьезно ограничен в возможностях инвестирования, выстраивания партнерских отношений, вынужден принимать решения о дальнейшем развитии, исходя не из своих деловых приоритетов, а лишь из возможностей соблюдения всех норм и требований американских законов, имеющих экстерриториальное действие.

«Вина» субъектов в совершении правонарушений, наказанием за которые являют-

ся экономические санкции, устанавливается лишь на основе предположения, которое не подтверждено соответствующим судебным решением, не обеспечивается применением принципа презумпции невиновности, а значит экономические санкции, применяемые США, - это ограничения, которые ставят под сомнение общепризнанные демократические принципы, тормозят экономическое и политическое развитие и оказывают весьма негативное воздействие на правовое поле.

Литература:

1. Конституционное право зарубежных стран. Учебник для вузов / Под ред. Баглая М.В., Лейбо Ю.И., Энтина Л.М., 2016.
2. Уильям Бернам. Правовая система США. М., 2006.
3. Лафитский В.И. Конституционный строй США. М., 2011.
4. Глава государства в зарубежных странах. Коллективная монография / Под ред. А.Г. Орлова, Н.А. Славкиной. М.: МГИМО-Университет, 2016.
5. Правительство в зарубежных странах: коллективная монография / Под ред. К.В. Карпенко. М.: МГИМО-Университет, 2016.
6. Шакиров А.Р. Состояние и перспективы развития системы экономических санкций США // Вестник МГИМО-Университета. № 1. 2011.
7. D.P. Kommers, J.E. Finn, G.J. Jacobson. American Constitutional Law. Liberty, Community, and the Bill of Rights. Volume 2. Third Edition, 2003.
8. Economic Causalities: How U.S. Foreign Policy Undermines Trade, Growth, and Liberty / Edited by Solveig Singleton and Daniel T. Griswold, CATO Institute, Washington, 1991.
9. Pavlov E. Ya., Shashkova A.V., Kremyanskaya E.A., Leibo Y.I., Polovchenko K.A. Constitutional and legal mechanism of conducting foreign policy of the Czech Republic // Opción. Vol. 34. Especial No. 14. 2018.
10. Leibo Yu.I., Pavlov E.Ya., Rakitskaya I.A., Kremyanskaya E.A., Kuznetsova T.O. Constitutional Regulation and Practical Realization of powers' separation in the Russian Federation // Opción. 2018. Vol. 34. Num. 14. 2018.
11. Shashkova A.V. Corruption is a Problem of Political Theory and Practice // Montenegrin Journal of Economics. Vol. 14. No. 3. 2018.

CONSTITUTIONAL AND FOREIGN POLICY ASPECTS OF THE U.S. ECONOMIC SANCTIONS

Introduction. History of economic sanctions goes back to the old times, when Athens blocked trade for those entities, whose way of conduct was not acceptable to them. The authors prove, that further active application of economic sanctions, which developed in the 20th century, is more related to the activity of certain states, in particular the USA. The sanction practice was encouraged by the approach of the American presidents, for example, manifested in the well-known speech by President Woodrow Wilson where he named economic sanctions as silent, but deadly method of fight.

An Important role in the economic relations between the USSR and later – Russia and the USA was played the Jackson-Vanik amendment which imposed serious trade relation limitations that existed until it was repealed in 2012. However, in 2014 the history of the trade sanctions pressure over Russia from the USA got a new impetus. The authors review several presidential Executive Orders, which imposed economic sanctions against Russia. A new U.S. Law "Countering America's Adversaries Through Sanctions Act" (CAATSA), adopted in 2017 is scrutinized by the authors as well.

Materials and methods. The methodological basis of the research includes general scientific and special methods of cognition in the sphere of constitutional law, including method of system structural analysis, comparative legal method, formal logical method, historical and legal methods.

Results. The authors stress the high importance of the extraterritorial legal force of the U.S. economic sanctions acts, which allows application thereof beyond territory of the USA. The authors make a conclusion that modern U.S. sanctions against Russia without any doubt should be considered as an element of pressure with the purpose of intervening into Russia's internal and external policy.

Discussions and conclusion. The use of economic sanctions as a tool of coercion against another state is grounded; the negative impact of eco-

nomie sanctions on the state that imposes them is evidenced, the proposition that the extraterritoriality of the US laws is in conflict with the sovereign law enforcement practice of other states, including the Russian Federation, is substantiated.

Elena A. Kremyanskaya,
Candidate of Legal Science, Associate Professor with the Department of Constitutional Law, MGIMO-University under the MFA of Russia.

Yuriy I. Leibo,
Doctor of Legal Science, Full Professor of the Department of Constitutional Law, MGIMO-University under the MFA of Russia.

Ключевые слова:

экономические санкции, США, ограничение торговли, Конституция США, внешняя политика США, лоббизм, комплаенс, CAATSA

Keywords:

economic sanctions, US, trade restrictions, US Constitution, US foreign policy, lobbying, compliance, CAATSA

References:

1. Konstitutsionnoe pravo zarubezhnykh stran. Pod. red. M.V. Baglaya, Yu.I. Leibo, M.L. Entina. [Constitutional Law of Foreign Countries. Ed. by M.V. Baglai, Yu.I. Leibo, L.M. Entin]. 2016. Moscow.
2. Uiliam Bernam, 2006. Pravovaya Sistema SSHA [Legal system of USA]. Moscow.
3. Lafitskiy V.I., 2011. Konstitutsionniy stroi SSHA [Constitutional order of the USA]. Moscow.
4. Glava gosudarstva v zarubezhnykh stranah: kollektivnaya monografiya. Pod red. A.G. Orlova, N.A. Slavkinoi [Head of State in foreign countries: collective monograph. Ed. red. A.G. Orlov, N.A. Slavkina]. 2016. Moscow.
5. Pravitelstvo v v zarubezhnykh stranah: kollektivnaya monografiya. Pod red. K.V. Karpenko [Government in foreign countries: collective monograph. Ed. red. K.V. Karpenko]. 2016. Moscow.
6. Shakirov A.R., 2011. Sostoyanie i perspectiva razvitiya systemy ekonomicheskikh sanktsiy SSHA [Condition and perspectives of development of economic sanctions of the USA]. *Vestnik MGIMO [Herald of MGIMO-University]*. № 1.
7. D.P. Kommers, J.E. Finn, G.J.Jacobson, 2003. American Consitutional Law. Liberty, Community, and the Bill of Rights. Volume 2. Third Edition.
8. Economic Causalities: How U.S. Foreign Policy Undermines Trade, Growth, and Liberty, edited by Solveig Singleton and Daniel T. Griswold, CATO Institute, Washington 1991.
9. Pavlov E.Ya., Shashkova A.V., Kremyanskaya E.A., Leibo Y.I., Polovchenko K.A., 2018. Constitutional and legal mechanism of conducting foreign policy of the Czech Republic. *Opción*. Vol. 34. Especial No.14.
10. Leibo Yu.I., Pavlov E.Ya., Rakitskaya I.A., Kremyanskaya E.A., Kuznetsova T.O., 2018. Constitutional Regulation and Practical Realization of powers' separation in the Russian Federation. *Opción*. Vol. 34. No. 14.
11. Shashkova A.V., 2018. Corruption is a Problem of Political Theory and Practice. *Montenegrin Journal of Economics*. Vol. 14. No. 3.

РОЛЬ МИФА В АКТУАЛЬНЫХ ИДЕНТИФИКАЦИОННЫХ ПРОГРАММАХ: ИЗУЧЕНИЕ ПРОЦЕССОВ РЕМИФОЛОГИЗАЦИИ ПРАВА В НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Маргарита Силантьева*

DOI 10.24833/2073-8420-2018-4-49-12-20

Введение. В статье проанализирован вопрос о роли мифа в идентификационных программах индивидуального и группового типов, связанных с активизацией этноправа на уровне просветительских, образовательных и научно-исследовательских институций. Наличие культурных центров, развивающих исследования в области изучения традиций и обычаев (например, при изучении национальных языков), демонстрирует наличие интереса граждан к идеям «малой родины», уточнению их места в общегражданской идентификационной модели и соотношению этноправа с гражданским правом. Автор ставит вопрос о соотношении типов правосознания с процессами политизации права (в том числе, в качестве учебной дисциплины); рассматривает соотношение идеологических проекций различных исследовательских подходов с самими этими исследовательскими подходами.

Материалы и методы. Материалом для проведенной научной работы послужили программы и проекты, реализуемые в рамках изучения этноправа и философии права в различных вузах и исследовательских центрах России, а также научные результаты деятельности подобных центров, представленные в книгах, статьях и в научно-популярной литературе. Методологическую основу исследования составляет метод горизонтального и вертикального компаративного анализа, позволяющий уяснить соотношение различных дисциплин, связанных с этноправом, между собой; а также проследить их генезис и современное состояние по узловым точкам, влияющим на выбор идентификационных предпочтений.

Результаты исследования. В работе показано, что ремифологизация права в научно-образовательном пространстве современной России является следствием активизации социокультурных процессов на региональном и локальном уровне. Их пусковым механизмом явилась условная децентрализация, имеющая место вследствие политических преобразований последних тридцати лет, а результатом – распространение интереса к национальным языкам, культуре и обычаям, имеющее как сугубо научное и образовательное, так и (при определенных условиях) идеологическое значение. Как следствие, ремифологизация права составляет, с одной стороны, добротную основу гражданского самосознания, наполняя его формализованные предписания смыслом, почерпнутым из непосредственных отношений между людьми. С другой стороны, усиление акцента

* **Силантьева Маргарита Вениаминовна**, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии им. А.Ф. Шишкина МГИМО МИД России, Россия.

e-mail: kf@mgimo.ru

ORCID ID: 0000-0002-9246-6339

на архаической форме регуляции социальных отношений с помощью этноправа может способствовать критическому усилению тенденции регионализации. Динамическое равновесие права и обычая, таким образом, требует регулярных усилий по корректировке соответствующих образовательных программ и подготовки кадров высокой квалификации, способных работать с различными категориями учащихся.

Обсуждение и заключение. В работе выделены и описаны основные направления развития философии права, связанной с юридической антропологией; раскрыты возможные пути совершенствования образовательных программ с учетом того идеологического влияния, которое может при определенных условиях оказывать на сознание обучаемых идеологический вектор интерпретации этноправа. Особое значение в данной связи имеет преподавание гражданского права, а также философии и смежных дисциплин, способствующих формированию осознанной гражданской позиции.

Одной из характерных тенденций современных культур нередко называют архаизацию, которая оказывает влияние на многие сферы жизни общества. Связанная с мифологизацией и этнизацией сознания, эта тенденция имеет отчётливые проекции в социокультурной практике, проявляясь, например, в оживлении норм регуляции, свойственных *обычному праву*. При этом само обычное право иногда скрывается под маской возрождения «традиционных ценностей» и в целом традиционалистского сознания, иницилируя активизацию санкций общественного мнения (осуждение/одобрение). В свою очередь, действие общественного мнения в современных условиях поддерживается «сверх-санкцией» «мнения» государства в лице его чиновников и уполномоченных органов, «размытой» в поле идеологии и энергично продуцируемой средствами массовой информации.

Процессы, о которых идет речь, наиболее наглядно наблюдаются в ряде регионов Северного Кавказа, где не так давно имели место попытки восстановления действия шариатских судов [26. 81-86; 24; 36. 7-9; 14. 84-88; 9. 17-24; 22. 48-52], а также на территориях Урала и Поволжья, Забайкалья, Сибири и Дальнего Востока [15. 87-92; 29; 7. 65-79; 2], где мифология регионализма [37. 44-49] нередко выступает одной из неявных политико-идеологических сил [1. 121-126; 8. 33-38], концентрирующихся вокруг учебных и научных заведений, музеев и других краеведческих центров. Ярko выраженная педагогическая [25. 65-68; 21. 74-79] и просветительская направленность их деятельности акцентирует внимание на локальной и региональной идентичности населения, что

требует легитимации ссылкой на историческое прошлое, традицию, – нередко представленную в качестве безусловного образца организации социальной жизни. Определенный вклад в становление региональной национально-культурной мифологии делает институализированная философия – например, когда участвует в продуцировании идеологем, представляющих обществу те или иные культурные (религиозные, нравственные и т.д.) ценности в качестве «единственно верных». Свою лепту в этот процесс вносит такая дисциплина, как философия права, – скажем, в том случае, когда предлагает закрепить данную «правильность» правовыми методами или донести до сознания обучаемых незыблемость тех или иных философских подходов к праву и его истории.

Разумеется, вряд ли подобная мифология является исключительно плодом чьей бы то ни было фантазии или злой воли. Более вероятно, что она базируется на реальных социальных процессах [27], причем обращение к литературе показывает, что интерес к таким явлениям и процессам начался не сегодня – примерами могут служить изданные в России еще до революции книги М.М. Ковалевского и С.Д. Гальперина [17; 6]. Их изучение на этнографическом материале еще в XIX в. вызвало к жизни появление относительно самостоятельных школ отечественного **этноправоведения**, а затем, уже в XX в., – разработку отечественной версии теории **юридической антропологии** [38; 33. 7-14; 30. 51-61; 32; 31. 165-170; 20. 265-271], которая сравнительно недавно была выведена из «юрисдикции» нормативной этнографии (институализированной в рамках исторических факультетов университетов) в само-

стоятельную отрасль юридического знания (хотя и не нашла в этом качестве однозначного программного признания).

Определённый интерес в этой связи представляют изданные в России учебники по юридической антропологии, – например, учебник «Антропология права» А.И. Ковлера [18], включая перевод книги Норбера Рулана «Юридическая антропология» (впервые издана в Париже в 1988 г. [28], напомним – Норбер Рулан известен как основатель Французской ассоциации юридической антропологии); а также методические рекомендации по её изучению, издаваемые в различных научно-образовательных центрах [35].

Один из признанных центров российского этноправоведения, ведущих активную исследовательскую и педагогическую работу, находится в Национальном исследовательском Мордовском государственном университете, где функционируют лаборатория финно-угорского этноправоведения и Межрегиональный финно-угорский центр этноправоведения под руководством Ю.Н. Сушковой; а также Межрегиональный научный центр финно-угорского этноправоведения под руководством Н.П. Макаркина¹.

С 1961 г. ведет свою историю научно-исследовательский институт национальных школ республики Саха (Якутия), среди приоритетных направлений работы которого выделены такие, как: «организация этнокультурного, поликультурного образования и двуязычного образовательного процесса; обучение предметам (курсам), направленным на удовлетворение этнокультурных и поликультурных образовательных потребностей коренных народов РС(Я) и других регионов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ; социализация детей коренных народов Севера, Сибири и дальнего Востока РФ в условиях поликультурного образовательного пространства»².

Изучение языка, происходящее параллельно с освоением культуры народа, на нем говорящего, вызвало к жизни феномен «школ с этнокультурным компонентом». Наиболее известные из московских обще-

образовательных учреждений такого рода – школа № 19 с изучением хинди, интернат № 56 с изучением турецкого языка и интернат № 11 с изучением китайского. В результате укрупнения учебных заведений эти школы оказались присоединены к другим образовательным центрам и освоение заявленных языков там, по данным портала Мослента, стало факультативным. Однако по данным того же издания «на сегодняшний день в Москве есть школы, где изучают иврит, фарси, грузинский, литовский, татарский, армянский, корейский, арабский языки и культуру народов, говорящих на этих языках»³. В любом случае, «этнокомпонент» оказывается востребован в системе общеобразовательных школ не только на «окраинах» – в регионах, но и в столице.

Методологию изучения языка по понятным причинам связывают во всех упомянутых случаях с изучением культуры; а изучение культуры, в свою очередь, – со знакомством с традициями и обычаями. Насколько в результате такого знакомства обычай приобретает нормативно-регулирующий характер в сознании учащихся – вопрос открытый. Над его разработкой трудятся многие из перечисленных *исследовательских* центров, разумно делая акцент не на идеологии регионализма, а на необходимости прививать молодому поколению любовь к малой родине через освоение вскормленных ею культурных ценностей. Так, иллюстрированные детские издания, посвященные этномифологии народов, населявших и населяющих те или иные регионы, можно встретить в Перми, Новосибирске, других городах Урала, Сибири и Забайкалья. Юридическая антропология, по сути, надстраивается над подобными этнографическими исследованиями, обосновывая их актуальность и тем самым создавая дополнительный резонанс на уровне медиа и массовой культуры в целом.

Раскрывая методологию юридической антропологии, один из крупных отечественных теоретиков этого профиля, Ю.Н. Сушкова⁴, ссылается на впечатляющий ряд разработок в указанной области. Среди их ав-

¹ См.: Сайт Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева. URL: https://www.mrsu.ru/ru/i_depart/detail.php?ID=63535

² Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Научно-исследовательский институт национальных школ Республики Саха (Якутия)». URL: <http://insch.ru/>

³ Афанасьева Н. Национальные школы в Москве // Мослента. 18.10.2018. URL: <https://moslenta.ru/edu/school.htm>

⁴ См.: Юридический факультет Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева / Юридическая Россия. Федеральный правовой портал. URL: <http://law.edu.ru/org/organization.asp?orgID=1115052>

торов, помимо таких дискуссионных имён, как А.М. Величко, упомянуты классики отечественной юридической антропологии и современные исследователи, такие как В.М. Викторин, А.М. Ладыженский и др. [4; 5. 38-42; 19. 157-165], а также Х.М. Думанов и А.И. Першиц (которые, как известно, ввели понятие «мононормы», характеризующей «предправо» при переходе от обычая к праву [13. 98-103; 12. 85-91]).

Рассмотрение сути дискуссий, вписанных в формат «философии права» и «юридической антропологии», позволяет заключить, что чаще всего они ведутся по вопросу об отношении права и обычая в свете различных теорий происхождения права. В числе последних правоведы и этнографы выделяют *договорную, теологическую, примирительную, патриархальную, психологическую, историческую (теория несамопроизвольности), нормативистскую, теорию насилия, классовую* [11. 283-288] и др. [34. 189-195].

Как бы то ни было, приходится признать, что социальная регуляция с помощью обычая (а там, где общественное мнение играет роль «сильной» санкции, – например, в случае с остракизмом, которому предают нарушителей норм обычая в деревнях) никогда полностью не уходила из жизни общества. При этом государственная власть могла поддерживать усиление действия «обычного права» – например, можно вспомнить имевшую место в советский период практику нравственного осуждения на партийных собраниях и съездах. Во времена сталинизма её использование предшествовало практически неизбежному последующему применению к «нравственно осуждённым» жёстких правовых санкций, вплоть до смертной казни. Обычное право в таких случаях оказалось встроено в действие государственного механизма правовой регуляции как своеобразная прелюдия, запускающая действие правовой нормы. Сама норма при этом «выворачивалась наизнанку». Строгое соблюдение её формальной стороны было вписано в мораль «революционной законности», находящейся в противоречии не только с естественноправовым подходом, но и с принципами правового государства (прежде всего, принципом верховенства права, согласно которому само государство «связано» законом (где под «законом» имеется в виду основной закон – Конституция; Конститу-

ция реализует права и свободы гражданина; она первична по отношению к подзаконным актам и актам правоприменения).

Обращаясь в данном контексте к анализу современных данных по развитию правового государства, следует подчеркнуть, что контекст подобных исследований «по определению» оказывается полем не только научных дискуссий, но и политического противостояния. Поэтому данные, полученные теми или иными организациями, следует интерпретировать с определённой осторожностью, учитывая в том числе возможность «добросовестных заблуждений». Последние практически неизбежны в случае экстраполяции собственных «правовых идеалов» на инокультурное правовое пространство, в котором исторически господствуют другие идеалы. Так например, «безудержный нормативизм», свойственный идее экспорта демократий, часто связан с некритичным подходом к собственной метафизической платформе, что девальвирует в сознании контрагентов связанные с ней положительные выводы. Таким образом, как это ни парадоксально, естественноправовая идея начинает работать по схеме позитивного права, – которую сама же изначально поставила под вопрос.

Итак, согласно данным, полученным благодаря проекту фонда Карнеги The World Justice Project (WJP), изучающему соблюдение законности как защиты прав граждан, в 2017-2018 гг. среди охваченных исследованием 113 государств первые позиции занимают Дания, Норвегия и Финляндия; три последние – Афганистан, Камбоджа и Венесуэла⁵. Лидером среди стран Восточной Европы и Центральной Азии по версии WJP оставалась Грузия, занимающая 38-е место из 113 стран мира, хотя с 2016 года она опустилась на 4 позиции. На региональном уровне наибольшее улучшение в рейтинге показал Казахстан, поднявшись на 9 позиций до 64-го места, в то время как Беларусь упала на 8 позиций – до 65-го места. В регионе наблюдалось общее снижение баллов за «Открытое правительство и соблюдение Фундаментальных прав». Эти данные тем более интересны, что на этой территории (как, впрочем, и в других регионах) в последние годы общее оживление норм обычного права (наряду с религиозным правом) наблюдается невооружённым глазом.

⁵ WJP Rule of Law Index 2017-2018. URL: <https://worldjusticeproject.org/our-work/wjp-rule-law-index/wjp-rule-law-index-2017-2018>.

Следует также отметить, что возрождение этноправа, как и нетождественная ей тема регионализации, – проблема не только России или отдельных стран Востока. Текущий миграционный кризис стран Европы наглядно показал, что правовой плюрализм – не выдумка философов или юристов, а действительность, диверсифицирующая право не только в горизонте истории, но и в синхронных контекстах, относящихся к одному государственно-правовому пространству. Здесь нормы *обычного права* также могут входить в конфликт с позитивным правом и более развитым сознанием (таковы, например, «убийства чести», время от времени потрясающие не только глухие горские деревни, но и европейские столицы [10. 68-73]). И хотя обсуждение различных тенденций, связанных с этноправом, в контексте российской действительности показывает, что противоречия общегосударственного и локально-регионального контекстов могут быть источником развития, а не только источником скрытых и явных конфликтов [23; 3; 16. 268-271], понимание принципиальной противоречивости действия права в культуре оставляет открытым вопрос об общей нормативной модели права. В том числе, и международного. Более того. Если она когда-нибудь всё-таки появится и станет претендовать на монополию, её, возможно, стоит сразу же предать забвению: столкновение разнообразия с унификацией плодотворно только до тех пор, пока есть обе стороны этого противоречия.

Заключение

Рассмотрение норм обычного права в контексте актуальных идентификационных программ на примере процессов ремифологизации права в научно-образовательном пространстве современной России показало значительный интерес к данной проблематике и наличие ряда серьезных научных центров по ее изучению. Вместе с тем, параллельно развиваются структуры, не готовые к трансляции такого подхода, делающие упор на идеологическо-ценностных компонентах. Собственно «культурная» сторона таких учебных и паранаучных изысканий прямо связана с идентификационными программами, закладываемыми в процессе обучения в сознание личности. Приоритет «этноправа» по отношению к гражданскому праву может привести к критическому усилению процесса регионализации; тогда как более сбалансированный подход, напротив, способствует укреплению национально-культурного самосознания личности гражданина за счет укрепления позиций идентификации с «малой родиной».

Исследование позволяет сделать вывод о необходимости тщательного разведения научно-исследовательского, образовательного и идеологического компонентов, составляющих данный процесс. Это возможно, например, за счет включения в образовательный процесс углубленного курса по гражданскому праву, а также введение в общий курс философии и смежных дисциплин (философии культуры, культурологии, религиоведения и т.д.) обязательных вопросов по изучению социокультурной идентификации на современном уровне.

Литература:

1. Арзуманов И.А. Идеологический элемент правовой системы: к вопросу о методологических доминантах структурного анализа // Правовая система России: традиции и новации. Материалы X Всероссийской научно-теоретической конференции. Под общей редакцией Н.С. Нижник. СПб., 2013.
2. Арзуманов И.А., Ганусенко И.В., Казарин В.Н. Государственное право Российской империи: особенности нормативного закрепления отдельных институтов. Иркутск, 2014.
3. Баранов В.М., Овчинников А.И., Самарин А.А. Экстерриториальное пространство права. Монография. М., 2017.
4. Величко А.М. Нравственные и национальные основы права: сборник статей по философии и истории права. СПб., 2002.
5. Викторин В.М. Обычное право и власть – «потестарность» этнотрадиционном и междисциплинарно-исследовательском контекстах // Панорама Евразии. Научный, общественно-политический журнал. 2008. № 1.
6. Гальперин С.Д. Очерки первобытного права. СПб., 1893.
7. Глаголев В.С. Модели адаптации этнических структур к глобализационным вызовам современности // Актуальные проблемы истории и этнологии. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Р.З. Янгузина и 20-летию кафедры истории РБ и этнологии. Уфа, 2011.

8. Глаголев В.С. Правовая культура в системе национальных ценностей // Право и управление. XXI век. 2015. № 4 (37).
9. Гусейнов Ю.М. Нормы адата и шариата в обрядах и обычаях, связанных с рождением и воспитанием детей у кумыков В XIX – начале XX века // Преподаватель XXI век. 2017. № 4-1.
10. Дианина С.Ю. Убийства чести в контекст мультикультурализма: культура может убивать? // Вопросы культурологии. 2015. № 1.
11. Дубовицкая О.Н. Сущность права в теории правогенеза // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. №. 10 (102).
12. Думанов Х.М. Першиц А.И. Мононорматика и начальное право (статья вторая) // Государство и право. 2001. № 9.
13. Думанов Х.М., Першиц А.И. Мононорматика и начальное право (статья первая) // Государство и право. 2000. № 1.
14. Зарема З.М. Влияние обычно-правовых регуляторов на государственно-правовое развитие Северного Кавказа: историко-правовой аспект // Юрист-Правовед. 2010. № 4.
15. Зенько М.А. К проблеме изучения обычного права у аборигенов Западной Сибири // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 1997. №. 1.
16. Иванников И.А. Место обычного права в правовой культуре российского общества // Обычное право в России: проблемы истории, теории и практики. Ростов-на-Дону, 1999.
17. Ковалевский М.М. Первобытное право. М., 1886.
18. Ковлер А.И. Антропология права. М., 2002.
19. Ладыженский А.М. Методы этнологического изучения права // Этнографическое обозрение. 1995. № 4.
20. Моисеенкова С.А. Антропологически-правовые детерминанты правообразования // Вісник Національного університету «Львівська політехніка». Серія: Юридичні науки. 2015. № 824 (6).
21. Мокшина Ю.Н. Антропология права в системе высшего юридического образования (на примере этнонорматики у мордвы) // Интеграция образования. 2005. №. 3.
22. Мусаева Д.Ю. Трансформация институтов обычного права народов Дагестана. Ишкиль // Северо-Кавказский юридический вестник. 2013. № 2.
23. Обычное право и правовой плюрализм. Материалы XI Международного конгресса по обычному праву и правовому плюрализму. Москва, август 1997 / Отв. ред. Н.И. Новикова, В.А. Тишков. М., 1999.
24. Одаев Х.М. Социально-этическая роль мусульманского права (фикх) в общественно-политической жизни Чечни (конец XX – начало XXI вв.). Дисс.на соиск.уч.ст.канд.филос.н. М., 2012.
25. Османова М.Х. Обычное право и воспитание правовой культуры учащихся // Известия ДГПУ. Психолого-педагогические науки. 2008. № 3.
26. Першиц А.И., Смирнова А.С. Юридический плюрализм народов Северного Кавказа // Общественные науки и современность. 1998. № 1.
27. Правовая жизнь общества: проблемы теории и практики. Монография / Под ред. А.В. Малько. М., 2015.
28. Рулан Н. Юридическая антропология. М., 1999.
29. Семенов Ю.И. Общие проблемы нормативной этнологии и материалы по нормативной культуре народов Северной Евразии и Дальнего Востока (ненцы, манси, ханты, кеты, селькупы, нганасаны, эвенки, эвены, юкагиры, каряки, чукчи, ительмены, негидальцы, орочи, ороки, ульчи, нанайцы, удэгейцы, нивхи, айны) // Традиционная нормативная культура, организация власти и экономика народов Северной Евразии и Дальнего Востока. Под ред. Ю.И. Семенова. М., 2000.
30. Соколовский С.В. О возможностях диалога между юристами и антропологами // Юридическая антропология. Закон и жизнь. М., 2000.
31. Сушкова Ю.Н. Методология юридической антропологии // Социально-политические науки. 2017. № 1.
32. Сушкова Ю.Н. Этноправосудие у мордвы. Диссертация на соиск.уч.ст. доктора ист.н. Саранск, 2009.
33. Тишков В.А. Антропология права – начало и эволюция дисциплины // Юридическая антропология. Закон и жизнь. М., 2000.
34. Тишков В.А. Этничность, право и закон // Человек и право: книга о Летней школе по юридической антропологии. М., 1999.
35. Фалалеева И.Н. Юридическая антропология. Методические рекомендации для студентов юридического факультета. Волгоград, 2004. – URL: <http://window.edu.ru/resource/810/25810/files/volsu391.pdf>
36. Шапсугов Д.Ю. Правогенез у народов Северного Кавказа: «Республиканская» и «Монархическая» модели формирования права (постановка проблемы) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2010. № 3.
37. Щипков В.А Регионализм как идеология глобализма // Концепт: философия, религия, культура. 2017. № 3.
38. Юридическая антропология. Закон и жизнь. М., 2000.

THE MYTH ROLE IN CURRENT IDENTIFICATION PROGRAMS: STUDYING LAW REMYTHOLOGIZATION IN THE SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL FIELD IN MODERN RUSSIA

Introduction. The article analyzes the issue of the myth role in identification programs of individual and group types, corresponding to ethnic law activation at the level of educational and research institutions. The availability of cultural centers conducting studies in the field of customs and traditions researches (e.g. in studying national languages) shows citizens' interest in "home area" ideas, specification of their position in general civil identification pattern and correlation between ethnic and civil law. The author puts a question of correlation between legal awareness types and law politization process (including educational subject), examines correlation between ideological projections of various research approaches and those research approaches themselves.

Materials and methods. The material for the scientific study were the projects and programs which are used in teaching and researching ethnic law and legal philosophy in various educational and research institutions in Russia, as well as scientific results of those institutions' activities presented in books and articles and popular-scientific literature. The methodological foundation of the research is the horizontal and vertical comparative study method enabling us to understand correlation between various educational subjects concerned with ethnic law. This method also allows tracing their genesis and current state by key points affecting identification preferences.

Research results. The article shows that law remythologization in the scientific and educational field in modern Russia is a consequence of the promotion of social and cultural processes at the regional and local levels. They were triggered by

a conditional decentralization due to political reforms over the last thirty years and their result was an increased interest in national languages, culture and traditions. All these phenomena have a particular scientific and academic significance, as well as (under certain circumstances) an ideological meaning. As a result law remythologization, on the one hand, is a solid base for civil legal awareness filling its formalized directions with a meaning picked up from direct communication between people. On the other hand, accentuation on archaic forms of social relations regulation by means of ethnic law may contribute to dramatic intensification of regionalization tendencies. Thus dynamic balance between law and tradition calls for regular efforts for adjustment of corresponding educational programmes and for training highly qualified teachers capable of working with various students categories.

Discussion and conclusion. The article points out and describes the basic directions of legal philosophy development in connection with legal anthropology, shows possible ways of improving educational programmes taking into consideration the ideological influence of the ideological ethnic law interpretation vector which may have an impact upon students' awareness. A special importance in this context is to be given to civil law teaching, as well to philosophy and complementary disciplines promoting forming a conscious social positioning.

Margarita V. Silantieva,
Doctor of Philosophy, Professor, Head of
the Department of Philosophy named after
A.F. Shishkin, MGIMO-University under the
MFA of Russia

Ключевые слова:

Ремифологизация права, этноправоведение, обычай, позитивное право, естественноправовая и позитивная школы правоведения, юридическая антропология, философия культуры

Keywords:

Law remythologization, ethnic legal science, custom, civil right, natural law and positive law schools, legal anthropology, philosophy of culture

References:

1. Arzumanov, I.A., 2013. Ideologicheskii élement pravovoï sistemy: k voprosu o metodologicheskikh dominantakh strukturnogo analiza [The ideological element of the legal system: on the issue of methodological dominants of structural analysis]. *Pravovaia sistema Rossii: traditsii i novatsii. Materialy X Vserossiiskoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii* [The legal system of Russia: traditions and innovations. Proceedings of the X Russian Scientific-Theoretical Conference]. Edited by N.S. Nizhnik. Saint-Petersburg.

2. Arzumanov, I.A., Ganusenko, I.V., Kazarin, V.N., 2014. Gosudarstvennoe pravo Rossiiskoi imperii: osobennosti normativnogo zakrepleniia otdelnykh institutov [State law of the Russian Empire: peculiarities of regulatory consolidation of some institutions]. Irkutsk.
3. Baranov, V.M., Ovchinnikov, A.I., Samarin, A.A., 2017. Ėkstritorialnoe prostranstvo prava. Monografiia [Extraterritorial space of law. Monograph]. Moscow.
4. Velichko, A.M., 2002. Nравstvennye i natsional'nye osnovy prava: sbornik stateĭ po filosofii i istorii prava [Moral and national principles of law: a collection of articles on the philosophy and history of law]. Saint-Petersburg.
5. Viktorin, V.M., 2008. Obychnoe pravo i vlast – «potestarnost» ėtnotraditsionnom i mezhdistsiplinarno-issledovatel'skom kontekstakh [Common law and authority - "potestary" in ethno-traditional and interdisciplinary research contexts]. *Panorama Evrazii. Nauchnyi, obshchestvenno-politicheskiĭ zhurnal* [Panorama of Eurasia. Scientific, social and political journal]. No 1.
6. Galperin, S.D., 1893. Ocherki pervobytnogo prava [Essays on primitive law]. Saint-Petersburg.
7. Glagolev, V.S., 2011. Modeli adaptatsii ėtnicheskikh struktur k globalizatsionnym vyzovam sovremennosti [Models of adaptation of ethnic structures to the globalization challenges of our time]. *Aktualnye problemy istorii i ėtnologii. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posviashchennoi 70-letiiu so dnia rozhdeniia R.Z. Ianguzina i 20-letiiu kafedry istorii RB i ėtnologii* [Actual problems of history and ethnology. Materials of the Russian Scientific and Practical Conference dedicated to the 70th anniversary of R.Z. Yanguzin and the 20th anniversary of the Department of History of the Republic of Bashkortostan and Ethnology]. Ufa.
8. Glagolev, V.S., 2015. Pravovaia kultura v sisteme natsionalnykh tsennostei [Legal culture in the system of national values]. *Pravo i upravlenie: XXI vek* [Journal of Law and Administration]. No 4 (37).
9. Guseĭnov, Iu.M., 2017. Normy adata i shariata v obriadakh i obychaiakh, svyazannykh s rozhdeniem i vospitaniem detei u kumykov v XIX - nachale XX veka [Norms of adat and sharia in ceremonies and customs related to the birth and bringing up of children among the Kumyks in the XIX – early XX century]. *Prepodavatel XXI vek* [Prepodavatel XXI vek. Russian Journal of Education]. No 4-1.
10. Dianina, S.Iu., 2015. Ubĭistva chesti v kontekst multikulturalizma: kultura mozhет ubivat? [Honor killings in the context of multiculturalism: can culture kill?]. *Voprosy kulturologii* [Interdisciplinary researches of culture]. No 1.
11. Dubovitskaia, O.N., 2011. Sushchnost prava v teorii pravogenezisa [The essence of law in the theory of legal genesis]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Tambov University Review. Series Humanities]. No 10 (102).
12. Dumanov, Kh.M., Pershits, A.I., 2001. Mononormatika i nachalnoe pravo (statia vtoraiia) [Mononormative system and elementary law. Second article]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law]. No 9.
13. Dumanov, Kh.M., Pershits, A.I., 2000. Mononormatika i nachalnoe pravo (stat'ia pervaiia) [Mononormative system and elementary law. First article]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law]. No 1.
14. Zarema, Z.M., 2010. Vliianie obychno-pravovykh regulatorov na gosudarstvenno-pravovoe razvitie Severnogo Kavkaza: istoriko-pravovoi aspekt [The influence of customary legal regulators on the state-legal development of the North Caucasus: historical and legal aspect]. *Iurist'-Pravoved* [Legislator-Lawyer]. No 4.
15. Zenko, M.A., 1997. K probleme izucheniia obychnogo prava u aborigenov Zapadnoi Sibiri [To the problem of studying of common law among the aboriginal people of West Siberia]. *Vestnik arkheologii, antropologii i ėtnografii* [Archeology, anthropology and ethnography review]. No 1.
16. Ivannikov, I.A., 1999. Mesto obychnogo prava v pravovoi kul'ture rossiiskogo obshchestva [Place of common law in the legal culture of Russian society]. *Obychnoe pravo v Rossii: problemy istorii, teorii i praktiki* [Common law in Russia: problems of history, theory and practice]. Rostov-on-Don.
17. Kovalevskii, M.M., 1886. Pervobytnoe pravo [Primitive law]. Moscow.
18. Kovler, A.I., 2002. Antropologiya prava [Anthropology of law]. Moscow.
19. Ladyzhenskii, A.M., 1995. Metody ėtnologicheskogo izucheniia prava [Methods of ethnological study of law]. *Ėtnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. No 4.
20. Moiseenkova, S.A., 2015. Antropologicheski-pravovye determinanty pravoobrazovaniia [Anthropological and legal determinants of the genesis of law]. *Visnik Nacionalnogo universitetu «Lvivska politehnika». Seria: Ūridichni nauki.* [Bulletin of the Lviv Polytechnic National University. Series: Law Sciences]. No 824 (6).
21. Mokshina, Iu.N., 2005. Antropologiya prava v sisteme vysshego iuridicheskogo obrazovaniia (na primere ėtnonormatiki u mordvy) [Anthropology of law in the system of higher juridical education (ethnonormative process of the Mordvins as an example)]. *Integratsiia obrazovaniia* [Integration of education]. No 3.
22. Musaeva, D.Iu., 2013. Transformatsiia institutov obychnogo prava narodov Dagestana. Ishkil [Transformation of the common law institutes of the peoples of Dagestan. Ishkil]. *Severo-Kavkazskii iuridicheskii vestnik* [North Caucasus Legal Vestnik]. No 2.
23. Obychnoe pravo i pravovoi pliuralizm. Materialy XI Mezhdunarodnogo kongressa po obychnomu pravu i pravovomu pliuralizmu. Moskva, avgust 1997 [Common law and legal pluralism. Materials of the XI International Congress on Common Law and Legal Pluralism. Moscow, August 1997]. Edited by N.I. Novikova, V.A. Tishkov. Moscow, 1999.

24. Odaev, Kh.M., 2012. Sotsialno-èticheskaia rol musulmanskogo prava (fikhh) v obshchestvenno-politicheskoi zhizni Chechni (konets XX – nachalo XXI vv.) [The socio-ethical role of Muslim law (fiqh) in the social and political life of Chechnya (late XX - early XXI centuries)]. Thesis PhD (Philosophy). Moscow.
25. Osmanova, M.Kh., 2008. Obychnoe pravo i vospitanie pravovoi kultury uchashchikhsia [The common law and development of the legal culture of students]. *Izvestiia DGPU. Psikhologo-pedagogicheskie nauki [Dagestan State Pedagogical University Journal. Psychological and pedagogical sciences]*. No 3.
26. Pershits, A.I., Smirnova, A.S., 1998. Iuridicheskii pliuralizm narodov Severnogo Kavkaza [Legal pluralism of the peoples of the North Caucasus]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost [Social sciences and contemporary world]*. No 1.
27. Pravovaia zhizn obshchestva: problemy teorii i praktiki. Monografiia [The legal life of society: problems of theory and practice. Monograph]. Edited by A.V. Malko. Moscow, 2015.
28. Rulan, N., 1999. Iuridicheskai antropologii [Legal anthropology]. Moscow.
29. Semenov, Iu.I., 2000. Obshchie problemy normativnoi ètnologii i materialy po normativnoi kulture narodov Severnoi Evrazii i Dalnego Vostoka (nentsy, mansi, khanty, kety, selkupy, nganasany, èvenki, èveny, iukagiry, kariaki, chuktsi, itelmeny, negidaltsy, orochi, oroki, ulchi, nanaitsy, udègeitsy, nivkhi, ainy [Common problems of normative ethnology and materials on the normative culture of the peoples of Northern Eurasia and the Far East (Nenets, Mansi, Khanty, Ket, Selkup, Nganasans, Evenks, Evens, Yukagirs, Karyaks, Chukchi, Itelmens, Negidals, Orochi, Oroki, Ulchi, Nanai, Udege, Nivhi, Ainu)]. *Traditsionnaia normativnaia kultura, organizatsiia vlasti i èkonomika narodov Severnoi Evrazii i Dal'nego Vostoka [Traditional normative culture, organization of power and economy of the peoples of Northern Eurasia and the Far East]*. Edited by Iu.I. Semenov. Moscow.
30. Sokolovskii, S.V., 2000. O vozmozhnostiakh dialoga mezhdur iuristami i antropologami [On the possibilities of dialogue between lawyers and anthropologists]. *Iuridicheskai antropologii. Zakon i zhizn [Legal anthropology. Law and life]*. Moscow.
31. Sushkova, Iu.N., 2017. Metodologii iuridicheskoi antropologii [Methodology of legal anthropology]. *Sotsialno-politicheskie nauki [Sociopolitical Sciences]*. No 1.
32. Sushkova, Iu.N., 2009. Ètnopravosudie u mordvy [Ethnic judgment of the Mordovians]. Thesis D.Sc. (Historical Sciences). Saransk.
33. Tishkov, V.A., 2000. Antropologii prava – nachalo i èvoliutsiia distsipliny [Anthropology of law - the beginning and evolution of the discipline]. *Iuridicheskai antropologii. Zakon i zhizn [Legal anthropology. Law and life]*. Moscow.
34. Tishkov, V.A., 1999. Ètnichnost, pravo i zakon [Ethnicity, Law and Enactment]. *Chelovek i pravo: kniga o Letnei shkole po iuridicheskoi antropologii [Man and Law: A Book about the Summer School on Legal Anthropology]*. Moscow.
35. Falaleeva, I.N., 2004. Iuridicheskai antropologii. Metodicheskie rekomendatsii dlia studentov iuridicheskogo fakulteta [Legal anthropology. Methodical recommendations for law students]. Volgograd. URL: <http://window.edu.ru/resource/810/25810/files/volsu391.pdf>
36. Shapsugov, D.Iu., 2010. Pravogenez u narodov Severnogo Kavkaza: «Respublikanskaia» i «Monarkhicheskaia» modeli formirovaniia prava (postanovka problemy) [Legal genesis of the peoples of the North Caucasus: the "Republican" and "Monarchic" models of the formation of law (problem statement)]. *Severo-Kavkazskii iuridicheskii vestnik [North Caucasus Legal Vestnik]*. No 3.
37. Shchipkov, V.A., 2017. Regionalizm kak ideologii globalizma [The ideology of regionalism as a socio-cultural technology of the globalizing world]. *Kontsept: filosofii, religii, kultura [Concept: philosophy, religion, culture]*. No 3.
38. Iuridicheskai antropologii. Zakon i zhizn [Legal anthropology. Law and life]. Moscow, 2000.

ПРИНЦИПЫ ИСПОЛНЕНИЯ ДОГОВОРНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ПО ПРАВУ КВЕБЕКА

Дмитрий Алякин*

DOI 10.24833/2073-8420-2018-4-49-21-28

Введение. В статье исследуются принципы исполнения договорных обязательств по праву Квебека, включая их нормативное закрепление в процессе кодификации гражданского и торгового права, проводится анализ ГК Квебека 1991 г. и судебных прецедентов.

Материалы и методы. Материалом для исследования послужили ГК Нижней Канады 1865 г., ГК Квебека 1991 г., прецеденты судов Квебека и Верховного суда Канады, а также научные труды зарубежных исследователей в области гражданского права. Методологическую основу составили общенаучные (анализ, синтез, аналогия) и специальные юридические методы (сравнительно-правовой, формально-логический, системный, структурно-функциональный и метод толкования).

Результаты исследования. Автор проводит анализ кодификации гражданского законодательства Квебека, а также исследует принцип надлежащего исполнения обязательств, его соотношение с реальным исполнением и принцип добросовестности исполнения.

Обсуждение и заключение. Обосновано выделение по праву Квебека принципов (надлежащего и добросовестного) исполнения обязательств. Несмотря на некоторую распространенность вынесения судами Квебека решений о принуждении должников к исполнению в натуре (реальному исполнению), это требование вряд ли можно рассматривать как самостоятельный принцип ввиду наличия ограничений и условий для его реализации на практике.

Введение

В противоположность другим субъектам Канады, где применяется пришедшее из Англии общее право, гражданское право Квебека характеризуется его основным первоисточником – правом прежней метрополии – Франции. Исторические события и взаимное влияние французского и английского права привели к тому, что сегодня, как верно отметил Р.Давид, в Квебеке действует смешанное право, «сохранившее в известной степени свою принад-

лежность к романо-германской правовой семье» [3. С. 114].

Кодификация гражданского законодательства Квебека

Впервые гражданское и торговое право указанной провинции было кодифицировано посредством принятия Гражданского кодекса Нижней Канады, который был утвержден в 1865 г. и вступил в силу в 1866 г. Состоявший из 2615 статей, сгруппированных в четыре книги, ГК Нижней Канады был основан на Кодексе Наполеона 1804 г., поло-

* **Алякин Дмитрий Сергеевич**, соискатель кафедры правового регулирования ТЭК МГИМО МИД России, Россия.

e-mail: alyakin.dmitry@gmail.com
ORCID ID: 0000-0002-1025-5512

жениях английского права, а также на судебных толкованиях гражданского права одноименной провинции. При этом ГК Нижней Канады включал в себя посвященную торговому праву книгу, что противоречило распространившейся в XIX веке традиции разработки отдельного торгового кодекса.

Учитывая, что «за сто лет действия ГК Нижней Канады социальные условия значительным образом изменились» [4. С. 39], было принято решение о его реформе. Она началась в 1955 г. и завершилась в 1991 г. принятием ГК Квебека, который вступил в силу с 1 января 1994 г. ГК Квебека 1991 г. состоит из 3168 статей, которые распределены следующим образом: книга-титул-глава-отдел-параграф-статья (количество элементов зависит от книги). Регулирование обязательственного права содержится в книге пятой «Об обязательствах» (ст. 1371-2643). Подчеркнем, что в общую часть обязательственного права входят только шесть статей (ст. 1371-1376). В ст. 1375 закреплён принцип добросовестного поведения сторон, в частности, при исполнении обязательств. В главе шестой «Об исполнении обязательств» (ст. 1553-1636) сформулирован принцип надлежащего исполнения обязательств (ст. 1590) и регулируется исполнение в натуре (ст. 1590, 1601-1603). Отметим высокий уровень законодательной техники разработчиков ГК Квебека, которые изложили правовые нормы четко и кратко, и вместе с этим весьма содержательно.

Принцип надлежащего исполнения и его соотношение с реальным исполнением

Принцип надлежащего исполнения обязательств в общих чертах закреплён в ст. 1590 ГК Квебека, предусматривающей, что «в силу обязательства кредитор имеет право требовать, чтобы это обязательство было исполнено полностью, надлежащим образом и своевременно» [2. С. 247]. Если должник не исполнит его должным образом, кредитор в дополнение к возможности ходатайствовать о взыскании компенсации за частичное исполнение либо полное неисполнение вправе:

- 1) требовать исполнения обязательства в натуре (т.е. реального исполнения), которое, как представляется, охватывается принципом надлежащего исполнения;
- 2) добиться, если обязательство является договорным, аннулирования или расторжения договора, или уменьшения своей корреспондирующей обязанности;
- 3) принимать любые иные предусмотренные законом меры для осуществления

своего права требовать исполнения обязательства.

При этом ст. 1590 Кодекса является не единственным проявлением принципа надлежащего исполнения ввиду наличия соответствующего регулирования в отделах I «О платеже» (ст. 1553-1589) и II «Об осуществлении права требовать исполнения обязательства» (ст. 1590-1625) ГК Квебека.

Исходим из того, что согласно ГК Квебека принцип надлежащего исполнения предполагает исполнение, как предусмотрено в соглашении сторон, надлежащего предмета обязательства (ст. 1556, 1561 (абз. 1), 1562, 1563, 1565), надлежащим должником надлежащему кредитору (ст. 1555-1560), надлежащим способом (ст. 1561, 1564 (абз. 2), 1567), в надлежащем месте (ст. 1566), в надлежащий срок (ст. 1569) и (применительно к денежным обязательствам) в надлежащей валюте (ст. 1564 (абз. 1)). С учетом того, что стороны могут определять условия соглашения, отклоняясь в допустимых пределах от установленных стандартов, факт надлежащего исполнения обязательства устанавливается в каждом конкретном случае.

Если должник исполнил обязательство ненадлежащим образом либо не исполнил полностью, кредитор имеет широкий перечень средств правовой защиты в соответствии с ГК Квебека:

- в параграфе 2 (ст. 1591-1593) предусматривается самозащита прав в виде приостановления исполнения (обязанностей кредитора) и удержания (активов должника);
- в параграфе 3 (ст. 1594-1600) рассматриваются основания, при наличии которых должник считается просрочившим, что является предварительным условием для применения к нему правовых санкций;
- в параграфе 4 (ст. 1601-1603) содержится упомянутый в ст. 1590 ГК Квебека первый способ правовой защиты – право кредитора требовать от должника исполнения обязательства в натуре;
- в параграфе 5 (ст. 1604-1606) излагаются условия, на основании которых кредитор вправе прекратить договор;
- в параграфе 6 (ст. 1607-1625) представлен подробный свод правил, регламентирующих исполнение посредством предоставления возмещения (англ. *performance by equivalence*), т.е. средства судебной защиты в форме взыскания компенсационных убытков (как заранее оцененных, так и предварительно неопределенных). Исключением является ст. 1621, регулирующая штрафные убытки, которые могут быть взысканы толь-

ко в предусмотренных законом случаях и лишь в той мере, в какой это необходимо для предотвращения нарушений в будущем [5].

Законодатель уточнил право кредитора на получение реального исполнения в ст. 1601 ГК Квебека, которая предусматривает, что «в случаях, допускающих это, кредитор вправе требовать принуждения должника исполнить обязательство в натуре» [2. С. 249]. По мнению Д.Фицджеральда, ограничение в виде таких случаев проникло в право Квебека из соседних субъектов Канады, в которых господствует общее право [10. С. 311]. В прецедентах судов Квебека и доктрине сложилось понимание, что средство правовой защиты в виде исполнения в натуре не применяется, когда оно:

- требует личного участия другой стороны (этот запрет обычно не применяется, когда в ее роли выступает корпорация);
- стало невозможным;
- нарушило бы права третьей стороны;
- сложно контролировалось бы [8].

Кроме обозначенного регулирования и ст. 1602-1603 Кодекса, никакие другие его положения напрямую не связаны с реальным исполнением.

Помимо законодательного регламентирования, вопрос применения указанного средства правовой защиты неоднократно поднимался в судебных прецедентах. Вплоть до середины 80-х годов XX века суды Квебека руководствовались сформировавшимся в общем праве Канады подходом к исполнению в натуре, предполагающим, что в случае неисполнения либо ненадлежащего исполнения обязательства выплата компенсации в качестве средства правовой защиты превалирует над исполнением в натуре. Однако впоследствии, особенно после вынесения в 1988 г. решения по делу *Construction Belcourt Ltée v. Golden Griddle Pancake House Ltd.*¹, в практике указанных судов можно наблюдать рост случаев принуждения должника к исполнению в натуре.

При этом в отношении присуждения этого средства правовой защиты в судебной практике сформировались ограничения: его необоснованность в зависимости от обстоятельств и учет воли сторон, выражающейся в предпочтении выплате компенсации и исключении исполнения в натуре [8].

В свою очередь, Р.Джукье отмечает наличие у исполнения в натуре превалирующей роли, которая в то же время вовсе не предполагает его применения во всех случаях – отказ суда от его присуждения является разумным в требующих того обстоятельствах. По словам автора, практическая значимость придания исполнению в натуре такого статуса заключается лишь в том, чтобы не создавать в праве атмосферу его вторичности по отношению к выплате компенсации [11. С. 117].

В отличие от других субъектов Канады, в Квебеке исполнение в натуре не является дискреционным средством правовой защиты, и согласно ГК Квебека потерпевшая сторона *prima facie* имеет право на него, что было подтверждено в 1994 г. в решении по делу *Varnet Software Corporation v. Marcam Corporation*². В нем подчеркивалось, что в случае нарушения обязательства исполнение в натуре является общей нормой гражданского права Квебека в отличие от сложившегося в общем праве Канады подхода, в рамках которого предпочтение отдается выплате компенсации.

Возможность присуждения исполнения в натуре зависит от типа обязательств, которые делятся на обязательства «делать» (англ. *obligations to do*) и «давать» (англ. *obligations to give*). Корни этого различия лежат в гражданско-правовой максиме *nemo praecise cogi potest ad factum* – никто не может быть принужден к действию. Явным следствием из этого правила является то, что принуждение стороны «давать» что-либо не нарушает личной свободы [10. С. 308-309]. В связи с этим суды Квебека присуждают исполнение в натуре в случае нарушения только такого типа обязательств [12. С. 56]. Следует также учитывать, что если предметом обязательства является не индивидуально определенная вещь, то в присуждении реального исполнения может быть отказано [12. С. 57], т.к. процесс индивидуального определения вещи, в отличие от акта передачи, требует от должника дополнительных действий. В качестве примера можно привести дело *Nault v. Canadian Consumer Co. Ltd.* 1981 г., в котором необходимость определения ответчиком видов продаваемых ножей была рассмотрена как обязательство «делать», и тем самым оно

¹ Specific Performance (Canada and Quebec) // URL: <https://legaleseitup.wordpress.com/specific-performance> (date of access: 9.09.2018).

² Varnet Software Corporation v. Marcam Corporation, 1994 CanLII 6096 (QC CA); October 14, 1994 // URL: <https://www.canlii.org/fr/qc/qcca/doc/1994/1994canlii6096/1994canlii6096.html> (date of access: 24.08.2018).

было признано по праву Квебека неисполнимым в натуре³.

Р.Джукье отмечает, что вынесенные судами Квебека прецеденты содержат ограничивающие доступность реального исполнения принципы общего права [11. С. 100, 104]: достаточность возмещения убытков (англ. adequacy of damages) и сложность контроля (англ. difficulty of supervision), подразумевающую, в частности, проблему неточности (англ. problem of imprecision). Тем не менее в Квебеке, в отличие от других субъектов Канады, потерпевшей стороне не требуется устанавливать факт недостаточности возмещения убытков перед предъявлением требования об исполнении в натуре. При этом, как показывает практика, в судебном приказе об исполнении в натуре зачастую сложно сформулировать точно его модальности, что впоследствии может привести к повторному обращению какой-либо из сторон в суд, если, по ее мнению, указанный приказ нарушен. В этой связи суды могут не решаться присуждать это средство правовой защиты⁴.

Помимо этого, суды Квебека сопротивляются присуждению исполнения в натуре, в частности, из-за правовой природы приводящего его в действие процессуального механизма – судебного запрета (англ. injunction)⁵. Тем не менее некоторые исследователи (Р.Джукье) и представители судебной власти (Ж.-Л.Бодуан) выступают за то, чтобы происхождение судебного запрета (сформировался в общем праве) не отражалось на практике присуждения исполнения в натуре [11. С. 105].

Более того, по сложившейся практике занимающее более двух лет [8] ожидание решения суда, в соответствии с которым на должника может быть возложено исполнение в натуре, превращают указанное средство правовой защиты в «теоретическое». Таким образом, длительность рассмотрения дел может сделать такое исполнение нецелесообразным из-за возможной утраты кредитором интереса к нему.

На основании изложенного полагаем, что в Квебеке не только его гражданское право, но и влияние общего права Канады препятствуют присуждению на регулярной основе исполнения в натуре. В этой связи,

несмотря на усиление его роли, наличие в Кодексе и судебных прецедентах ограничений и условий для его применения влечет за собой отсутствие единообразного подхода, что не позволяет причислить реальное исполнение к числу принципов исполнения обязательств по праву Квебека.

Принцип добросовестности исполнения обязательств

Превосходящий закон и имеющий наибольшую юридическую силу общий принцип добросовестности – будучи призванным не только восполнять пробелы в правовом регулировании, но и зачастую смягчать жесткие механизмы позитивного права, частью которых является он сам, – представляет собой идеал справедливости и олицетворяет дух права Квебека [16. С. 379].

Еще во времена, когда принцип добросовестности исполнения обязательств не являлся общим и применялся согласно ГК Нижней Канады в отношении исполнения отдельных видов обязательств [17] (как и в общем праве Канады), прослеживается негативное отношение законодателя к недобросовестному поведению⁶.

Основополагающие нормы, регулирующие применение принципа добросовестности в гражданском праве Квебека, были включены в Кодекс 1991 г. в посвященных осуществлению гражданских прав ст. 6 («каждое лицо обязано осуществлять свои гражданские права в соответствии с требованиями добросовестности») и ст. 7 («никакое право не может быть осуществлено с целью причинения вреда другому лицу или способом несоразмерным и неразумным, противоречащим требованиям добросовестности») [2. С. 40].

Применительно к исполнению обязательств принцип добросовестности закреплен в одной из шести статей, составляющих т.н. общую часть ГК Квебека, посвященную обязательственному праву. Так, ст. 1375 Кодекса предусматривает, что «поведение сторон должно быть добросовестным как при возникновении обязательства, так и при его исполнении или прекращении» [2. С. 220]. При этом нормы ст. 1375 ГК Квебека являются неотъемлемой частью публичного порядка этой провинции.

³ Nault v. Canadian Consumer Co. Ltd., [1981] 1 S.C.R. 553; May 11, 1981. P. 553 // URL: <https://scc-csc.lexum.com/scc-csc/scc-csc/en/5571/1/document.do> (date of access: 24.08.2018).

⁴ Specific Performance (Canada and Quebec). Ibid.

⁵ См.: ст. 509-515 ГПК Квебека.

⁶ См., напр.: ст. 411, 610, 1049, 1484, 1485 ГК Нижней Канады.

Подчеркнем, что суды Квебека (впрочем, как и другие суды Канады) продолжают поступательно разрабатывать принцип добросовестности [1. С. 90-91]. Ввиду того, что в судебной практике и литературе отсутствует единое мнение относительно перечня вытекающих из принципа добросовестности в Квебеке обязанностей, выделяются [15. С. 1]:

- обязанность по информированию (фр. *obligation de renseignement*);
- обязанность по консультированию (фр. *obligation de conseil*);
- обязанность лояльного отношения (фр. *obligation de loyauté*);
- обязанность сотрудничества (фр. *obligation de coopération*);
- обязанность последовательного поведения (фр. *obligation de cohérence*).

Во-первых, обязанность по информированию вытекает из судебного решения по делу *Bank of Montreal v. Bail Ltée* 1992 г.⁷, в котором было отмечено, что она «подразумевает под собой как информирование контрагента о заслуживающих его внимания обстоятельствах, так и непредоставление ему ложной информации» [1. С. 90]. Кроме того, широко признаваемая обязанность по информированию отличает добросовестность в Квебеке от концепции, разработанной Верховным судом Канады в решении по делу *Bhasin v. Hrynew* 2014 г.⁸ (Басин-Хринью), которое, по словам Д.Бристоу, вполне может стать одним из самых важных (если не самым важным) решений за последние 20 лет [6. С. 3]. При этом принцип добросовестности в гражданском праве Квебека шире по содержанию, чем одноименная концепция по общему праву Канады [1. С. 91]. Отметим, что в английском праве вместо общего принципа добросовестности в форме универсального стандарта сформировалась соответствующая доктрина, предполагающая толкование содержащихся в договорах многочисленных обязанностей с учетом намерений сторон и имеющихся обстоятельств [7].

Во-вторых, с указанной обязанностью тесно связана обязанность по консультированию. Главное их отличие состоит в том, что последняя предполагает изложение контрагенту обоснованного мнения, вывода или анализа. Таким образом, сторона долж-

на не только представить совокупность фактов, но и дать их оценку, на основании которой контрагент сможет принять взвешенное решение с учетом имеющихся обстоятельств [9. С. 16].

Исходя из вышесказанного, полагаем, что стороны обязаны полностью раскрывать необходимую информацию и предоставлять друг другу доступ ко всем ключевым сведениям. Являющееся проявлением безответственного и небрежного поведения должника неисполнение упомянутой обязанности может, по мнению В.Карима, послужить основанием для возмещения кредитору моральных и штрафных убытков [13. С. 462].

В-третьих, добросовестное исполнение в Квебеке требует, в отличие от общего права Канады, лояльного отношения между сторонами [14. С. 4]. При этом в недавно вынесенном апелляционным судом Квебека решении по делу *Churchill Falls (Labrador) Corporation Ltd. v. Hydro-Quebec*⁹ были установлены некоторые ограничения в отношении лояльности [1. С. 91].

В-четвертых, обязанность сотрудничества предполагает направленность действий сторон на создание атмосферы доверия во взаимоотношениях и упрощение исполнения для всеобъемлющего достижения цели договорного обязательства. Более того, сотрудничество может сыграть решающую роль в обеспечении эффективности и экономичности исполнения.

В-пятых, в судебных прецедентах также наблюдается тенденция выделения последовательного поведения сторон в качестве одной из вытекающих из принципа добросовестности обязанностей. Неоднократно в их *obiter dictum* подчеркивалась важность логичного и непротиворечивого поведения [15. С. 2-3]. Так, в решении по делу *Hydro-Quebec v. Construction Kiewit* 2014 г. апелляционный суд Квебека определил эту обязанность как «запрет противоречить самому себе» (фр. *l'interdiction de se contredire*). Суд раскрыл ее следующим образом: когда одна сторона создает у контрагента «ложные ожидания» и поступает ему в ущерб, то первая сторона не может впоследствии ссылаться на «букву» договора, т.к. это нарушило бы обязанность лояльного отношения, вытекаю-

⁷ *Bank of Montreal v. Bail Ltée*, [1992] 2 SCR 554; June 25, 1992 // URL: <https://scc-csc.lexum.com/scc-csc/scc-csc/en/item/900/index.do> (date of access: 20.07.2018).

⁸ *Bhasin v. Hrynew*, [2014] 3 S.C.R. 494; November 13, 2014 // URL: <https://scc-csc.lexum.com/scc-csc/scc-csc/en/item/14438/index.do> (date of access: 20.07.2018).

⁹ *Churchill Falls (Labrador) Corporation Ltd. v. Hydro-Quebec*, 2016 QCCA 1229; August 1, 2016 // URL: <https://www.canlii.org/fr/qc/qcca/doc/2016/2016qcca1229/2016qcca1229.html> (date of access: 1.09.2018).

щую из ст. 6, 7 и 1375 ГК Квебека¹⁰. Несмотря на то, что суд рассмотрел одну обязанность через другую, их не следует смешивать, т.к. применительно к обязанности последовательного поведения наличие или отсутствие «недобросовестного намерения» сторон не имеет значения. Указанная обязанность, по мнению С.Пызика, связана с внутренней логикой поведения сторон и не зависит как от субъективной добросовестности или недобросовестности, так и от честного поведения сторон [15. С. 3]. Обозначенное решение повлекло за собой судебные прецеденты, в которых прямо выделялась обязанность последовательного поведения.

Результаты исследования

Можем охарактеризовать замену ГК Нижней Канады на ныне действующий ГК Квебека как тщательную рекодификацию гражданского права. Подчеркнем, что ввиду предшествующих исторических событий ГК Квебека 1991 г. имеет особенности, которые являются характерными как для англосаксонской, так и для романо-германской правовых семей.

Закрепленные в ГК Квебека 1991 г. принципы надлежащего и добросовестного исполнения договорных обязательств представляют собой регулирующие эту сферу нормативно-руководящие начала. В ГК Квебека раскрывается содержание принципа надлежащего исполнения и устанавливают-

ся в случае нарушения обязательства средства правовой защиты, одним из которых является исполнение в натуре. Учитывая отсутствие единообразного подхода квебекских судов к его присуждению, обусловленное среди прочего не только ограничениями в праве Квебека, но и влиянием общего права Канады, полагаем, что реальное исполнение не является принципом. Однако подчеркнем, что суды Квебека чаще склоняются к его присуждению, чем суды субъектов Канады, где применяется общее право.

В отношении принципа добросовестности исполнения договорных обязательств отметим, что охватываемые им и тесно взаимосвязанные между собой обязанности сторон (по информированию, по консультированию, лояльного отношения, сотрудничества, последовательного поведения) вытекают из ст. 1375 ГК Квебека и соответствующих судебных прецедентов.

Заключение

С учетом изложенного полагаем, что в настоящее время можно наблюдать сближение подходов к принципам исполнения обязательств в праве Квебека и общем праве Канады. При этом правоприменитель продолжает развивать указанные принципы в судебных прецедентах. На этот процесс влияют гражданское право Квебека и общее право Канады, а также доктрина.

Литература:

1. Алякин Д.С. Принцип добросовестности исполнения договорных обязательств по общему праву Канады и праву Квебека // Право и управление. XXI век. 2018. № 1 (46).
2. Гражданский кодекс Квебека. Науч. ред. и авт. предисл.: О.М.Козырь, А.А.Маковская; авт. введ.: Джон Е.К.Брайерли. М., 1999.
3. Давид Р. Основные правовые системы современности. Научное пособие. М., 2005.
4. Медведев С.Н. Гражданский кодекс провинции Квебек (Канада) 1994 // Северо-Кавказский юридический вестник. 2013. № 4.
5. Adar Y., Shalev G. The Law of Remedies in a Mixed Jurisdiction: The Israeli Experience. Tulane European & Civil Law Forum. 2008. Vol. 23. URL: <http://law.haifa.ac.il>.
6. Bristow D.I. Good Faith in performing contracts is now the law // Construction Law Letter. 2015. March/April. Vol. 31. № 4.
7. Campbell D. Good Faith and the Ubiquity of the "Relational" Contract // Modern Law Review. 2014. May. Vol. 77. № 3. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com>.
8. Castiel P., Djerrahian T. Specific Performance in Canadian M&A Transactions: Possible But Not Always Practical. Stikeman Elliott LLP. 2013. July. URL: <https://www.stikeman.com>.

¹⁰ [92] Hydro-Quebec v. Construction Kiewit cie, 2014 QCCA 947; May 16, 2014 // URL: <https://www.canlii.org/fr/qc/qcca/doc/2014/2014qcca947/2014qcca947.html> (date of access: 19.08.2018).

9. Dagenais D.A. Les devoirs de renseignement et de conseil des professionnels de la construction // Montréal: Lavery de Billy. 2001. URL: <https://www.cebq.org>.
10. Fitzgerald J. CISG, Specific Performance, and the Civil Law of Louisiana and Quebec // Journal of Law and Commerce. 1997. Vol. 16. URL: <https://www.cisg.law.pace.edu>.
11. Jukier R. Taking Specific Performance Seriously: Trumping Damages as the Presumptive Remedy for Breach of Contract // Sharpe R.J., Roach K., eds. Canadian Institute for the Administration of Justice. 2010. URL: <https://papers.ssrn.com>.
12. Jukier R. The Emergence of Specific Performance as a Major Remedy in Quebec Law // Revue du Barreau. 1987. Vol. 47. № 1. URL: <https://papers.ssrn.com>.
13. Karim V. La règle de la bonne foi prévue dans l'article 1375 du Code civil du Québec : sa portée et les sanctions qui en découlent // Les Cahiers de droit. 2000. Vol. 41. № 3. URL: <http://erudit.org>.
14. Kierans D.B., Kappler J. Good Faith in Canadian Contract Law // Business Law Today. 2016. April. URL: <http://americanbar.org>.
15. Pyzik S.L. Chronique – Le devoir de cohérence: l'émergence d'une norme particulière de la bonne foi en matière contractuelle au Québec. Éditions Yvon Blais, une société Thomson Reuters. 2017. Février. URL: <http://woods.qc.ca>.
16. Rolland L. La bonne fois dans le Code civil du Québec: du général au particulier // Revue de Droit de l'Université de Sherbrooke. 1996. Vol. 26. № 2. URL: <http://usherbrooke.ca>.
17. Rosenhek S.F., Blanchette N. Duty Of Good Faith In Canadian Contract Law // Fasken Martineau DuMoulin LLP. 2017. June. URL: <http://benchmarklitigation.com>.

PRINCIPLES OF CONTRACTUAL PERFORMANCE UNDER THE QUEBEC LAW

Introduction. In the paper the author analyzes the principles of contractual performance under the Quebec law, including their codification in both the Civil Code of Lower Canada and the Civil Code of Quebec. Additionally, the author carries out an analysis regarding relevant judicial precedents.

Materials and methods. The sources for the research consist of the Civil Code of Lower Canada (1865), the Civil Code of Quebec (1991), the judicial precedents of the courts of Quebec and those of the Supreme Court of Canada, as well as scientific papers of foreign researchers specializing in civil law. The methodology used for the research comprises general scientific (analysis, synthesis and analogy) as well as specific legal methods such as comparative legal, formal logical, systematic, structural and functional methods, as well as interpretative analysis.

Research results. The author conducts an anal-

ysis of the codification of the Quebec civil legislation as well as the principle of proper performance of contractual obligations, its correlation with the specific performance, and the principle of good faith contractual performance.

Overview and conclusion. The definition of two principles of the performance of contractual obligations (proper and good faith performance) under the Quebec law is justified. Due to certain exceptions and conditions for its practical implementation, the specific performance cannot be deemed as a principle, albeit its relative prevalence among the decisions rendered by the courts of Quebec.

Dmitry S. Alyakin,
Research Student, Department of Legal
Regulation of the Fuel and Energy Sector,
MGIMO-University under the MFA of Russia.

Ключевые слова:

исполнение договорных обязательств,
принцип надлежащего исполнения,
принцип добросовестности исполнения,
исполнение в натуре, реальное исполнение,
право Квебека, Гражданский кодекс
Квебека

Keywords:

contractual performance, principle of proper
contractual performance, principle of good
faith contractual performance, specific
performance, Quebec law, Civil Code of
Quebec

References:

1. Alyakin D.S., 2018. Printsip dobrosovestnosti ispolneniya dogovornykh obyazatel'stv po obshchemu pravu Kanady i pravu Kvebeka [The principle of good faith in the performance of contractual obligations under the common law of Canada and the law of Quebec]. *Pravo i upravlenie. XXI vek [Journal of Law and Administration]*. Vol. 1 (46).

2. Grazhdanskij kodeks Kvebeka [The Civil Code of Quebec]. 1999. Nauch. red. i avt. predisl.: O.M.Kozyr', A.A.Makovskaja; avt. vved.: Dzhon E.K.Brajerli. Moscow.
3. David R., 2005. Osnovnye pravovye sistemy sovremennosti [The main contemporary legal systems]. Moscow.
4. Medvedev S.N., 2013. Grazhdanskii kodeks provintsii Kvebek (Kanada) [The Civil Code of Quebec (Canada)] 1994. *Severo-Kavkazskii yuridicheskii vestnik [North Caucasus Law Journal]*. Is. 4.
5. Adar Y., Shalev G., 2008. The Law of Remedies in a Mixed Jurisdiction: The Israeli Experience. *Tulane European & Civil Law Forum*. Vol. 23.
6. Bristow D.I., 2015. Good Faith in performing contracts is now the law. *Construction Law Letter*. March/April. Vol. 31 (4).
7. Campbell D., 2014. Good Faith and the Ubiquity of the "Relational" Contract. *Modern Law Review*. May. Vol. 77 (3).
8. Castiel P., Djerrahian T., 2013. Specific Performance in Canadian M&A Transactions: Possible But Not Always Practical. Stikeman Elliott LLP. July.
9. Dagenais D.A., 2001. Les devoirs de renseignement et de conseil des professionnels de la construction [Duties to inform and advise of professionals in the construction]. Montréal: Lavery de Billy.
10. Fitzgerald J., 1997. CISG, Specific Performance, and the Civil Law of Louisiana and Quebec. *Journal of Law and Commerce*. Vol. 16.
11. Jukier R., 2010. Taking Specific Performance Seriously: Trumping Damages as the Presumptive Remedy for Breach of Contract. Sharpe R.J., Roach K., eds. Canadian Institute for the Administration of Justice.
12. Jukier R., 1987. The Emergence of Specific Performance as a Major Remedy in Quebec Law. *Revue du Barreau [Bar Review]*. Vol. 47 (1).
13. Karim V., 2000. La règle de la bonne foi prévue dans l'article 1375 du Code civil du Québec : sa portée et les sanctions qui en découlent [The Rule of Good Faith as stipulated in the article 1375 of Civil Code of Quebec: its scope and derived sanctions]. *Les Cahiers de droit [Law Journal]*. Vol. 41 (3).
14. Kierans D.B., Kappler J., 2016. Good Faith in Canadian Contract Law. *Business Law Today*. April.
15. Pyzik S.L., 2017. Chronique – Le devoir de cohérence: l'émergence d'une norme particulière de la bonne foi en matière contractuelle au Québec [Chronicle - The duty of coherence: the emergence of a particular standard of good faith in contractual matters in Quebec]. Éditions Yvon Blais, une société Thomson Reuters. Février.
16. Rolland L., 1996. La bonne fois dans le Code civil du Québec: du général au particulier [Good Faith in the Civil Code of Quebec: from general to particular]. *Revue de Droit de l'Université de Sherbrooke [Sherbrooke University Law Journal]*. Vol. 26 (2).
17. Rosenhek S.F., Blanchette N., 2017. Duty Of Good Faith In Canadian Contract Law. Fasken Martineau DuMoulin LLP. June.

ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ СИСТЕМ МОНИТОРИНГА И ОЦЕНКИ ВО ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

Юрий Зайцев*
Юлия Комагаева**

DOI 10.24833/2073-8420-2018-4-49-29-37

Введение. Прозрачность процессов регулирования становится все более важным аспектом государственного управления в разных странах. Возрастает спрос на транспарентность внешнеэкономической деятельности, поэтому особая роль уделяется системам мониторинга и оценки (МиО). В статье проводится анализ текущих практик национальных органов государственного управления по созданию и внедрению систем МиО в сфере международной помощи в целях развития. Использование компонента МиО позволяет, с одной стороны, улучшить подотчетность перед налогоплательщиками, а с другой стороны - повысить общую эффективность реализуемых программ.

Материалы и методы. Для проведения исследования используется теория игр, позволяющая идентифицировать логику выбора конкретной системы МиО в разных странах, а также проанализировать ключевые факторы, влияющие на ее внедрение.

Результаты исследования. В результате проведенного анализа выявлены основные принципы формирования национальных систем МиО, а также определены три уровня действий, определяющих процесс принятия решения по системам оценки: общий, стратегический и коалиционный.

Заключение. В заключении предлагается ряд управленческих рекомендаций по использованию системы МиО для повышения эффективности государственных внешнеэкономических программ.

Введение

Сфера государственного регулирования экономики всегда привлекала повышенное внимание общественности, обусловленное причастностью к управ-

лению средствами налогоплательщиков. В этой связи, со стороны граждан формируется спрос на транспарентность деятельности государства в сфере реализации госполитики, выражающейся в конкретных программах и проектах. Особенно остро обще-

* **Зайцев Юрий Константинович**, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической политики и государственно-частного партнерства МГИМО МИД России, старший научный сотрудник Института прикладных экономических исследований РАНХиГС, Россия
e-mail: yuriy.zaitsev@gmail.com
ORCID ID: 0000-0003-2458-7419

** **Комагаева Юлия Александровна**, преподаватель Института бизнеса и делового администрирования РАНХиГС, Россия
e-mail: jkomagayeva@gmail.com
ORCID ID:

ственный интерес проявляется в отношении государственных программ и проектов, реализуемых за рубежом [12]. В международной практике инструментами для обеспечения транспарентности являются мониторинг и оценка.

Как показывает зарубежный опыт, система мониторинга и оценки внедрялась в практику госуправления для решения ряда проблем, существовавших в разные периоды времени. Осознание необходимости институционализации элементов системы мониторинга и оценки произошло в конце 1970-х гг. в рамках концепции нового госуправления (New Public Management), которая задавала рамки для управления, ориентированного на результат [1]. В дальнейшем институционализация компонентов мониторинга и оценки в госсекторе способствовала формированию национальных систем мониторинга и оценки.

В данной статье будут рассмотрены подходы к осуществлению мониторинга и оценки внешнеэкономической деятельности на примере государственных проектов и программ в сфере содействия международному развитию.

Исследование

Теория игр и выбор национальной системы МиО

Несмотря на широкий спектр литературы в сфере мониторинга и оценки (МиО), по-прежнему в недостаточной степени представлен более теоретический анализ, показывающий логику выбора национальных систем мониторинга и оценки в целях реализации госполитики в различных сферах. Рассмотрим логику выбора систем мониторинга и оценки в сфере содействия международному развитию (СМР).

В международной практике было принято несколько попыток проанализировать существующие формы систем МиО СМР в разных странах. Основным источником для анализа был набор публикаций Всемирного банка по разработке политики через системы МиО, по созданию систем МиО на основе принципов управления по результатам, а также укреплению потенциала при формировании национальных систем МиО. Кроме того, в литературе появились работы, посвященные анализу оценки воздействия практик доноров, связанных с предоставлением помощи. Несмотря на это,

по-прежнему отсутствует более теоретический анализ, показывающий связь между системами МиО и концепциями, используемыми в гуманитарных исследованиях. С этой целью предлагается адаптировать «теорию игр» в отношении выбора конкретной системы МиО суверенными донорами в сфере СМР.

Выбор конкретной системы мониторинга и оценки СМР, осуществляемой национальными правительствами, обычно зависит от нескольких факторов, которые определяют конкретные черты национальной системы мониторинга и оценки СМР. Эти факторы различаются между странами и имеют разную степень влияния на принятие окончательного решения. Теория игр может служить методологическим подходом к выявлению этих факторов, влияющих на набор вариантов, которые в значительной степени определяют форму национальной системы МиО в сфере СМР.¹

Для того чтобы выявить связь между выбором конкретной системы МиО и теорией игр, необходимо определить некоторые параметры, описывающие «игру» и используемые теорией [4]. Во-первых, в роли игроков в основном выступают доноры и получатели помощи. Во-вторых, взаимодействие между донором и получателем всегда подразумевает игровую ситуацию, которая повторяется на регулярной основе. В этом случае игра посвящена одновременному принятию решений донорами и получателями по распределению ресурсов, что всегда зависит от их предпочтений, меняющихся во времени. Эти меняющиеся предпочтения, в свою очередь, зависят от национальных приоритетов, подхода к определению эффективности помощи, а также двусторонней политической повестки, сложившейся между сторонами.

Теоретический подход помогает понять и даже предсказать стратегическое поведение лиц, принимающих решения, в отношении выбора конкретной модели МиО для своих проектов в конкретных экономических условиях в соответствии с их собственными интересами. Инструмент помогает интерпретировать идеи, понятия и мотивацию логически последовательным образом, а также определять предположения/ факторы, которые могут быть проявлены различным образом в разных национальных контекстах, предлагаемыми различными институциональными особенностями стран. Более

¹ Теория игр — это раздел прикладной математики. Чаще всего методы теории игр находят применение в международных отношениях, экономике, а также в других социальных науках - социологии, политологии.

того, это позволяет объяснить принятые в прошлом решения на основе допущений и факторов. Эти факторы обычно связаны с политической системой, институциональной структурой, партнерами по развитию и другими заинтересованными сторонами [8].

Неоклассическая теория игр предлагает несколько предварительных условий, которые необходимо учитывать при анализе [11]. Во-первых, субъекты (заинтересованные стороны) имеют ограниченную рациональность. Информационная асимметрия и неопределенность в отношении потоков помощи и политики сотрудничества в области развития в целом побуждают агентов копировать стратегии у других на основе наблюдаемых преимуществ. Преимущества могут быть идентифицированы самими участниками в зависимости от периода реализации программ/ проектов, а также от их собственных приоритетов. К примеру, в течение короткого периода преимущества могут быть получены в результате увеличения бюджетов помощи, в то время как в долгосрочной перспективе преимущества могут быть связаны с конкретными социально-экономическими результатами. Однако положительные результаты развития могут стимулировать увеличение бюджетов помощи. Это может привести к постепенному увеличению объемов поддержки доноров.

Во-вторых, трудно сохранить состояние равновесия в долгосрочной перспективе. Множественные равновесные решения требуют уточнений, и не каждый результат игры будет соответствовать ситуации «равновесия по Нэшу». Вот почему в реальности может возникнуть сценарий, который не имеет равновесия. Это частично может объяснить, почему системы МиО эволюционируют со временем, правительства выбирают смешанные стратегии. Более того, существование устойчивого равновесия, конечно, не самоочевидно и, возможно, фактически может рассматриваться как движущая сила изменения и систем МиО. В-третьих, игру следует рассматривать как динамический процесс, позволяющий сформировать динамическую систему.

Процесс принятия решений в отношении выбора систем МиО связан, главным образом, с действиями на трех уровнях, таких как общий, стратегический и коалиционный. Общий уровень предполагает участие всех заинтересованных сторон, выбор действий, доступных заинтересованным сторонам, определение последовательности действий заинтересованных сторон, а так-

же предпочтения игроков. Стратегический уровень рассматривает стратегии заинтересованных сторон и их предпочтения в отношении конечных результатов. Коалиционный уровень рассматривает формирование коалиций заинтересованных сторон и ценностей этих коалиций. Институциональные системы МиО обычно являются результатом дискуссий и реализации многочисленных интересов заинтересованных сторон. Все упомянутые уровни принятия решений, как правило, отражены в окончательной модели системы МиО.

Результаты исследования ***Национальные системы*** ***мониторинга и оценки***

В международном опыте представлен широкий спектр примеров того, как были созданы и эволюционировали системы мониторинга и оценки (МиО) применительно к различным направлениям внешнеэкономической деятельности, включая содействие международному развитию (СМР). В большинстве случаев системы МиО предполагают решение проблемы эффективности реализации программ/ проектов. Однако в общем случае национальные практики систем МиО определяются целями, задачами, сферой, а также приоритетами соответствующей национальной секторной политики.

Типология систем. В международной практике можно выявить три основных типа национальных систем мониторинга и оценки (МиО) государственных проектов и программ (рисунок 1) [6]. Первый связан с независимым внешним органом, который обеспечивает прозрачность, социальный надзор и подотчетность. Эта форма предполагает сотрудничество с внешними заинтересованными сторонами, а также неучастие в формировании политики. Примерами такой системы являются национальные системы мониторинга и оценки в Мексике, в Колумбии и частично во Вьетнаме [13].

Второй тип системы - централизованная государственная система. Такая система эффективна для операционного управления, а также управления бюджетом программы/ проекта. Данная система предоставляет возможности для сокращения уровней дублирования действий. Примерами централизованных систем являются австралийская, чилийская, канадская и голландская национальные системы МиО.

В Канаде (как и в Австралии в 1987-1997 гг.) правительственный орган устанавливает правила проведения МиО и предо-

Рисунок 1 – Типология систем мониторинга и оценки в мировой практике

Источник: составлено автором.

ставляет рекомендации, в то время как линейные отделы обязаны проводить оценочные исследования. При этом линейные отделы обладают некоторой степенью свободы в том, как они организуют процедуру оценки. Южная Африка стремится к некоторой схожей модели.

Третий тип национальных систем мониторинга и оценки — это децентрализованная государственная система МиО, в рамках которой государственные учреждения обладают полной свободой. Главным преимуществом данного типа является высокое качество и доступ к данным. Однако главный недостаток связан с меньшим количеством возможностей для обмена наилучшими практиками и внедрением стандартов. Примеры этой системы связаны с практикой Германии, США, Великобритании.

Приведем примеры из национальной практики формирования систем МиО в таком направлении госполитики, как реализация программ/ проектов в сфере содействия международному развитию (СМР) (таблица 1). К примеру, институциональная структура МиО в сфере СМР в Германии основана на работе отдела сотрудничества в области развития и аудита Федерального министерства экономического сотрудничества и развития (BMZ) [2]. Отдел имеет мандат для проведения оценки программ сотрудничества в области развития Германии и отвечает за обеспечение руководства и повышение качества систем оценки учреждений-исполнителей, таких как Банк развития Германии (Entwicklungsbank (KfW)) и Немецкое общество по международному сотрудничеству (Deutsche Gesellschaft für Internationale Zusammenarbeit (GIZ)). Гер-

манский институт оценки развития (DEval) был создан как независимая структура для обеспечения руководства и последовательности в оценке помощи развитию Германии.

Таблица 1 - Идентификация институциональных элементов национальных систем (участников и их роли) мониторинга и оценки

Страна	Рамка
Германия	Три оценочных органа (KfW Entwicklungsbank, GIZ, DED), 1 координационный орган (Deval)
Нидерланды	Центры по оценке в отдельных органах госуправления
ЮАР	Центры по оценке в гос. департаментах, 2 национальных координирующих института по оценке (DPME, ERU)
Китай	Данных нет
Австралия	Федеральное министерство финансов (DoF)
Бразилия, Великобритания	Высшие аудиторские органы (SAIs)

Источник: составлено автором.

Элементы оценочных систем. Выбор и внедрение конкретной национальной системы МиО в каждом случае зависит от сложившихся национальных условий, политической системы, модели разделения труда между заинтересованными сторонами, распределения полномочий между государственными органами, а также от финансовых средств, выделяемых для реализации процедур МиО [9]. Ключевые элементы в основном связаны с целями, режимом планирования, доступностью финансовых средств, выбо-

ром методологии оценки и показателей для проведения оценочных исследований [7].

Таблица 2 - Ключевые элементы системы МиО

• Цель; • Политическая система; • Институциональные рамки; • Планирование оценки; • Принципы; • Методология; • Сотрудничество с партнерами; • Практика отчетности; • Контроль качества.

Источник: составлено автором.

Краеугольную роль в формировании оценочных систем играют цели мониторинга и оценки (рисунок 2). Приведем некоторые примеры. Так, основной целью национальной системы МиО Мексики является оценка прогресса в достижении политических целей и программных целей для информирования о принятии решений в отношении бюджета.

В Китае оценка проводится, главным образом, для внутренних потребностей правительства. Основной целью системы МиО в Великобритании является обеспечение подотчетности. Данные оценки позволяют тестировать, внедрять новшества и расширять, изменять или прекращать инициативы. Так же, как и в Великобритании, в США основной целью оценки стала подотчетность перед заинтересованными сторонами и обучение по улучшению результатов.

В Норвегии оценка проводится для повышения качества последующих интервен-

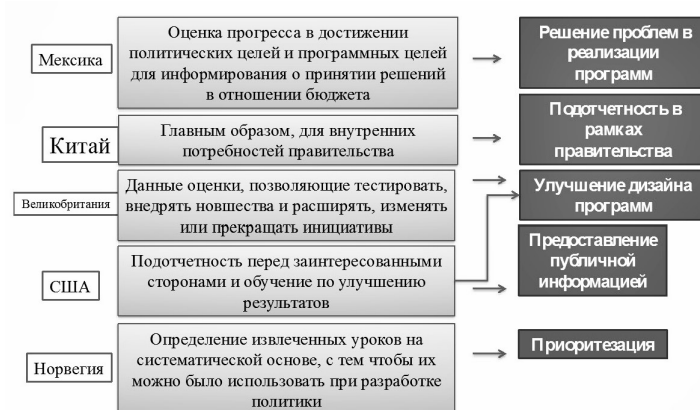
ций, извлечения уроков на систематической основе с тем, чтобы их можно было использовать при разработке госполитики в будущем.

Методология оценки. Международный опыт показывает, что в качестве одного из первых шагов формирования системы МиО разрабатывается стандартная методология оценки, которая впоследствии применяется для текущих проектов [5]. Это помогает оценить результаты на общем национальном уровне. В большинстве стран ОЭСР и даже стран, не входящих в ОЭСР, используются руководящие принципы оценки для отдельных секторных программ и политик с дополнительными предложениями стран. Это позволяет адаптировать международные критерии по отношению к национальным практикам.

Дальнейшие шаги по формированию национальных систем МиО касаются сотрудничества с секторными органами и заинтересованными сторонами, включая бизнес, [10] для разработки отраслевых показателей и согласования их с общей методологией МиО. Успех реализации этого этапа связан с соизмеримостью показателей на разных уровнях, отражающих различные интересы заинтересованных сторон. Так, показатели более «низкого уровня» помогают предоставить информацию для анализа на более «высоком уровне».

В отличие от многих развитых стран, которые часто основывают свои методологии МиО и секторные практики на принципах ОЭСР, некоторые страны с быстро растущей экономикой (например, Бразилия, Южная Африка) используют принципы оцен-

Рисунок 2 - Цели национальных правительств в рамках формирования систем мониторинга и оценки

Для достижения разных целей могут потребоваться различные способы измерения и анализа

Источник: составлено автором.

ки, унаследованные от институциональных оценщиков, работающих (или работавших) в этих странах по различным проектам. Например, в Бразилии методология МиО основана на тех подходах, которые использовались международными организациями, такими как Продовольственная и сельскохозяйственная организация (ФАО/ FAO) и Программа развития ООН (ПРООН/ UNDP) (таблица 3).

Таблица 3 – Методологии национальных систем мониторинга и оценки

Страна	Характеристики
	Страны – члены ОЭСР: эффективно функционирующие методологические рамки
Германия	Принципы оценки утверждаются координирующим органом Deval и согласуются с принципами ОЭСР
Нидерланды	Документ по оценке и руководящие принципы (National Evaluation Policy Framework (NEPF), DPME Standards for evaluation in government), смешанные методы оценки
	Страны-не члены ОЭСР
ЮАР	Стандарты оценки основаны на принципах ОЭСР. В соответствии с руководящими принципами оценки все процедуры оценки состоят из четырех общих этапов
Китай	Страна начала изучать варианты включения принципов ОЭСР в планы по оценке
Бразилия	Методологии, используемые международными организациями (ПРООН и ФАО)
Россия	Методология будет предметом обсуждения с отраслевыми министерствами и Минфином

Источник: составлено автором.

Планирование оценки. Что касается планирования мероприятий по мониторингу и оценке, то главным принципом большинства национальных систем мониторинга является непланирование слишком большого числа задач. Для достижения этой цели большинство национальных правительственных органов предпочитает уделять большее внимания усилению мониторинга с точки зрения сбора и обработки данных. Основной акцент в процессе мониторинга направлен на получение контрольной информации о ходе реализации программы/ проекта, а не в самой оценке как таковой (индикативная оценка). Задачи по проведению мониторинга, как правило, формируются в отношении конкретных сфер регулирования и часто исключают использование сложных подходов

и показателей. Однако часть национальных правительств добилась более значительного прогресса в разработке компонента оценки, внедрив комплексные системы индикаторов, а также отраслевую и страновую практику оценки воздействия экономических и социальных эффектов (например, Германия и США) (таблица 4) [3].

Использование систем МиО на практике, а также количество проектов, подлежащих оценке, зависит от финансовых средств, доступных для оценочных исследований. Опыт стран показывает, что если имеется нехватка финансовых ресурсов, нет необходимости в оценке всех национальных проектов. Сложные оценки осуществляются в отношении тех проектов, которые оказывают значительное влияние на развитие. Такие практики используются некоторыми развитыми странами и требуют больших объемов финансовых средств для сбора данных, оплаты сборов за доступ к контекстуальным данным для сравнения, покупки программного обеспечения для отслеживания данных и т. д. Такая практика также осуществляется в отношении проведения оценки воздействия. Международный опыт показывает, что большинство проектов, в том числе осуществляемых странами с быстро растущей экономикой оцениваются по менее комплексным схемам, чтобы избежать дорогостоящих исследований и услуг экспертов.

Таблица 4 – Планирование в различных типах национальных систем оценки

Страна	Системы оценки
	Централизованные системы
Нидерланды	План согласуется после консультаций с Департаментом по финансовым и экономическим вопросам (FEZ)
Австралия	Каждый департамент ежегодно выпускает план по оценке на трехлетний период и направляет его в DoF
Республика Корея	Офис по оценке формирует план оценки на ежегодной основе
	Децентрализованные системы
Германия	Процесс основан на подходе «снизу вверх», согласуется с BMZ и GIZ. В GIZ проекты оцениваются в двух приоритетных секторах экономики каждый год
США	Децентрализованные оценки проектов планируются и выполняются отдельными гос. подразделениями, а отдельные тематические и мета-оценки планируются и проводятся на федеральном уровне.
ЮАР	Оценки предлагаются на ежегодной основе государственными ведомствами и после утверждения и включаются в Национальный план оценки на следующий год.

Источник: составлено автором.

Становление институциональной системы МиО в России

В настоящее время в Российской Федерации пока еще не сложился институциональный подход для формирования национальной системы мониторинга и оценки [15]. Тем не менее, существует ряд предпосылок для ее формирования. Во-первых, существует ряд нормативно-правовых документов, регулирующих данную сферу. Так, в 2012 году Росстат представил целевые показатели реализации государственных и федеральных программ (сведения об использовании средств из бюджетных и внебюджетных источников финансирования на выполнение государственных и федеральных целевых программ). В том же году Министерство экономического развития России утвердило «Руководящие принципы разработки и реализации государственных программ». Позднее был принят Федеральный закон №172-ФЗ от 28.06.2014 «О государственном стратегическом планировании Российской Федерации».

Во-вторых, на национальном уровне уже имеется опыт подготовки докладов о результатах и основных направлениях деятельности ФОИВ для сводного доклада Правительства РФ (2006-2008 гг.). Также в период 2004 – 2008 гг. активно работала Правительственная комиссия по совершенствованию и повышению эффективности бюджетных расходов [14].

В этой связи представляется возможным реализовывать работу по формированию национальной российской системы мониторинга и оценки с учетом следующих возможностей и ограничений. Во-первых, формирование национальных систем оценок государственных программ и проектов, как правило, связано с существенными расходами и имеет стратегическое значение.

В этой связи, необходимо решать проблему ограниченности ресурсов. Во-вторых, имеет смысл привлекать широкий спектр стейкхолдеров к разработке и проведению оценочного исследования как в целях обеспечения лучшего доступа к информации, так и для того, чтобы выводы были приняты всерьез. В-третьих, необходимо соблюдать баланс индикаторов в методологии, определив оптимальное число релевантных количественных и качественных показателей для оценки эффективности и результативности программ. В-четвертых, необходимо способствовать развитию человеческих ресурсов и подготовке кадров в данной сфере. В-пятых, необходимо внедрение системного характера применения практик проведения оценки государственных программ/ проектов.

Заключение

Представленный анализ позволил разработать ряд практических рекомендаций о том, как использовать международный опыт формирования систем МиО в российской практике. В большинстве случаев выбор конкретной системы МиО на национальном уровне зависит от широкого спектра элементов, определяющих цели и принципы реализации госполитики в конкретной сфере. Таким образом, каждая из рассмотренных национальных систем МиО уникальна по-своему.

Несмотря на то, что страны имеют разные цели и подходы к реализации национальных программ и проектов, использование МиО обычно помогает повысить их эффективность. Предложенные рекомендации для российской практики не отражают особых аспектов и институциональных особенностей конкретных стран, но могут служить общей основой для запуска системы МиО.

Литература:

1. Andrews, Rhys and Steven Van de Walle. New Public Management and Citizens' Perceptions of Local Service Efficiency, Responsiveness, Equity and Effectiveness. Public Management Review, 2013.
2. Federal Ministry for Economic Cooperation and Development. URL: <https://www.bmz.de/en/index.html>
3. Gertler P.J., Martinez S., Premand P., Rawlings L.B. Impact Evaluation in Practice. World Bank, 2011.
4. John von Neumann, Oskar Morgenstern. Theory of Games and Economic Behaviour, Princeton University Press, 1944.
5. Kusek J.Z., Rist R.C. Ten Steps to a Result-Based Monitoring and Evaluation System. A Handbook for Development Practitioners. The World Bank, 2004.
6. Kusek J.Z., Gorgens M. Making Monitoring and Evaluation Systems Work. A Capacity Development Toolkit. The World Bank, 2009.

7. Lopez-Acevedo G., Krause P., Mackay K. Building the Better Policies. The Nuts and Bolts of the Monitoring and Evaluation Systems. The World Bank, 2012.
8. Zaytsev Y. International Multilateral Assistance for Socio-Economic Development of the Poorest Countries of South-East Asia // Journal of International Development. 2017. Т. 29. № 2. URL: <https://elibrary.ru>.
9. Завьялова Е.Б., Студеникин Н.В., Старикова Е. Участие бизнеса в реализации социально ориентированных целей устойчивого развития в странах Центральной Азии и Кавказа // Центральная Азия и Кавказ. 2018. Т. 21. № 2. URL: <https://elibrary.ru>.
10. Завьялова Е.Б., Зайцев Ю.К., Студеникин Н.В. Корпоративная социальная ответственность: учебник для бакалавриата и магистратуры. М., 2018.
11. Завьялова Е.Б., Сафрончук М.В. Экономика для политологов. М., 2018.
12. Зайцев Ю.К. Программы содействия международному развитию в контексте поддержки инвестиционной активности российского бизнеса в развивающихся странах: возможности и вызовы // Проблемы национальной стратегии. М., 2013. № 5.
13. Зайцев Ю.К. Оценка воздействия многосторонних механизмов помощи на социально-экономическое развитие Вьетнама // Вестник МГИМО Университета. М., 2012. № 2.
14. Коммагаева Ю.А., Нагорнов В.А., Зайцев Ю.К. Оценка программ содействия социально-экономическому развитию // Всемирный банк. 2017.
15. Кнобель А.Ю., Зайцев Ю.К. Экономическая помощь России другим странам в 2016 г. // Экономическое развитие России. 2017. Т. 24. № 10.

ESTABLISHING NATIONAL MONITORING AND EVALUATION SYSTEMS FOR FOREIGN ECONOMIC POLICY IMPLEMENTATION

Introduction. *The increasing demand in government regulation transparency creates a special focus on introduction of the monitoring and evaluation (M&E) system. The article analyzes the current practices of the national governments in development and implementation of the M&E systems for assisting international development. With the help of the M&E component, the governments, on the one hand, improve accountability to taxpayers, and, on the other hand, M&E increases program's overall efficiency.*

Methods of research. *The game theory is used as a key method of the study. It allows identifying the logic of choosing a specific M&E system in different countries, as well as analyzing the key factors affecting its implementation.*

Research results. *The main principles for the formation of national M&E systems were identified as a result of the analysis, and three levels (general, strategic and coalition) of actions were identified that determine the decision-making process on as-*

essment systems.

Conclusion. *In conclusion several policy recommendations are proposed on how to use the M&E system to increase the effectiveness of state foreign economic programs.*

Yury K. Zaytsev,
Candidate of Economic Science, Associate Professor with the Department for Economic Politics and Public-Private Partnership, MGIMO University under the MFA of Russia; Research Fellow at the Institute of Applied Economic Studies, Russian Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)

Julia A. Komagaeva,
Lecturer at the Institute of Business and Business Administration, Russian Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)

Ключевые слова:

мониторинг и оценка (МиО), внешнеэкономическая политика, международная помощь в целях развития, национальные системы МиО, эффективность программ, страны-партнеры

Keywords:

monitoring and evaluation (M&E), foreign economic policy, international development aid, national M&E systems, program effectiveness, partner countries

References:

1. Andrews, Rhys and Steven Van de Walle, 2013. New Public Management and Citizens' Perceptions of Local Service Efficiency, Responsiveness, Equity and Effectiveness. *Public Management Review*.
2. Federal Ministry for Economic Cooperation and Development. URL: <https://www.bmz.de/en/index.html>
3. Gertler P.J., Martinez S., Premand P., Rawlings L.B., 2011. Impact Evaluation in Practice. World Bank.
4. John von Neumann, Oskar Morgenstern, 1944. Theory of Games and Economic Behaviour. Princeton University Press.
5. Kusek J.Z., Rist R.C., 2004. Ten Steps to a Result-Based Monitoring and Evaluation System. A Handbook for Development Practitioners. The World Bank.
6. Kusek J.Z., Gorgens M., 2009. Making Monitoring and Evaluation Systems Work. A Capacity Development Toolkit. The World Bank.
7. Lopez-Acevedo G., Krause P., Mackay K., 2012. Building the Better Policies. The Nuts and Bolts of the Monitoring and Evaluation Systems. The World Bank.
8. Zaytsev Y., 2017. International Multilateral Assistance for Socio-Economic Development of the Poorest Countries of South-East Asia. *Journal of International Development*. T. 29. № 2.
9. Zav'yalova E.B., Studenikin N.V., Starikova E., 2018. Uchastie biznesa v realizacii social'no orientirovannyh celej ustojchivogo razvitiya v stranah Central'noj Azii i Kavkaza [Business' participation in implementation of sustainable development goals in the Central Asian and Caucasus countries]. *Central'naya Aziya i Kavkaz [Central Asia and Caucasus]*. T. 21. № 2.
10. Zav'yalova E.B., Zajcev Yu.K., Studenikin N.V., 2018. Korporativnaya social'naya otvetstvennost': uchebnik dlya bakalavriata i magistratury [Corporate social responsibility: handbook for bachelor and master degree students]. Moscow.
11. Zav'yalova E.B., Safronchuk M.V., 2018. Ekonomika dlya politologov [Economics for political science students]. Moscow.
12. Zajcev Yu.K., 2013. Programmy sodejstviya mezhdunarodnomu razvitiyu v kontekste podderzhki investicionnoj aktivnosti rossijskogo biznesa v razvivayushchih strana: vozmozhnosti i vyzovy [International development cooperation programs for support of the investment activity of the Russian businesses in developing countries: opportunities and challenges]. *Problemy nacional'noj strategii [Issues of the national strategy]*. № 5.
13. Zajcev Yu.K., 2012. Ocenka vozdejstviya mnogostoronnih mekhanizmov pomoshchi na social'no-ekonomicheskoe razvitie V'etnama [Evaluating the impact of multilateral international development assistance programmes on the socio-economic development of Vietnam]. *Vestnik MGIMO Universiteta [MGIMO University Bulletin]*. № 2.
14. Komagaeva Yu.A., Nagornov V.A., Zajcev Yu.K., 2017. Ocenka programm sodejstviya social'no-ekonomicheskomu razvitiyu [Assessment of the programmes contributing to socio-economic development]. Vsemirnyj bank [The World Bank].
15. Knobel' A.Yu., Zajcev Yu.K., 2017. Ekonomicheskaya pomoshch' Rossii drugim stranam v 2016 g. [Development assistance of the Russian Federation to other countries in 2016]. *Ekonomicheskoe razvitie Rossii [Economic Development of the Russian Federation]*. T. 24. № 10.

РАЗРАБОТКА ПРЕДЛОЖЕНИЙ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ ВЗАИМНОГО КРЕДИТОВАНИЯ (КРАУДЛЕНДИНГА)

Анастасия Уварова*

DOI 10.24833/2073-8420-2018-4-49-38-44

Введение. В статье даются определение и классификация краудфандинга (коллективного финансирования, соотношение понятий краудфандинг и краудлендинг (взаимное кредитование). Рассматриваются вопросы взаимного кредитования между физическими лицами, юридические аспекты взаимного кредитования между физическими лицами. Анализируется российский законопроект № 419090-7 «Об альтернативных способах привлечения инвестиций (краудфандинге)». Выдвигаются предложения по совершенствованию законодательства в целях развития краудлендинговых отношений, где заёмщиками и инвесторами выступают физические лица. Предлагаются возможные меры повышения эффективности взаимного кредитования.

Материалы и методы. Методологическую основу исследования составили следующие методы познания правовых явлений и процессов в сфере взаимного кредитования: общенаучные методы – анализ и синтез, индукция и дедукция в совокупности, аналогия, и специально-научные методы исследования, в частности, метод сравнительного правоведения и метод комплексного исследования.

Результаты исследования. В результате проведенного исследования рассмотрены несколько наиболее распространенных классификаций краудфандинга. Выявлено, что краудфандинг – более общее понятие, краудлендинг является одной из форм краудфандинга. Предлагается принятие конкретных мер по совершенствованию законодательства Российской Федерации в сфере взаимного кредитования (краудлендинга):

1. Включение в законопроект о краудфандинге определения понятия взаимного кредитования между физическими лицами.
2. Предоставление операторам доступа к бюро кредитных историй с возможностью внесения и получения записей, а также доработка существующих законодательных положений в указанных целях.
3. Ведение в ЦБ РФ отдельного реестра с минимальными требованиями для добросовестных операторов в сфере взаимного кредитования, работающих с заёмщиками и инвесторами физическими лицами.
4. Предоставление операторам взаимного кредитования между физическими лицами возможности открытия номинальных счетов, а именно: внесение в законопроект оговорки об этом либо издание указания Банка России банкам, обязывающее их открывать номинальные счета таким операторам.

* **Уварова Анастасия Владимировна**, соискатель кафедры международного частного и гражданского права им. С. Н. Лебедева МГИМО МИД России, Россия
e-mail: abv92@list.ru
ORCID ID: 0000-0002-2440-9287

Обсуждение и заключение. Принятие предлагаемых мер позволит повысить эффективность взаимного кредитования (краудлендинга) как альтернативного способа привлечения инвестиций.

Введение

На сегодняшний день в условиях падения реальных доходов населения¹ по всей России наблюдается острая потребность в заемных денежных средствах со стороны физических лиц. Граждане предпочитают изыскивать способы получения доступа к финансированию, которые исключают необходимость прохождения длительной проверки, уплаты различных комиссий и оценки предоставляемого обеспечения [1]. В связи с этим стали появляться альтернативы традиционным методам финансирования, одной из которых является взаимное кредитование. В настоящей статье рассматриваются отношения в сфере взаимного кредитования (p2p-кредитования, краудлендинга, пирингового кредитования), однако такие отношения относят к краудфандинговым, поэтому изначально предлагается рассмотреть понятие краудфандинг, а также то, как соотносятся понятия краудфандинг и краудлендинг.

Исследование

Краудфандинг – (от англ. *crowd* – толпа и *funding* – финансирование) – деятельность, связанная с привлечением финансовых ресурсов от большого количества людей, добровольно объединяющих свои ресурсы на специализированных интернет-сайтах (краудфандинговых площадках) в целях реализации продукта или услуги, помощи нуждающимся, проведения мероприятий, поддержки как физических, так и юридических лиц и т. д. [2].

Краудфандинг (коллективное финансирование) развивается быстро, в частности, он сосредоточен в США, Австралии, а также в европейских странах, таких как Соединенное Королевство, Франция, Германия, Италия и Нидерланды. Эти страны ввели специальные внутренние режимы, и в них в настоящее время он остается национальным феноменом с ограниченным ведением кросс-границной деятельности.

Анализ тенденций развития краудфандинга во Франции, Италии и Великобритании до и после появления национальных регуляторных норм в этих государствах выявил значительные различия в регулировании краудфандинга исходя из уровня развития рынков и характера ранее существовавших нормативно-правовых рамок [4].

Следует обратить внимание на источники финансирования, выходящие за рамки традиционных форм финансирования. Традиционные формы финансирования – это займы у друзей и членов семьи, банковские кредиты, средства, предоставляемые бизнес-ангелами, а также венчурные инвестиции. Краудфандинг же – потенциальный способ выйти за рамки традиционных форм финансирования, а также потенциальный способ развития инноваций и новых технологий таких, как облачные вычисления (cloud computing) при заключении договоров [8].

Выделяют несколько типов краудфандинга. Приведем две классификации.

Более общая система классификации, например, используется в Соединенном Королевстве, в соответствии с которой различают четыре типа краудфандинга:

- 1) основанный на безвозмездной передаче/дарении /пожертвовании (donation crowdfunding) включает в себя вкладчиков, которые дают (альтруистично) деньги на компанию и получают взамен, в лучшем случае, признание;
- 2) основанный на вознаграждении (reward crowdfunding) включает участников, вкладывающих в компанию и получающих взамен продукт или услуги;
- 3) основанный на кредитовании (lending crowdfunding) предполагает, что инвесторы вкладывают денежные средства и впоследствии возвращают их обратно плюс получают проценты;
- 4) краудинвестинг, основанный на вложении в доли компании или на вложении в акции компании (equity crowdfunding) [5].

¹ «Информация о социально-экономическом положении России - 2018 г.» // Росстат. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2018/info/oper-12-2018.pdf. Дата обращения: 10.03.2019.

Согласно же другой европейской классификации [3] выделяется семь типов краудфандинга, а именно:

1) краудлендинг (взаимное кредитование, p2p-кредитование, пиринговое кредитование) – физические лица предоставляют деньги малому бизнесу или физическому лицу и ожидают, что деньги будут выплачены им с процентами. Данный тип краудфандинга схож с традиционными заимствованиями у банка, за исключением того, что на стороне кредитора, как правило, наблюдается множественность лиц;

2) краудинвестинг позволяет продавать акции малого или среднего бизнеса, а держатели акций ожидают получение прибыли со своих вложенных инвестиций;

3) краудфандинг, основанный на вознаграждении, предполагает вложение инвестором денежных средств в идею проекта или бизнес, и взамен тот получает какое-либо нефинансовое вознаграждение;

4) краудфандинг, основанный на безвозмездной передаче/пожертвовании, предполагает добровольные пожертвования, сделанные отдельными лицами для конкретных проектов, не ожидая никакого возврата или прибыли;

5) краудфандинг, основанный на совместном использовании прибыли: малый бизнес получает финансирование от физических лиц в обмен на обещание разделить с ними будущую прибыль;

6) краудфандинг, связанный с долговыми ценными бумагами – физические лица вкладывают деньги в долговые ценные бумаги, как правило, облигации, выпущенные предприятиями малого бизнеса;

7) смешанные модели краудфандинга, которые сочетают в себе особенности нескольких типов краудфандинга.

Вторая классификация более подробная, поэтому более удобна для дальнейшего анализа и использования.

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что в мировой зарубежной практике краудфандинг – более общее понятие, и по сути краудлендинг является одной из форм краудфандинга.

Рассматривая юридические аспекты взаимного кредитования в Российской Федерации, необходимо отметить, что 20 марта 2018 года в Государственную Думу Российской Федерации был внесен Проект Федерального закона № 419090-7 «Об альтернативных

способах привлечения инвестиций (краудфандинге)» (далее законопроект)².

В соответствии с пунктом 1 статьи 5 законопроекта предлагается осуществлять инвестиции посредством инвестиционной платформы путем предоставления займов (краудлендинг), приобретения доли участника в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью, доли в складочном капитале хозяйственного товарищества или хозяйственного партнерства (краудинвестинг), приобретения ценных бумаг (краудфандинг, связанный с долговыми ценными бумагами), приобретение токенов инвестиционного проекта (смешанная модель краудфандинга).

В соответствии с пунктом 2 статьи 1 законопроекта предлагается не распространять действие будущего Федерального закона на отношения, возникающие в связи с пожертвованиями имущества посредством инвестиционных платформ (краудфандинг, основанный на безвозмездной передаче/пожертвовании).

Рассматривая все аспекты развития инвестиционных отношений, желательно было бы прописать в законе не отраженные позиции, в частности, что под регулирование не подпадает краудфандинг, основанный на вознаграждении (reward crowdfunding), а также определить регулирование краудфандинга, основанного на совместном использовании прибыли.

В российском законопроекте предлагается регулировать исключительно краудлендинг, где со стороны инвестора выступают юридическое лицо/ индивидуальный предприниматель или физическое лицо, а со стороны заемщика выступает исключительно юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, то есть ограничивается круг регулируемых операций, и из-под регулирования выводятся отношения, где заемщиком выступает физическое лицо.

Это противоречит направлению развития краудлендинга в экономиках развитых стран. Краудлендинговое заимствование может преследовать и потребительские цели.

С одной стороны, это позволяет зарождающемуся рынку проявить себя и выстроить бизнес в условиях, когда регулятор максимально не ужесточил правила, как в случае с рынком микрокредитования, а, с другой стороны, это может породить дополнительные сложности впоследствии, когда отноше-

² Проект Федерального закона № 419090-7 «Об альтернативных способах привлечения инвестиций (краудфандинге)».

ния будут выстроены, а законодатель сочтет необходимым внедрить регулирование, например, ввести необходимость проведения операций между инвестором и заемщиком исключительно через номинальные счета, открываемые в обслуживающем банке. Это может привести к тому, что уже работающим оператором придётся перестраиваться на новые «рельсы», а это может привести к значительному сокращению рынка из-за смены выстроенной модели.

В Великобритании в 2014 году ввели требование получения операторами (онлайн площадками) специальных лицензий. Если российская экономика и законодательство последуют примеру зарубежного регулирования, то следует крайне «мягко» вводить новые правила, иначе это может привести к серьёзным сокращениям операторов на рынке, как в случае с микрофинансовыми организациями.

Следует отметить, что в России выработалось двойное отношение к нежеланию законодателя регулировать отношения краудлендинга, где заемщиком и инвестором выступают физические лица.

С одной стороны, у регулятора четкий посыл – не вмешиваться в рынок взаимного кредитования между физическими лицами, рынок несёт под собой много рисков, а, следовательно, все принятые сторонами риски – их личная ответственность. При этом стороны являются равноправными партнёрами, в отличие от ситуации, где заемщиками выступают юридические лица. Помимо этого вмешательство и установление определенных ограничений на рынке, где на данный момент работает незначительное количество компаний, требует дополнительной законодательной проработки, а это, в свою очередь, подразумевает дополнительные трудозатраты на тестирование и разработку правовых положений.

С другой стороны, неприменимость положений законопроекта к данным отношениям означает, что операторы площадок по взаимному кредитованию между физическими лицами не могут быть включены, пусть и в добровольном порядке, в специальный реестр Банка России с введением минимальных требований к операторам. Следовательно, они не смогут в своем наименовании использовать термин «крауд», что является дополнительным подтверждением благонадежности оператора в глазах потенциальных инвесторов и заемщиков.

Также для подтверждения благонадежности площадок взаимного кредитования необходимо ввести требование по маркировке интернет-сайтов организаций, представляющих системы взаимного кредитования, поскольку существует большой риск фишинга (вида интернет мошенничества, при котором мошенники отправляют пользователям системы электронное письмо, которое содержит ссылку на фальшивый веб-сайт, но очень похожий на реальный сайт легальной финансовой организации, и пытаются получить финансовую или другую конфиденциальную информацию от пользователей) [6]. При введении такого необходимого требования по маркировке сайты операторов взаимного кредитования между физическими лицами не будут выделены, а следовательно, возникнет дополнительный риск для пользователей и для самих операторов. В отчете крупнейшей в мире организации по борьбе с мошенничеством – «Ассоциации сертифицированных экспертов по борьбе с мошенничеством» (ACFE) – было отмечено, что из-за мошеннической деятельности представительные организации каждый год несут потери в размере 5% [7].

Кроме того, возникает вопрос о статусе операторов и, соответственно, о возможности вносить ими сведения в бюро кредитных историй (БКИ), а также получать информацию из бюро.

Российское законодательство на данный момент не предусматривает возможности внесения сведений в бюро кредитных историй (БКИ) операторами, связывающими инвесторов (займодавцев) физических лиц и заемщиков физических/ юридических лиц/ индивидуальных предпринимателей, поскольку БКИ не может принимать информацию от оператора в том случае, если займодавец – физическое лицо (п. 4 ст. 3 Федерального закона «О кредитных историях» от 30.12.2004 N 218-ФЗ, далее ФЗ о кредитных историях), в связи с чем необходимо пересмотреть и доработать в соответствии с новыми реалиями и рассматриваемым законопроектом действующее законодательство, в частности, закон о кредитных историях³.

В качестве одного из решений возникшей проблемы относительно того, что операторы не могут получать информацию из бюро, следует рассматривать вариант проведения скоринга (проверки) заемщика на стороне бюро кредитных историй без передачи данных о заемщике оператору посредством

³ Федеральный закон «О кредитных историях» от 30.12.2004 № 218-ФЗ.

выставления определенного балла заёмщику, который будет определять его рейтинг и, соответственно, условия сотрудничества с оператором.

Однако данная система не учитывает того, что, во-первых, скоринговые системы каждого оператора уникальны, по сути, они и составляют основную причину конкуренции. Кроме этого, операторам необходимо получать информацию непосредственно из кредитной истории, ведь многие скоринговые модели увязываются с определенной информацией по заёмщикам, а не с выставляемым бюро баллом. Кроме того, в случае выставления баллов необходимо, чтобы бюро брало на себя ответственность за выносимые ими решения. В противном случае возможные скоринговые ошибки, допущенные операторами фактически по вине бюро, юридически будет очень сложно доказывать.

Внесение в БКИ записи операторами взаимного кредитования между физическими лицами остается под ещё большим вопросом, однако возможность внесения записи является мощнейшим стимулом для заёмщика вернуть денежные средства инвестору по договору займа, а также предостережением других порядочных инвесторов о недобросовестности такого заёмщика.

Предлагается два варианта развития краудлендинговых отношений, где заёмщиками и инвесторами выступают физические лица. Первый вариант – заёмщик (реципиент) берёт деньги у инвестора (донора) на развитие проекта. В этом случае заёмщик берёт деньги под развитие своего малого бизнеса на свой страх и риск, возможно, впервые. В данной ситуации в случае невозврата донору взятой суммы внесение записи в БКИ о таком реципиенте крайне негативно скажется на его последующих попытках ведения предпринимательской деятельности. Такая строчка в его кредитной истории не будет способствовать развитию малого бизнеса через краудлендинговые площадки.

Второй вариант – по сути те же потребительские кредиты, взятые заёмщиками у

инвесторов на собственные нужды, которые возникают в рамках обычной жизнедеятельности. В данном случае невнесение записи в БКИ о таких заёмщиках будет порождать массовые невозвраты и приведёт к отмиранию зарождающегося сегмента рынка. Во втором случае в обязательном порядке необходимо подключать положения ФЗ о кредитных историях⁴.

Результаты исследования

Таким образом, рассматривая юридические аспекты взаимного кредитования между физическими лицами, предлагается принятие следующих возможных мер.

1. Включение определения понятия взаимного кредитования между физическими лицами.

2. Предоставление операторам доступа к БКИ с возможностью внесения и получения записей, а также доработка существующих законодательных положений в указанных целях.

3. Ведение в ЦБ РФ отдельного реестра с минимальными требованиями для добросовестных операторов в сфере взаимного кредитования, работающих с заёмщиками и инвесторами физическими лицами.

4. Предоставление операторам взаимного кредитования между физическими лицами возможности открытия номинальных счетов, а именно: внесение в законопроект оговорки об этом, либо издание указания Банка России банкам, обязывающее их открывать номинальные счета таким операторам.

Заключение

Анализ существующего российского законодательства позволил выявить ряд пробелов в регулировании отношений в сфере взаимного кредитования. В этой связи предлагается принятие возможных мер, которые позволят повысить эффективность взаимного кредитования (краудлендинга) как альтернативного способа привлечения инвестиций.

Литература:

1. Бычков А. P2P-кредитование // Газета «эж-ЮРИСТ». 2016. № 28.
2. Кузнецов В.А. Краудфандинг: актуальные вопросы регулирования // Деньги и кредит. 2017. № 1.
3. Boitan A. Crowdlending and Financial Inclusion Evidence from EU Countries // Economic Alternatives. 2016. Issue 4.

⁴ Федеральный закон «О кредитных историях» от 30.12.2004 № 218-ФЗ.

4. Delivorias A. Crowdfunding in Europe - Introduction and State of Play // European Parliamentary Research Service. 2017.
5. Gabison G. Understanding Crowdfunding and its Regulations. Joint Research Center Science and policy report. Luxembourg: Publications Office of the European Union. 2015.
6. McMahon R., Bressler L., Bressler M.S. New global cybercrime calls for high-tech cyber-cops // Journal of Legal Ethical and Regulatory Issues. 2016. No. 19(1).
7. McMahon R., Pence D., Bressler L., Bressler M.S. New tactics in fighting financial crimes: moving beyond the fraud triangle // Journal of Legal Ethical and Regulatory Issues. 2016. No 19(1).
8. Rohrmann C.A., Cunha, J.F.S.R. Some legal aspects of cloud computing contracts. Journal of International Commercial Law and Technology. 2015. No. 10(1).

PROPOSALS ON IMPROVING RUSSIAN LEGISLATION IN THE FIELD OF MUTUAL LENDING (CROWDLENDING)

Introduction. The article defines and classifies crowdfunding (collective financing), defines the relationship between such notions as crowdfunding and crowdlending (mutual lending). It considers the issues of mutual lending between individuals, the legal aspects of mutual lending between individuals. The Russian Law № 419090-7 "On alternative ways of attracting investment (crowdfunding) " is analyzed.

The paper offers proposals to improve legislation in order to develop crowdlending relations where borrowers and investors are individuals as well as different possible measures to enhance the effectiveness of mutual crediting.

Materials and methods. The methodological basis of the research consists of the following methods: general scientific methods, such as analysis and synthesis, induction and deduction as a whole, analogy, and special scientific methods, such as a method of comparative law and a method of complex research.

Findings. As a result of the research, several of the most common crowdfunding classifications are considered. It has been revealed that crowdfunding is a more general concept, crowdlending is one of the forms of crowdfunding. It is proposed that specific measures should be taken to improve the legislation of the Russian Federation in the field of mutual lend-

ing (crowdlending), such as:

1. to include the definition of the concept of mutual lending between individuals in the crowdfunding bill;
2. to provide operators with access to the credit history bureaus and enable them to make and receive records; to improve existing legislation for these purposes;
3. to keep in the Central Bank of the Russian Federation a separate registry with minimum requirements for bona fide operators working in the sphere of mutual lending with individual borrowers and investors;
4. to enable operators working in the sphere of mutual lending with individual borrowers and investors to open nominal accounts, that is to add a clause to the draft law or issue instructions from the Bank of Russia to banks obliging them to open nominal accounts with such operators.

Conclusions. The adoption of proposed measures will make it possible to increase effectiveness of mutual lending (crowdlending) as an alternative way of attracting investments.

Anastasia V. Uvarova,
Postgraduate Student, Department of
International Private and Civil Law, MGIMO-
University under the MFA of Russia

Ключевые слова:

взаимное кредитование, краудлендинг,
краудфандинг, заёмщик, инвестор,
физическое лицо, юридическое лицо,
оператор

Keywords:

mutual lending, crowdlending, crowdfunding,
borrower, investor, individual/private entity,
legal entity, operator

References:

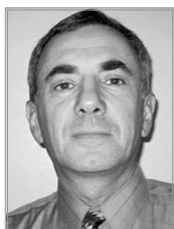
1. Bichkov A., 2016. P2P-kreditovaniye [P2P-lending]. *Gazeta "ezh-Urist" [Newspaper "ezh-Lawyer"]*. № 28.
2. Kuznetsov V.A., 2017. Kraudfunding: aktualniye voprosi regulirovaniya [Crowdfunding: current regulatory issues]. *Dengi i credit [Money and credit]*. № 1.

3. Boitan, A., 2016. Crowdlending and Financial Inclusion Evidence from EU Countries. *Economic Alternatives*. Issue 4.
4. Delivorias, A., 2017. Crowdfunding in Europe - Introduction and State of Play. *European Parliamentary Research Service*.
5. Gabison, G., 2015. Understanding Crowdfunding and its Regulations. Joint Research Center Science and policy report. Luxembourg: Publications Office of the European Union.
6. McMahon, R., Bressler, L., Bressler, M.S., 2016. New global cybercrime calls for high-tech cyber-cops. *Journal of Legal Ethical and Regulatory Issues*. No. 19(1).
7. McMahon, R., Pence, D., Bressler, L., Bressler, M.S., 2016. New tactics in fighting financial crimes: moving beyond the fraud triangle. *Journal of Legal Ethical and Regulatory Issues*. No 19(1).
8. Rohrmann, C.A., Cunha, J.F.S.R., 2015. Some legal aspects of cloud computing contracts. *Journal of International Commercial Law and Technology* 10(1).

ВЕКТОР УЧАСТИЯ ГОСУДАРСТВА В ИННОВАЦИОННОМ ПРОЦЕССЕ: ФЕДЕРАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Юрий Левин*
Александр Павлов**

DOI 10.24833/2073-8420-2018-4-49-45-51

Введение. В статье дается авторская концепция государства как регулятора инновационного процесса. Переход к непрерывному инновационному процессу является особенностью современного периода научно-технологического развития мировой экономики. Однако централизованным регулятивным образом, используя только средства прямого финансирования без формирования инновационной инфраструктуры в регионах, невозможно приблизиться к научно-технологическому уровню, развитых стран.

Материалы и методы. Используются данные Росстат и аналитические материалы АНО АПИ. Методологической основой являются присущие институционально-эволюционному направлению методы анализа, конвергенции и холистические научные методы и подходы.

Результаты исследования. В результате проведенного анализа обозначено концептуальное видение роли государства как регулятора, необходимого для достижения целей научно-технологического развития в контексте коммерциализации инновационного процесса. Предлагаемое сокращение функций государства не противоречит концепции активной позиции государства при формировании институциональной и инфраструктурной среды. Авторами обосновывается, что учитывать формирование институциональной и инфраструктурной среды необходимо на стадии построения прогнозов и разработки стратегии развития региона. Это положение следует из основных направлений экономической политики по улучшению инвестиционного климата в научно-технологической сфере Дальневосточного федерального округа и опыта стран Азиатско-Тихоокеанского региона, частью которого является Российский Дальний Восток. Предложена схема иерархии структур инновационного развития: федеральные органы исполнительной власти - институциональный уровень, представленный институтом, координирующим инвестиционное развитие и финансовым инструментом развития - административные службы субъ-

* **Левин Юрий Анатольевич**, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры регионального управления и национальной политики МГИМО МИД России, Россия
e-mail: levin25@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-9568-7866

** **Павлов Александр Олегович**, директор департамента управления проектами Агентства Дальнего Востока по привлечению инвестиций и поддержке экспорта, Россия
e-mail: aleksanderpaw@gmail.com
ORCID ID: 0000-0003-0929-4992

екта Федерации, - общественные институты. В совокупности перечисленные структуры складываются в организационный механизм разработки и реализации стратегии развития национальной инновационной системы. Формирование институтов инвестирования дополняет иерархию структур инновационного развития. Региональные институты, создаваемые с целью содействия улучшению инвестиционного климата, одновременно должны представлять собой институты инновационного развития, встроенные в иерархию уровней политики регулятора.

Обсуждение и заключение. Обсуждается оценка возможности и условий совмещения и распределения федеральной и региональной властью функций по организации условий внедрения бизнеса в научно-технологической сфере и по координации преодоления региональных и отраслевых барьеров. Авторы обосновывают принципы новой технико-экономической парадигмы инновационного развития: сокращение функций государства, изменение характера общественных институтов, изменение финансовой архитектуры, обновление и мобильность производственных факторов, виртуализация социума.

Проблемы научно-технологического развития России неразрешимы без значительной вовлеченности государственных структур в регулирование непрерывного инновационного процесса. На практике этот подход требует нового видения места регулятора в инвестиционной политике.

На современном этапе развития экономики России активная позиция государства прослеживается в рекомендациях сторонников всех теоретических школ и течений. Активность государства в лице правительства, как например, рекомендует коллектив авторов Центра стратегических разработок (ЦСР), должна выражаться в модернизации традиционных секторов, в первую очередь ТЭК, АПК, металлургии путем внедрения инноваций [3].

Вместе с тем активность государства должна способствовать формированию специфической среды, делающей развитие общества более динамичным, а круг заинтересованных сторон более широким. В связи с этим отметим необходимость сосредоточения усилий правительства на создании институциональной среды инвестиций [1]. Добавим свою точку зрения о необходимости общественного присутствия в процессах финансирования инвестиций на национальном и на региональном уровнях через различные общественные организации, наблюдательные советы, студенческие научные сообщества и предпринимательские общества. Отсутствие такой институциональной инфраструктуры сегодня отрывает проблематику инновационного развития

от общественности, делая ее параллельным процессом в понимании широких масс населения и является, как показывают различные региональные исследования, одной из существенных причин слабой инновационной активности в стране в целом. Без развития этих сред, используя только средства прямого финансирования, Россия с большой долей вероятности не сможет приблизиться к уровню развития инноваций, которого достигли развитые страны. Результат финансовых усилий в этой ситуации будет незначительным, поэтому в ходе построения прогнозов и формирования стратегии развития инноваций в стране следует учитывать развитие институциональной и инфраструктурной среды.

Экономический рост в России начала нулевых не был использован для изменения траектории развития, хотя регулятор пытался ее изменить. Можно констатировать отсутствие качественных перемен при необходимом для этого финансовом потенциале нулевых годов, сформировавшимся за счет энергетической ренты. В нулевые и в десятые годы часть энергетической ренты, полученной Россией, вывозилась из страны для финансирования инновационных технологий в развитых странах, вместо направления ее в поддержку малого и среднего отечественного инновационного бизнеса.

Вместе с тем уровень инвестиций с начала 2000г. активно восстанавливался после спада 90-х годов, причем анализ структуры источников финансирования бизнеса показал, что доля государственных средств всех

уровней составляла не менее 40%¹. Для сравнения - доля банковского капитала составила лишь 20%. Соотношение этих источников и в настоящее время складывается не в пользу банковского капитала, остающегося при низкой рентабельности машиностроения и приборостроения на уровне 6-7%, т.е. непреодолимо дорогим.

Дороговизна капитала является ключевой проблемой привлечения инвестиций в России в целом и отдельных регионах в частности. Так, например, в Дальневосточном регионе дороговизна капитала существенно ухудшает положение обрабатывающих отраслей промышленности на фоне конкурентов из Азиатско-Тихоокеанского региона. Среди конкурентов в регионе Россия отличается самой высокой стоимостью заимствования капитала. В 2018 г. при характерной для Дальнего Востока ставке в 11,7%, страны-конкуренты предлагали: Китай - 4,4%, Япония - 1%. Обозначенная проблема является не только лишь российской. В странах БРИКС процентные ставки заметно выше ставок в развитых странах и тем более у экономических лидеров. Такая ситуация закономерна. Однако Россия в плане дороговизны заемного капитала превосходит большинство развивающихся стран, в том числе Китай, Индию, Бразилию и др.

Объяснить всю тщетность попыток централизованным регулятивным образом преодоления низкой инвестиционной активности позволяют работы структуралистов и сторонников теорий циклического развития, в т.ч. доклад ВШЭ [6]. По их мнению, основные направления государственной промышленной политики нулевых годов, предусматривающие массивные инвестиции в «реликтовые» технологии четвертого технологического уклада не могли обеспечить конкурентоспособность российской экономики. Поэтому экономический застой на фоне растущей нефтегазовой ренты был закономерен и объективно обусловлен провалом технологической гонки. В мировой экономике в этот период происходил перенос отживающих свой век технологий в страны третьего мира и организация производства в этих странах. Одновременно в развитых странах увеличивается спрос на высокотехнологичные товары - пионеры нового времени.

Россия в течение последних десятилетий утратила возможность экспортировать продукцию обрабатывающих отраслей. Говорить о конкурентоспособности российской продукции не приходится, поскольку производимые в России и, например, в Германии, товары существенно различаются и производятся с использованием разных технических возможностей. Технологические инвестиции наиболее активно используются в Германии, и крайне мало - в России. Более того, в России они зачастую носят спекулятивный характер, а процесс инвестиций в инновационной сфере развивается правительством страны и администрациями регионов фактически на ручном управлении, когда необходимо «опекать» каждый проект, каждого инвестора. Для избегания ручного управления необходимо решение вопроса относительно возможности совмещения функций по организации условий внедрения бизнеса в научно-технологической сфере и координирующей функции государства в преодолении барьеров его развития. Координирование обеспечения первичной инфраструктуры может стать фактором сокращения издержек новых компаний в научно-технологической сфере (так называемых «стартапов»), созданием выгодных условий ведения бизнеса, привлечения инвесторов, несущих с собственным развитием технологии и инжиниринг.

В зарубежных странах так же, как и в России, существуют специальные институты развития². Их деятельность направлена на улучшение инвестиционного климата в стране в целом или отдельном регионе, они выступают в том числе и как институты инновационного развития.

Кроме того, во многих странах существует система налоговых льгот для высокотехнологичных компаний, занимающихся производством продукции с использованием передовых технологий в области информационных технологий, медицинского оборудования, фармакологической продукции, полимеров и др., в соответствии с которыми они могут рассчитывать на полное освобождение от уплаты подоходного налога и/или возврата части понесенных расходов в виде перерасчета налоговой ставки.

Сравнивая в качестве примера соответствующую фискальную политику правительств в Азиатско-Тихоокеанском регионе,

¹ Россия в цифрах. 2017: Крат. Стат. Сб./Росстат - М., 2017 - 511 с.

² Например, в России действуют Институты развития Дальнего Востока, среди которых Агентство по привлечению инвестиций (АНО АПИ).

частью которого является Российский Дальний Восток, а также в Индии, можно заметить, что уровень фискальной нагрузки на бизнес, например, в Китае составляет 61%, в Индии - 56%, Вьетнаме - 31% и т.д. Россия сегодня предоставляет налоговую нагрузку в Дальневосточном федеральном округе на относительно низком уровне 16,76% [5].

Однако низкий уровень фискальной нагрузки сам по себе не является определяющим фактором инвестиционной привлекательности. Для повышения эффективности инвестиционного процесса необходима его системность [1]. Системность инвестиционного процесса обеспечивается определенным сочетанием мер бюджетно-налоговой и денежно-кредитной политики с учетом параметров страны и позиционирования ее в глобальной системе специализации, а также с учетом фазы цикла национальной экономики, формальных мер законодательного регулирования процессов общественного развития и других факторов, выражающих технико-экономическую парадигму инновационного развития. Следовательно, системный процесс формирования привлекательной для инвестора среды требует большего участия правительственных структур, в том числе и косвенными методами как координатора, т.е. субъекта, способного обеспечить базу для максимально комфортной миграции капитала в страну.

Формирование институтов инвестирования в обозначенном понимании является продолжением институтов гражданского общества, в развитии которых сегодня нуждается страна. В целом они дополняют иерархию структур инновационного развития, начиная с Правительства РФ, далее, переходя на институциональный уровень: институт, координирующий инвестиционное развитие и финансовый инструмент развития; а на региональном уровне - соответствующие административные службы субъекта Федерации, и наконец, более подвижная среда - в виде общественных институтов. В совокупности перечисленные структуры складываются в организационный механизм разработки и реализации стратегии развития национальной инновационной системы [5].

При этом важным вопросом является иерархия уровней политики государства. Проведенный авторами анализ показал, что его результаты могут быть обобщены в следующей схеме уровней политики регулятора.

- 1) Системная политика:
 - 1) фискальное регулирование;
 - 2) структурная политика.

- II. Координирующая политика:
 - 1) денежно-кредитная политика;
 - 2) таможенная политика;
 - 3) институциональная политика.

В теории циклического развития имеется определенный взгляд на потенциал государственного участия в процессе смены технологического уклада, на пороге которого стоят сейчас все развитые страны. Однако, как справедливо подчеркивают авторы доклада ВШЭ, успех той или иной модели «технологического прыжка» каждый раз уникален, будь то советский вариант 30-х годов XX-го века или инновации в Японии 50-60-х, вариант Южной Кореи или Китая [6]. Сегодня в «инновационной гонке» активно участвуют страны Юго-Восточной Азии, привлекая инвесторов, как выше отмечалось, максимально комфортной средой бизнеса, свободой сделок, минимальным вмешательством и одновременно активной позицией государства.

При реализации потребности технологического прорыва активная позиция федерального правительства необходима, поскольку интенсивность НИОКР становится ключевым фактором конкурентоспособности страны. Поэтому не менее важным шагом в поддержке научно-технологического развития со стороны государства должны стать меры по обеспечению непрерывности инновационного процесса на всех стадиях создания инновационных бизнес-структур, их развития, предоставления технологических и организационных сервисов, однако важным представляется соблюдение баланса распределения сил федеральной и региональной власти при его осуществлении. Региональная политика вкупе с бюджетно-налоговой политикой государства способна создать атмосферу прогрессивного роста и предпринимательской инициативы, нуждающейся в координирующем участии со стороны власти. Необходимость более четкой региональной политики, активного взаимодействия региональных администраций со специализированными федеральными органами, обусловливается зачастую радикальными отличиями территорий страны, влияющими на проводимую инновационную политику [4].

В свете изложенного, авторам видится такой вектор участия государства в научно-технологическом развитии экономики, при котором возможно совмещение функций создания оптимальных условий для инновационных бизнес-структур и, одновременно, координирующей функции в преодолении барьеров их внедрения и становления.

В итоге, с одной стороны, создается атмосфера, благоволящая инвестору, с другой - правительственные структуры оказывают помощь в развитии путем отмеченного выше действенного соучастия.

Реализовать более концентрированное участие государства в научно-технологическом развитии представляется невозможным, более того весьма нежелательным, особенно с учетом неопределенности сроков внедрения перспективных технологий. Попытки серьезного вмешательства, а равно централизованное бюджетное финансирование экономического развития, могут повлечь растрату финансового потенциала. В современных условиях, где все большую роль играют крупные корпорации и общественные организации, рост государственного участия в экономике становится тормозом развития, сужает рамки инновационности и инвестиционной привлекательности. Поэтому первым из основных принципов новой технико-экономической парадигмы

является сокращение функций государства в контексте дальнейшей коммерциализации инновационного развития. К другим ее принципам относятся: изменение характера общественных институтов; изменение финансовой архитектуры; обновление и мобильность производственных факторов; изменение формы общества через индивидуализацию – виртуализацию социума.

Сужение функций государства не противоречит концепции активной позиции государства, которая необходима при реализации потребности «технологического прыжка» [6]. Однако безусловно важным при его осуществлении представляется соблюдение баланса распределения сил федерального и регионального уровней власти и перевод инициативы государства на системный уровень создания условий для развития инновационного бизнеса, что предполагает в первую очередь повышение роли неадминистративных методов регулирования.

Литература:

1. Дежинов Д.В., Ларионов А.Н. Методика оценки инвестиционной привлекательности проекта // Известия ВГТУ. 2006. № 5 (22).
2. Барабаш Н.С., Бочковский П.П., Шамсутдинов Ю.А. Влияние институциональной и инфраструктурной сред на развитие инноваций в современном мире // Проблемы прогнозирования. № 3. 2018.
3. Идрисов Г.И., Княгинин В.Н., Кудрин А.Л., Рожкова Е.С. Новая технологическая революция: вызовы и возможности для России // Вопросы экономики. 2018. № 4.
4. Левин Ю.А., Павлов А.О. Переформатирование государственного управления в контексте проблем научно-технологического развития России / Сборник докладов Международной научно-практической конференции «Современные проблемы России: вызовы и возможности» // Новгородский государственный университет. Великий Новгород. 2018.
5. Павлов А.О. Организационный механизм разработки и реализации стратегии развития национальной инновационной системы Дальнего Востока / Сборник докладов IV-й Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы государственного и муниципального управления» // Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации. М., 2018.
6. Структурная политика в России: новые условия и возможная повестка / Доклад НИУ ВШЭ // Вопросы экономики. № 6. 2018.

THE VECTOR OF STATE GOVERNMENT PARTICIPATION IN THE INNOVATION PROCESS: FEDERAL AND REGIONAL ASPECTS

Introduction. The article presents the authors' concept of state government as a regulator of the innovation process. The transition to an ongoing innovation process is an important feature of the modern period of scientific and technological development of the world economy. However it is impossible to approach the scientific and technological level required

for developed countries in a centralized regulatory manner using only direct financing without the formation of innovative infrastructure.

Materials and methods. The authors used the data of the Russian Statistic Bulletin and the analytical materials the Far East Investment and Exports Support Agency. The methodological basis includes

the convergence and holistic scientific methods and approaches inherent in the institutional-evolutionary direction.

Research result. As a result of the analysis, a new vision of the state government role as a regulator which is necessary to achieve the goals of scientific and technological development in the context of commercialization of the innovation process is outlined. Reducing the public functions does not contradict the concept of the active position of the state government in the formation of the institutional and infrastructure environment. The authors substantiate that it is necessary at the stage of forecasting and formation of the regional strategy. This point follows from the main directions of the economic policy on improving the investment climate in the scientific and technological sphere of the Far Eastern Federal District and the experience of the countries of the Asia-Pacific region, which the Russian Far East belongs to. The hierarchy of structures of innovative development is offered: The Federal Executive authorities - the institutional level represented by the Institute coordinating investment development and the financial instrument of development - administrative services of the entity of the Russian Federation - public institutions. Together these structures form an organizational mechanism for the development and implementation of the national innovation system development strategy. The formation of

investment institutions complements the hierarchy of innovation development structures. Regional institutions created to promote the improvement of the investment climate should at the same time be innovation development institutions built into the hierarchy of policy levels of the regulator.

Discussion and conclusion. The article discusses the evaluation of possibilities and conditions for combining and distribution by the Federal and Regional Authorities of functions to organize business engagement in the scientific-technological sphere and to overcome the regional and sectoral barriers. The authors substantiate the principles of a new technical and economic paradigm of innovative development: reducing the public functions, changing the nature of public institutions, changing the financial architecture, updating and mobility of production factors, virtualization of society.

Yuri A. Levin,
Doctor of Economic Science, Professor with
the Department of Regional Governance and
National Policy, MGIMO-University under the
MFA of Russia

Alexander O. Pavlov,
Director of the Project Management Department,
Far East Investment and Exports Support Agency

Ключевые слова:

институциональные изменения, регулятор, функции государства, инвестиционный климат, инновационное развитие, технико-экономическая парадигма

Keywords:

Institutional changes, the regulator, functions of the state government, investment climate, innovation development, techno-economic paradigm

References:

1. Dezhinov D.V., Larionov A.N., 2006. Metodika ocenki investicionnoi privlekatel'nosti proekta [Methodology for assessing the investment attractiveness of the optimality project]. *Izvestiya VGTU [Proceedings of VGTU]*. No. 5 (22).
2. Barabash N.S., Bochkovskii P.P., Shamsutdinov Yu.A., 2018. Vliyanie institucional'noi i infrastruktural'noi sred na razvitiye innovatsii v sovremennom mire [Influence of institutional and infrastructural environment on the development of innovations in the modern world]. *Problemy prognozirovaniya [Problems of forecasting]*. No. 3.
3. Idrisov G.I., Knyaginina V.N., Kudrin A.L., Rozhkova E.S., 2018. Novaya tehnologicheskaya revolyuciya: vyzovy i vozmozhnosti dlya Rossii [New technological revolution: challenges and opportunities for Russia]. *Voprosy ekonomiki [Economic issues]*. No. 4.
4. Levin Yu.A., Pavlov A.O., 2018. Pereformatirovaniye gosudarstvennogo upravleniya v kontekste problem nauchno-tehnologicheskogo razvitiya Rossii [Reformatting of public administration in the context of problems of scientific and technological growth of Russia]. *Sbornik dokladov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Sovremennye problemy Rossii: vyzovy i vozmozhnosti»*. [Collection of articles of the International scientific-practical conference «Modern problems of Russia: challenges and opportunities»]. Novgorodskii gosudarstvennyi universitet [Novgorod State University], Novgorod-the-Great.
5. Pavlov A.O., 2018. Organizatsionnyi mekhanizm razrabotki i realizatsii strategii razvitiya nacional'noi innovatsionnoi sistemy Dal'nego Vostoka [Organizational mechanism of creation and implementation of the development strategy of the national innovation system of the Far East]. *Sbornik dokladov IV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Aktual'nye problemy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya» Finansovyi universitet pri*

Pravitel'stve Rossiiskoi Federacii [Collection of articles of the IV International scientific-practical conference «Actual problems of public administration». Financial University under the Government of the Russian Federation]. Moscow.

6. Strukturnaya politika v Rossii: novye usloviya i vozmozhnaya povestka, 2018 [Structural policy in Russia: new conditions and possible agenda]. Doklad NIU VShE [HSE Report]. *Voprosy ekonomiki [Economic issues]*. No. 6.

МЕТОДИКА ИНТЕГРАЛЬНОЙ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ В РЕГИОНЕ

Михаил Соломонов*
Степан Турантаев**
Раиса Шпакова***

DOI 10.24833/2073-8420-2018-4-49-52-60

Введение. В статье представлены теоретическое обоснование, методика и инструментарий оценки качества жизни для целей системного анализа социально-экономического развития регионов. Разработанная система оценки и инструментарий исследования являются готовым методическим решением для анализа и принятия управленческих решений муниципальными и региональными властями для планирования социально-экономического развития.

В статье приведен пример использования методики применительно к Республике Саха (Якутия).

Статья подготовлена в рамках выполнения проекта по государственному заданию Министерства образования и науки Российской Федерации «Обоснование приоритетных направлений и механизмов обеспечения комфортного проживания на северо-востоке России» [16].

Материалы и методы. Исходными данными являются сведения стандартных ежегодных статистических наблюдений, характеризующие различные аспекты качества жизни населения. Метод состоит в последовательном решении следующих задач:

- подбор статистических показателей, характеризующих качество жизни, исходя из заданной пространственно-временной локализации – выбранного региона, временного интервала – и их группировка по категориям;
- расчет нормированных синтетических показателей в пределах каждой категории по различным элементам пространственно-временной локализации (по районам, экономическим зонам, по годам или иным периодам);
- вычисление интегральных индексов по районам и годам, а также агрегированных (средних) индексов по группам показателей;
- представление результатов в графическом виде для упрощения интерпретации.

* **Соломонов Михаил Прокопьевич**, кандидат экономических наук, доцент, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, Россия
e-mail: slmnvm@mail.ru
ORCID ID: 0000-0003-1838-6303

** **Турантаев Степан Гурьевич**, кандидат экономических наук, Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, Россия
e-mail: suruktsg@gmail.com
ORCID ID: 0000-0003-0292-7099

*** **Шпакова Раиса Николаевна**, кандидат географических наук, доцент кафедры регионального управления и национальной политики МГИМО МИД России, Россия
e-mail: production2003@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-9916-0113

Обобщение значительного массива показателей, отражающих самые разнообразные аспекты качества жизни, позволяет в динамике максимально приблизиться к его объективной оценке.

Результаты исследования. Получены оценки качества жизни населения районов и экономических зон Республики Саха (Якутия) как общие, так и по отдельным категориям. Значимость работы заключается в применении его для выравнивания социально-экономического развития муниципальных районов и регионов, в выявлении проблем в их социально-экономическом развитии.

Обсуждение и заключение. Достоинствами метода являются использование стандартных статистических параметров, относительная простота получения результатов и их интерпретации, а также возможность корректировки в зависимости от целей анализа. На основе результатов данного исследования могут быть выбраны направления социально-экономического развития на среднесрочную и долгосрочную перспективу. При этом не исключается их дальнейшее совершенствование.

Введение

Выравнивание уровня жизни населения на территории страны является одной из первоочередных задач органов власти. Воспроизводство человека, удовлетворение его повседневных физических, культурных, духовных потребностей зависит от обеспечения качества жизни в поселениях, которое включает в себя развитие различных систем жизнеобеспечения домохозяйств: жилье, окружающая среда, состояние экономики, социальная защищенность.

Приведенная в данной работе методика интегральной оценки уровня жизни населения позволит создать условия для выравнивания качества жизни регионов независимо от географического положения или степени социально-экономического развития и, в целом, его повышения до уровня, соответствующего современным физиологическим и духовным потребностям.

В качестве примера применения методики в статье проведена сравнительная оценка качества жизни по районам Республики Саха (Якутия).

Исследование

Проблема качества проживания населения в мире зарубежными и отечественными исследователями рассматривается довольно подробно, комплексно. Научные исследования по данной теме несложно сгруппировать на два условных направления: 1. С позиций безопасности окружающей среды и социально-психологического комфорта работы: И.Л. Абалкиной [1], Е.Е. Задесенец [6], П.Г. Олдака [11], И.И. Поисеева [12];

2. С позиций социально-экономического состояния работы: Е.Г. Егорова [4], И.А. Медведева [9], Т.И. Заславской [5], М.П. Соломонова [16], Н.Н. Тихонова [17], С.Г. Турантаева [18]. Характеристика понятийного аппарата категории «качество жизни» обзorno представлена в работе [19].

Чрезвычайно интересные методы анализа качества жизни дают нетрадиционные, отличные от экономического «мейнстрима», основанные на неоклассических теориях работы нобелевских лауреатов G.S. Becker [23; 24] и J. K. Galbraith [27].

В работе (Akhmetshin et al., 2018) [20] принята попытка рассмотрения зависимости качества жизни населения от развития человеческого капитала в контексте формирования региональных программ. С точки зрения социально-экономических условий проживания населения в регионах Арктики на территории России сделана оценка качества жизни в работах (Loginov, V. G., et al., 2018) [22], (Novoselov, A., et al., 2017) [25].

При работе над исследованием авторы изучили и использовали опыт оценки качества жизни населения в таком регионе России, как Республика Татарстан (Sharafutdinov R.I. et al., 2017) [21]. Также использовали ранее разработанный методический подход к оценке степени комфортности проживания населения северных районов с помощью интегративного показателя и апробированного на примере территории Уральского Севера (Kuznetsov, S. V. et al., 2017) [26].

Как отмечает В.Н. Бобков, в официальных нормативных источниках приводится несколько определений понятия «качество жизни». Одно из наиболее известных разра-

ботано Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ): «восприятие людьми своего положения в жизни в зависимости от культурных особенностей и системы ценностей и в связи с их целями, ожиданиями, стандартами и заботами» [2]. Всероссийский центр уровня жизни предложил определить качество жизни как «разнообразие способностей и удовлетворенных потребностей личности, социальных групп и общества в целом, предопределяющее их развитость и благосостояние» [2, 16].

Рассматривая качество жизни как систему, к ее элементам можно отнести товары (материалы), услуги, социальные, духовные потребности, безопасность и другие параметры.

Значение природного фактора, как имеющего особую значимость в системах жизнедеятельности северных регионов, выделено в исследованиях по устойчивому развитию северных поселений Е. Г. Егорова [4] и И. И. Поисеева [12].

Ряд региональных исследований посвящен определению условий окружающей среды в целях кадастровой оценки земли применительно к городским и рекреационным территориям, жилищным и производственным условиям; при этом учитываются, как правило, отдельные факторы или параметры среды [7; 13; 14].

Такие исследователи, как Ф. Н. Мильков [10], Е. Л. Райх [14], Ю. П. Хрусталева [18] и другие применяют термин «комфортность среды». В науке комфортность определяется как «наиболее благоприятные условия жизнедеятельности людей, совокупность бытовых удобств, благоустроенности и экологической безопасности» [3].

Салякин И. Е. и соавт. предлагают определять комфортность 3 группами факторов: природно-антропогенными, социальными и медико-экологическими [15]. Первая группа характеризует территорию проживания с точки зрения климатических параметров, рекреационного и эстетического состояния. Вторая группа характеризует социальные условия проживания населения. К данному информационному блоку относят сведения об обеспеченности населения объектами бытового обслуживания, доходах местного бюджета, уровне медицинского обслуживания. Третья группа включает медико-экологическую информацию: состояние окружающей среды, здоровья населения, демографическую ситуацию в регионе.

Необходимо отметить, что в настоящее время отсутствует адекватная интерпрета-

ция понятия «качество жизни населения на территории», четкие критерии ранжирования показателей качества жизни. Обычно определяют климатические, социальные, экологические условия жизни населения. Теоретическая и методологическая основа таких исследований заложена в работах в области медицинской и социальной географии, экологии, биоклиматологии, социологии, демографии [2; 9; 11, 16].

Значительные трудности представляют расчеты показателей качества жизни для крупной территории с существенной дифференциацией природно-климатических или социально-экономических условий, поэтому качество жизни населения в научных исследованиях, как правило, рассматривается в рамках сравнительно небольших территорий.

В настоящей работе описывается методика интегральной оценки качества жизни населения с приведением примера ее применения для крупной территории – Республики Саха (Якутия) – с существенной внутритерриториальной дифференциацией социально-экономического развития.

Методика основана на унификации, интегральной оценке и визуальном представлении показателей, облегчающих интерпретацию и практическое применение.

В качестве исходных данных используются 60 первичных и расчетных стандартных статистических показателей, сгруппированных по 4-м категориям.

1. экономические показатели;
2. показатели жилищных условий;
3. показатели состояния окружающей среды;
4. показатели социальной защищенности.

Первая категория состоит из 12 расчетных показателей, по которым рассчитывается нормированный индекс экономической составляющей качества жизни: объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами, оборот розничной торговли в расчете на душу населения, объем платных услуг населению в расчете на душу населения и другие.

Вторая категория сформирована из 30 показателей, по которым рассчитывается нормированный индекс развития жилищных условий. Данная категория состоит из трех подкатегорий:

- а) подкатегория жилищной обеспеченности и бытовых условий, включающая 11 показателей (удельный вес общей площа-

ди жилищного фонда, оборудованной водопроводом, удельный вес общей площади жилищного фонда, оборудованной канализацией и т. п.);

б) подкатегория уровня технического состояния и обновления жилищного фонда, включающая 14 показателей (учитывающих возраст построек, процент износа, ввод в строй нового жилья и т.д.);

в) подкатегория уровня социальной защиты населения по коммунальным услугам, состоящая из 5 показателей (число семей, состоящих на учете в качестве нуждающихся в жилье, удельный вес семей, получавших субсидии на оплату жилья и коммунальных услуг, среднемесячный размер субсидий на одну семью и др.).

Третья категория состоит из 10 показателей, на основе которых рассчитывается нормированный индекс состояния окружающей среды: площадь лесов, приходящаяся на одного человека, объем сбросов сточных вод в поверхностные водные объекты на одного человека, выбросы в атмосферу загрязняющих веществ на душу населения и др.

Четвертая категория представляет собой 8 показателей для оценки интегрального показателя социальной защищенности: охват детей в возрасте 1-6 лет дошкольными образовательными учреждениями, число больничных коек на 10 000 чел. населения, заболеваемость на 1000 чел. населения и др.

В целях приведения к сопоставимому виду отобранные показатели нормируются с использованием формул (1) или (2) [8].

$$c_{ni} = \frac{c_i}{c_{max}}, \quad (1)$$

$$c_{ni} = 1 - \frac{c_i}{c_{max}} + \frac{c_{min}}{c_{max}}, \quad (2)$$

где, C_{ni} – нормированный синтетический индекс n -ого показателя i -го муниципального района;

C_i – значение показателя i -го муниципального района;

C_{max} – максимальное значение показателя в общей совокупности муниципальных районов;

C_{min} – минимальное значение показателя в общей совокупности муниципальных районов.

Если значение показателя непосредственно или прямо пропорционально отражает благоприятное влияние на рейтинг

муниципального района (чем больше, тем лучше), то применится формула (1). Если обратно пропорционально (чем больше, тем хуже), то используется формула (2). При отсутствии показателя нормированный синтетический индекс приравняется к нулю.

Последующим суммированием нормированных синтетических индексов определяется агрегированный индекс качества жизни (АИКЖ).

Применение указанной методики позволяет определять не только конечный обобщенный индекс качества жизни, но и оценивать положение дел по отдельным категориям, указанным выше. Обобщение возможно как для всей территории региона целиком, так и по отдельным экономическим зонам.

Составленная авторами база данных качества жизни населения Республики Саха (Якутия) состоит из 60 расчетных показателей, полученных из 188 первичных показателей по 36 районам за 10 лет (всего 67 680 показателей).

Для целей анализа применено экономическое зонирование территории республики на Арктическое, Восточное, Западное, Центральное, Южное¹.

Временной период исследования – 2007 – 2016 годы.

Результаты исследования

Результаты расчетов АИКЖ демонстрируют существенную пространственную дифференциацию качества жизни населения как по региону в целом, так и в пределах экономических зон.

Ограниченные рамки журнальной публикации не позволяют предложить к рассмотрению весь массив полученных результатов; кратко можно отметить следующее.

Наименьшие значения АИКЖ показывает Центральная зона, несмотря на наличие здесь столицы РС(Я) г. Якутска. Из 10 районов Центральной зоны оценки выше средней имеют только город Якутск, Хангаласский и Намский районы. Несколько выше агрегированные индексы Арктической и Западной зон, при этом в Западной зоне отмечена существенная дифференциация качества жизни населения по районам. Так, промышленные Мирнинский и Ленский районы по жилищным условиям на 3,5-6,8 пунктов превосходят другие районы Запад-

¹ О координации Программы комплексных научных исследований в Республике Саха (Якутия), направленных на развитие ее производительных сил и социальной сферы, на 2016-2020 годы. Распоряжение Главы Республики Саха (Якутия) от 05.04.2017 г. № 309-РГ.

Рисунок 1 – Распределение уровня экономической составляющей качества жизни по районам Арктической зоны Республики Саха (Якутия)

ной зоны. Из последних только Вилюйский район превышает средний уровень жилищных условий с 15,3 баллами из 30. Ниже средней оценка Нюрбинского района – 14,8, несмотря на наличие на его территории алмазодобывающего предприятия «Алроса-Нюрба». В целом по республике по состоянию жилищных условий ниже среднего уровня находятся в Арктической зоне – 7 районов, в Западной зоне – 4 района, в Центральной – районов – 5, всего – 16 районов региона.

При обращении к оценке по отдельным категориям качества жизни следует отметить, что хуже всего по региону дела обстоят с экономической составляющей; средний уровень превышают только девять районов: Мирнинский – 8,8; г. Якутск – 8,5; Ленский – 8,4; Нерюнгринский – 7,8; Алданский – 6,9; Оймяконский – 6,7 (максимальный уровень – 12 баллов).

По условиям окружающей среды наименьшие баллы ожидаемо получены в Верхневилюйском (6,5), Мирнинском (6,7) и Таттинском (6,9) районах. Детальный анализ полученных расчетных данных показывает, что отставание этих районов произошло из-за низкого качества питьевой воды. Наиболее высокими индексами отмечены районы Арктической зоны.

Достаточно низкие индексы социальной защищенности неожиданно получены в г. Якутске – 3,3 (при максимальном 8) и промышленно более развитых районах – Ленском – 4,1, Мирнинском – 4,4, а наиболее высокий индекс социальной защищенности зарегистрирован в Эвено-Бытантайском районе – 6,3 балла.

Для наглядности результаты могут быть представлены в графическом виде. Для примера приведем диаграмму нормированных синтетических индексов экономической составляющей районов Арктической зоны Республики Саха (Якутия) (рис. 1). Предельное значение индекса равно количеству районов в группе, в данном случае 13, так как по каждому показателю лучшее значение должно стремиться к единице.

Из рис. 1 видно, что из 13 арктических улусов только Анабарский улус превышает 60%-ный уровень экономической составляющей качества жизни населения, а Нижнеколымский, Булунский, Верхнеколымский, Абыйский, Жиганский преодолевают 50%-ный рубеж. Наименьший уровень имеет место в Эвено-Бытантайском районе.

Аналогичные диаграммы могут быть построены по остальным категориям уровня жизни и по агрегированному индексу качества жизни для каждой экономической зоны и в целом по республике.

Заключение

Составленная по данной методике база данных является готовым к применению инструментом для разработки мероприятий по выравниванию пространственной дифференциации качества жизни населения. Кроме того, база данных может быть актуализирована и применена управленческими и надзорными органами для оценки эффективности деятельности муниципальных и государственных властей, в частности, с ее помощью можно ежегодно определять рейтинг качества жизни населения по районам.

По завершении работы авторы пришли к выводу, что десятилетняя ретроспектива исследования приводит к излишне обобщенным результатам: показатели качества жизни за последний год десятилетия существенно дистанцируются от средних показателей за 10 лет. Тем не менее, динамика показателей качества жизни за такой период (анализ которой не представлен из-за ограниченных рамок объ-

ема статьи) также представляет большой интерес.

Количественная оценка качества жизни для достижения большей объективности может совершенствоваться обоснованным изменением количества и номенклатуры отбираемых для оценки показателей. Объективность эмпирических исследований качества жизни можно повысить применением «беккеровских» [20; 21] подходов.

Литература:

1. Абалкина И.Л. Экология в США: Политика и экономика // Экологическое оздоровление экономики. М., 1994.
2. Бобков В.Н. Методологический подход Всероссийского центра уровня жизни к изучению и оценке качества и уровня жизни населения // Вестник ВГУ. Серия экономика и управления. 2009. № 2.
3. Маслов Н.В. Градостроительная экология / Под ред. М.С. Шумилова. М., 2003.
4. Егоров Е.Г. Северо-Восток России: политика, экономика, наука. Якутск, 2011.
5. Заславская Т.И. Социальные результаты реформ и задачи социальной политики / Куда идет Россия? Трансформация социальной сферы и социальная политика. М., 1998.
6. Задесенец Е.Е., Зараковский Г.М. Критерии оценки качества жизни населения // Труды Международного симпозиума «Надежность и качество». 2007.
7. Кулагина Е.Ю., Краснощеков А.Н., Трифонова Т.А. Оценка комфортности биоклиматических условий региона с применением ГИС-технологий // ИнтерКарто-ИнтерГИС-18 : Устойчивое развитие территорий / теория ГИС и практический опыт: Мат-лы междунар. конф. Смоленск, 26-28 июня 2012. Смоленск.
8. Коваленко Е.Г., Автайкина Е.В. Анализ устойчивого социально-экономического развития сельских территорий Республики Мордовии // Системное управление : электрон. науч. период. изд. 2013, выпуск 1 (19) // <http://sisupr.mrsu.ru>.
9. Медведева И.А. Методологический подход оценки качества жизни населения региона // Российское предпринимательство. 2008. № 9 Вып. 1 (118). // <http://www.creativeconomy.ru>.
10. Мильков Ф.Н. Геоэкология и экография: их содержание и перспективы развития. Воронеж, 1966.
11. Олдак П.Г. Сохранение окружающей среды и развитие экономических исследований. Новосибирск, 1980.
12. Поисеев И.И. Устойчивое развитие Севера: эколого-экономический аспект. Новосибирск, 1999.
13. Прохоров Б.Б., Горшкова И.В., Шмаков Д.И., Тарасова Е.В. Общественное здоровье и экономика. М., 2007.
14. Райх Е.Л. Принципы и методы медико – географического изучения качества окружающей среды // Известия АН СССР. Сер. География. 1979. № 3.
15. Салякин И.Е., Краснощеков А.Н., Трифонова Т.А. Исследование комфортности проживания населения на территории региона на примере Владимирской области // Известия Самарского научного центра РАН. 2010. Т. 12. № 1(7).
16. Соломонов М.П., Турантаев С.Г., Апросимова С.А., Обоснование приоритетных направлений и механизмов обеспечения комфортного проживания на северо-востоке России: Сведения о результатах научно-исследовательской работы. Проект № 579. 2016 // <https://esu.citis.ru>.
17. Тихонов Н.Н. Северное село. Новосибирск, 1996.
18. Турантаев С.Г. Анализ уровня комфортности жилищного фонда районов Республики Саха (Якутия) // Проблемы современной экономики. 2014. № 4 (52).
19. Хрусталев Ю.П. Эколого-географический словарь. Батайск, 2000.
20. Akhmetshin E. M., Sharafutdinov R. I., Gerasimov V. O., Dmitrieva I. S., Puryaev A. S., Ivanov E. A., & Miheeva N. M. Research of human capital and its potential management on the example of regions of the Russian Federation // Journal of Entrepreneurship Education. 2018. No. 21 (2).
21. Sharafutdinov R.I., Gerasimov V.O., Yagudina O.V., Dmitrieva I.S., Pavlov S.V., Akhmetshin E.M. Research of human capital in view of labour potential of staff: national companies case study. Proceedings of the 29th International Business Information Management Association Conference - Education Excellence and Innovation Management through Vision 2020: From Regional Development Sustainability to Global Economic Growth. Vienna Austria: IBIMA, 2017.

22. Loginov V. G., Ignatyeva M. N., Balashenko V.V. Consistent Approach to Assess the Comfort of Living in the Northern and Arctic Areas // Экономика региона. 2018. № 14(4).
23. Becker G.S. Habits, Addictions, and Traditions // Kyklos. 1992. Vol. 45. № 3.
24. Becker G.S. Accounting for the Tastes. Cambridge: Harvard University Press, 1996.
25. Novoselov A., Potravny I., Novoselova I., Gassiy V. Selection of priority investment projects for the development of the Russian Arctic // Polar Science. 2017 № 14.
26. Kuznetsov S.V., Rastova Yu.I., Rastov M.A. Rating evaluation of the quality of life in russian regions. Экономика региона. 2017. № 13(1).
27. Galbraith J.K. Economics and the public purpose. Houghton. Mifflin Company. Boston, 1973.
28. Volgin O.S. On Supranational Democracy // Право и управление. XXI век. № 1(42). 2017.

METHODS OF INTEGRATED ASSESSMENT OF QUALITY OF LIFE IN THE REGION

Introduction. The article presents the theoretical justification, methodology and tools for assessing the quality of life for the purposes of system analysis of the socio-economic development of the regions. The developed evaluation system and research tools are a ready methodological solution for the analysis and management decision-making by municipal and regional authorities for the planning of the socio-economic development.

The article evidences the use of the method in the Republic of Sakha (Yakutia).

The article was prepared in the framework of the project on the state task of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation "Justification of priority activities and tools to ensure comfortable living in the north-east of Russia" [16].

Materials and methods. The basic data are the data of the standard annual statistical observations characterizing various aspects of the quality of life of the population. The method consists of the sequential solution of the following tasks:

- selection of statistical indicators characterizing the quality of life, based on a given spatial and temporal localization – the selected region, time interval – and their grouping by categories;
- calculation of normalized synthetic indicators within each category for the different elements of spatial and temporal localization (by regions, economic zones, by years or other periods);
- calculation of integrated indices by regions and years, as well as aggregated (average) indices by groups of indicators;
- presentation of the results in the graphical form for easy interpretation.

The generalization of a significant array of indicators reflecting the most diverse aspects of the quality of life allows getting as close as possible to its objective assessment in dynamics.

Research result. Estimates of the quality of life of the population of the regions and economic zones of the Republic of Sakha (Yakutia), both general and in individual categories, have been obtained. The significance of the work lies in its application for leveling the socio-economic development of municipal districts and regions, in identifying problems in their socio-economic development

Discussion and conclusion. The advantages of the method are the use of standard statistical parameters, the relative ease of obtaining results and their interpretation, as well as the ability to adjust them depending on the goals of the analysis. Based on the results of this study the directions of mid- and long term socio-economic development can be selected without excluding their further improvement.

Mikhail P. Solomonov,
Candidate of Economic Science, Associate
Professor, North-Eastern Federal University,
Russia

Stepan G. Turantaev,
Candidate of Economic Science, North-East-
ern Federal University, Russia

Raisa N. Shpakova,
Candidate of Geographic Science, Associate
Professor, MGIMO-University under the MFA
of Russia, Russia

Ключевые слова:

качество жизни, регион, публичное
управление, Республика Саха (Якутия)

Keywords:

quality of life, region, public administration,
Republic of Sakha (Yakutia)

References:

1. Abalkina I.L., 1994. Jekologija v SShA: Politika i jekonomika. Jekologicheskoe ozdorovlenie jekonomiki. [Ecology in the United States: Policy and economics. Ecological rehabilitation of the economy]. Moscow.
2. Bobkov V.N., 2009. Metodologicheskij podhod Vserossijskogo centra urovnja zhizni k izucheniju i ocenke kachestva i urovnja zhizni naselenija [Russian centre's methodology for studying and assessing the quality and standard of living of the population]. *Bulletin of Voronezh state University. Series "Economics and management"*. No. 2.
3. Maslov N.V., 2003. Gradostroitel'naja jekologija [Urban ecology: Tutorial for building universities]. Edited by M.S. Shumilova. Moscow.
4. Egorov E.G., 2011. Severo-Vostok Rossii: politika, jekonomika, nauka. [Northeast of Russia: politics, economics, science]. Yakutsk.
5. Zaslavskaja T.I., 1998. Social'nye rezul'taty reform i zadachi social'noj politiki. Kuda idet Rossiya? Transformacija social'noj sfery i social'naja politika [Social results of reforms and social policy objectives. Where is Russia going? Transformation of the social sector and social policy]. Moscow.
6. Zadesenec E.E. and Zarakovskij G.M., 2007. Kriterii ocenki kachestva zhizni naselenija [Criteria for assessing the quality of life population. Proceedings of the international Symposium "Reliability and quality"].
7. Kulagina E.Ju., Krasnoshhekov A.N. and Trifonova T.A., 2012. Ocenka komfortnosti bioklimaticheskikh uslovij regiona s primeneniem GIS-tehnologij. [Assessing the comfort of bioclimatic conditions of the region with GIS technologies to use. InterCarto-InterGIS-18: Sustainable territorial development / GIS theory and practical experience: Proceedings of the international conference]. 26-28 June. Smolensk.
8. Kovalenko E.G. and Avtajkina E.V., 2013. Analiz ustojchivogo social'no-jekonomicheskogo razvitija sel'skikh territorij Respubliki Mordovii [Analysis of sustainable socio-economic development of rural areas of the Republic of Mordovia]. *Sistemnoe upravlenie [System Management]*. Vol. 1(19). URL: <http://www.sisupr.mrsu.ru>.
9. Medvedeva I.A., 2008. Metodologicheskij podhod ocenki kachestva zhizni naselenija regiona [Methodological approach to assessing the quality of life region's population]. *Rossijskoe predprinimatel'stvo [Russian Business]*. No. 9. Vol. 1 (118). URL: <http://www.creativeconomy.ru>.
10. Mil'kov F.N., 1966. Geojekologija i jekografija: ih sodержaanie i perspektivy razvitiya [Geoecology and ecography: their content and development prospects]. Voronezh.
11. Oldak P.G., 1980. Sohranenie okruzhajushhej sredy i razvitie jekonomicheskikh issledovanij [Preservation of the environment and development of economic research]. Novosibirsk.
12. Poiseev I.I., 1999. Ustojchivoe razvitie Severa: jekologo-jekonomicheskij aspekt. [Sustainable development of the North: ecological and economic aspect]. Novosibirsk.
13. Prohorov B.B., 2002. Zdorov'e rossijan za 100 let [The health of Russians for 100 years]. *Chelovek [Man]*. No. 2.
14. Rajh E.L., 1979. Principy i metody mediko – geograficheskogo izuchenija kachestva okruzhajushhej sredy [Principles and methods of medical-geographical study of environmental quality]. *News of the USSR Academy of Sciences*. Vol. Geography. No. 3.
15. Saljakin I.E., Krasnoshhekov A.N. and Trifonova T.A., 2010. Issledovanie komfortnosti prozhivaniya naselenija na territorii regiona na primere Vladimirovskoj oblasti [Study of the comfort of living in the region on the example of the Vladimir region]. *News of Samara scientific center RAS*. Vol. 12. No. 1(7).
16. Solomonov M. P., Turuntaev S. G., Abrosimov S. A., 2016. Substantiation of priority directions and mechanisms for ensuring a comfortable stay in the North-East of Russia: Information on the results of the research work. Project № 579. URL: <https://esu.citis.ru>.
17. Tihonov N.N., 1996. Severnoe selo [Northern village]. Novosibirsk.
18. Turuntaev S.G., 2014. Analiz urovnja komfortnosti zhilishhnogo fonda rajonov Respubliki Saha (Jakutija) [Analysis the level of comfort the housing fund of the Republic of Sakha (Yakutia)]. *Problemy sovremennoj jekonomiki [Problems of Modern Economy]*. No. 4(52).
19. Hrustalev Ju.P., 2000. Jekologo-geograficheskij slovar [Ecological and geographical dictionary]. Bataysk.
20. Akhmetshin E.M., Sharafutdinov R.I., Gerasimov V.O., Dmitrieva I.S., Puryaev A.S., Ivanov E.A., Miheeva N.M., 2018. Research of human capital and its potential management on the example of regions of the Russian Federation. *Journal of Entrepreneurship Education*. No. 21(2).
21. Sharafutdinov R.I., Gerasimov V.O., Yagudina O.V., Dmitrieva I.S., Pavlov S.V., Akhmetshin E.M., 2017. Research of human capital in view of labour potential of staff: national companies case study. *Proceedings of the 29th International Business Information Management Association Conference - Education Excellence and Innovation Management through Vision 2020: From Regional Development Sustainability to Global Economic Growth*. Vienna Austria: IBIMA.
22. Loginov, V.G., Ignatyeva, M.N., Balashenko V.V., 2018. Consistent Approach to Assess the Comfort of Living in the Northern and Arctic Areas. *Ekonomika regiona [Economy of Region]*. No. 14(4).
23. Becker G.S., 1992. Habits, Addictions and Traditions. *Kyklos*. Vol. 45. No. 3.

24. Becker G.S., 1996. Accounting for the Tastes. Cambridge: Harvard University Press.
25. Novoselov, A., Potravny, I., Novoselova, I., Gassiy, V., 2017. Selection of priority investment projects for the development of the Russian Arctic. *Polar Science*. No. 14.
26. Kuznetsov, S.V., Rastova, Yu.I., Rastov, M.A., 2017. Rating evaluation of the quality of life in russian regions. *Ekonomika regiona [Economy of Region]*. No. 13(1).
27. Galbraith J.K., 1973. Economics and the public purpose. Houghton. Mifflin Company. Boston.
28. Volgin O.S., 2017. On Supranational Democracy. *Pravo i upravlenie. XXI vek [Journal of Law and Administration]*. № 1(42).

СТАТИСТИЧЕСКИЙ УЧЕТ И УПРАВЛЕНИЕ ТОВАРНЫМИ ПОТОКАМИ ВО ВНЕШНЕЙ И ВНУТРИРЕГИОНАЛЬНОЙ ТОРГОВЛЕ ЕВРОСОЮЗА

Наталья Григорук*
Сергей Галкин**

DOI 10.24833/2073-8420-2018-4-49-61-69

Введение. Евросоюз был и остается основным торгово-экономическим партнером Российской Федерации, что делает актуальными любые исследования, посвященные накопленному опыту и достижениям этого объединения стран в создании эффективной системы сбора, обработки и анализа данных о внешне-торговых операциях и управления товарными потоками как внутри ЕС, так и с внешними контрагентами.

Материалы и методы. Исследование проведено на основе теоретического и эмпирического анализа тематических первоисточников ЕС, международных стандартов по учету товаров и услуг во внешнеэкономической деятельности¹, и сравнительного анализа сложившейся практики учета и управления товарными потоками в РФ и странах Евросоюза, что позволило авторам дать развернутую оценку действующим в ЕС двум системам статистического учета: Интрастат и Экстрастат и возможности их применения в ЕАЭС.

Результаты исследования. Проведенное в данной работе исследование формирования, развития и совершенствования системы статистического учета операций по внешней и взаимной торговле объединения из 28 стран Европы позволяет сделать ряд конкретных выводов, касающихся как особенностей применения международных стандартов статистики ВЭС в практике Евросоюза, так и целесообразности использования методологических рекомендаций Евростата по учету товарных потоков в статистике Евразийского экономического союза, а также оценить основные успехи в этой сфере и раскрыть некоторые нерешенные проблемы, препятствующие созданию единого блока полной и сопоставимой информации о внешнеэкономической деятельности стран.

Обсуждение и заключение. Управленческая и статистическая деятельность Европейского союза в настоящее время оказывает наиболее заметное воздействие не только на развитие международной внешнеторговой статистики,

* **Григорук Наталья Евгеньевна**, кандидат экономических наук, профессор кафедры учета, статистики и аудита МГИМО МИД России, Россия
e-mail: kafstat@list.ru
ORCID ID: 0000-0001-6024-9914

** **Галкин Сергей Алексеевич**, кандидат экономических наук, доцент кафедры учета, статистики и аудита МГИМО МИД России, Россия
e-mail: edu.dep@inno.mgimo.ru
ORCID ID: 0000-0002-3175-9365

¹ International Merchandise Trade Statistics: Concept and Definitions., IMTS 2010., United Nations, N.-Y., 2010. Manual on statistics of international trade in services 2010, IMTS 2010., United Nations, N.-Y., 2010

но и на формирующиеся региональные структуры управления внешнеэкономическим комплексом, включая вопросы сбора, обработки и распространения статистических данных, а также методологии учета и анализа такого рода показателей. Опыт Евросоюза, по мнению авторов, особенно полезным может оказаться для налаживания эффективной статистической работы в Евразийском экономическом союзе. Как интенсивное, так и экстенсивное развитие ЕАЭС будет требовать параллельного изменения законодательной и методологической базы, поэтому сложившаяся и хорошо зарекомендовавшая себя практика создания «двухсистемной» организации и методологии учета товарных потоков в ЕС может стать для этого правильной основой.

Введение

В современной экономической науке Европейскому союзу уделяется большое внимание. И российские, и зарубежные ученые, как правило, рассматривают ЕС не только как самый развитый регион мировой экономики, но и в качестве наиболее совершенной формы интеграционных отношений, опираясь при этом на публикуемые статистические показатели, характеризующее это объединение стран, и делая на основе этих данных соответствующие выводы. Однако, пользуясь материалами официальной статистики, мало кто обращает внимание на методологию учета и расчета самих показателей, на существующие различия в системах сбора, обработки и распространения данных. А именно это и является основой для квалифицированного анализа публикуемых статистических данных.

Несмотря на далеко не лучшие времена в развитии торгово-экономических связей между Российской Федерацией и ЕС, которые мы переживаем сегодня, Евросоюз остается нашим главным экономическим партнером и все процессы, которые происходят в Европе, вызывают пристальный интерес в России, что делает актуальными и практически значимыми исследования, посвященные оценке современного состояния и пройденного пути в создании и развитии информационной базы внешней и взаимной торговли стран Евросоюза, организации и методологии статистического учета таких товарных потоков. Главенствующая роль в этом процессе принадлежит созданному более 60 лет назад общему статистическому органу объединенной Европы – Евростату, методо-

логическими рекомендациями которого по учету товаропотоков сегодня пользуются не только 28 стран-членов ЕС, но и другие государства мира, включая РФ и страны ЕАЭС.

Исследование

Заинтересованность стран в выработке единообразных подходов к учету и управлению товарными потоками во внешнеэкономической деятельности всегда была велика. Это стало главным стимулом для решения проблем унификации форм и методов статистического учета внешнеторговых операций на международном уровне. Начиная с середины XIX века и до наших дней актуальные вопросы внешнеторговой статистики являлись предметом обсуждения на многих международных конгрессах и конференциях, на сессиях Международного статистического института и в других международных организациях. Основная заслуга в решении проблемы международной стандартизации статистической информации о внешнеэкономической деятельности принадлежит статистическому аппарату ООН – Статистической комиссии и её исполнительному органу – отделу статистики Департамента экономических и социальных вопросов, который подготовил и распространил среди стран базовые методологические документы статистики внешнеэкономических связей, получившие название международных стандартов. В настоящее время это, прежде всего, «Статистика международной торговли товарами. Концепции и определения» и «Руководство по статистике международной торговли услугами»². Оба документа были выработаны в 2010 году и содержат подробное описание всех основных принципов, концепций, правил и критериев статистиче-

² [https://unstats.un.org/unsd/tradeserv/tfsits/msits2010/docs/MSITS%202010%20M86%20\(R\)%20web.pdf](https://unstats.un.org/unsd/tradeserv/tfsits/msits2010/docs/MSITS%202010%20M86%20(R)%20web.pdf)

ского учета внешнеэкономической деятельности.

Региональные объединения стран, следуя этим международным правилам, выработывают свои методологические рекомендации по статистическому учету экспортных и импортных операций, в которых отражается специфика каждого региона. Наиболее продвинутыми и часто используемыми в мировой практике стали методологические концепции Евростата по учету товарных потоков во внешней и взаимной торговле стран ЕС.³ Роль Евростата в формировании единой статистики и её развития на разных этапах интеграции европейских стран заслуживает отдельного рассмотрения.

Первоначально Евростат был задуман и создан как общий статистический орган шести государств Европы, входивших в Европейское объединение угля и стали (ЕОУС). 13 августа 1952 года в Люксембурге было проведено первое заседание высшего руководящего органа ЕОУС, на котором было принято решение о создании единой специализированной системы сбора информации в угольной и сталелитейной отраслях. В октябре 1952 года было принято принципиальное решение о том, что среди создающихся в рамках шести объединившихся государств 12 отделов и служб одна должна заниматься сбором и обработкой статистической информации, а в 1954 году данное подразделение получило официальное название Статистического отдела (Statistical Division) [2. С. 128-135].

Первым руководителем данного подразделения стал профессор из Германии Рольф Вагенфюр, сохранявший свой пост до 1966 года. Пятеро из семи представителей этого органа были уроженцами ФРГ, поскольку именно в этой стране был самый высокий уровень организации статистических работ. Объединенная статистика формировалась под большим влиянием немецкой статистической практики и методологии. В книге «Статистика в Европе» [18]. Рольф Вагенфюр четко обозначил основные проблемы, которые необходимо было решать при становлении единой статистической системы в тот период. На это ушло несколько лет.

В дальнейшем в связи с созданием Евроатом и Европейского экономического сообщества статистический орган Европейского объединения угля и стали был преобразован в 1959 году в «Статистический отдел Евро-

пейских сообществ», к которым относились ЕОУС, ЕЭС и Евроатом [19].

Основной задачей этой расширенной статистической службы оставалась гармонизация всей методологии статистического учёта как на микро-, так и на макроуровне, включая Систему национальных счетов. В сентябре 1963 года был выпущен документ, содержащий рекомендации по использованию единой системы счетов для расчетов и анализа макроэкономических показателей.

В 1973 году, когда произошло первое расширение Европейского Союза (к которому присоединились Великобритания, Ирландия и Дания), Статистический отдел ЕЭС был переименован в Евростат, а официальным рабочим языком стал английский язык. В начале 1974 года на рассмотрение в Еврокомиссию поступил документ, в котором содержались предложения по обеспечению работы Евростата в новых условиях. Впоследствии этот документ фактически стал первой статистической программой ЕЭС.

После распада Совета Экономической Взаимопомощи некоторые страны Центральной и Восточной Европы под руководством Евростата приступили к преобразованию своих систем статистического учета и адаптировали их под новые условия, сложившиеся на рынке. Польша и Венгрия первыми из стран Восточной Европы справились с поставленной задачей. За ними последовали Чехия, Словакия, Болгария, Словения и Румыния. Статистические структуры стран Евросоюза при непосредственном участии Евростата провели большую организационную и методологическую работу с целью перевода на единую унифицированную основу статистики стран ЕС, в том числе это затронуло и сферу внешнеэкономических связей. Менее чем за полдесятилетия страны, присоединившиеся к европейской интеграции, смогли предоставлять отчеты, отвечающие всем основным требованиям Евросоюза.

В начале двадцать первого столетия основные проблемы в работе Евростата были связаны с упорядочением и систематизацией увеличивающегося потока статистической информации по внешнеэкономической деятельности, которые оказывали значительное влияние на решение текущих и будущих задач Евросоюза. Расширение европейской интеграции 2004 года увеличило объем предоставляемой информации в несколько раз. Однако это не стало неожидан-

³ Compilers guide on European statistics on international trade in goods, European Union, 2017

ностью для работников Евростата: заранее были предприняты определенные структурные изменения внутри аппарата и увеличено количество сотрудников, вовлеченных в процесс сбора, обработки и анализа информации. На этом этапе развития информационных технологий значительно выросла роль электронной почты и интернета в процессе предоставления информации. На сегодняшний день несколько десятков групп специалистов, которые входят в состав семи директоров Евростата, курирующих различные направления статистики ЕС, занимаются проблемами статистического учета основных социально-экономических процессов Европейского союза.

Круг показателей внешнеэкономических связей стран Евросоюза и их международного сотрудничества стал формироваться, в основном, в рамках двух директоров Евростата: А и G⁴.

В компетенции Евростата и двух комитетов (по статистике внешней торговли и по Комбинированной таможенно-статистической номенклатуре товаров) Европейской комиссии находятся все вопросы, связанные с унификацией статистики стран ЕС, выработкой единых методологических критериев по учету товарных потоков в торговых операциях, их регистрации в объединенной статистике и публикации в официальных статистических справочниках Евросоюза. Источником таких сведений служат данные, представленные в Евростат по стандартной форме странами – участницами этой организации.

Сводные материалы по внешней торговле стран, входящих в Евросоюз, публикуются в ежемесячных статистических бюллетенях ЕС, в виде ежеквартальных обзоров и ежегодников. Публикуемые данные приводятся на базе единой для всех 28 стран ЕС методологии, которая по принципиальным вопросам соответствует международным стандартам ООН. Данные охватывают как внешнюю торговлю стран ЕС (торговлю со всеми государствами, не являющимися членами ЕС), так и торговлю стран ЕС друг с другом (внутрирегиональную торговлю).

Отличительной особенностью управления двумя разными по значению для ЕС потоками товаров является то обстоятельство, что торговля с «третьими странами» и дви-

жение товаров внутри Евросоюза в связи с созданием единой европейской экономической зоны и общей таможенной территории организационно и методологически отличаются друг от друга. По этой причине в Евросоюзе были созданы и в настоящее время эффективно функционируют две системы сбора данных и составления официальной статистики о торговых операциях:

1. Система Интрастат (Intrastat) – для статистического учета торговли между странами ЕС («внутрирегиональной» торговли), основанная на получении ежемесячных отчетов от предприятий, а также другой дополнительной информации (данных органов кредитно-денежного регулирования, обследований, опросов и т.д.) – так называемых «нетамженных» источников информации.

2. Система Экстрастат (Extrastat) для регистрации торговых операций со всеми странами, кроме государств – членов Евросоюза, основанная на данных таможенных деклараций и других таможенных источников информации [5. С. 62].

Наличие двух систем учета товаропотоков методологически обосновано и позволяет избежать двойной регистрации грузов в случае их закупки за пределами ЕС и последующей реализации этих товаров в нескольких странах – членах Евросоюза. Разделив учет на две части («Экстрастат» и «Интрастат»)⁵, специалисты Евростата разработали принципиально новый для мировой практики порядок учета перемещений товаров внутри Евросоюза, основанный на отчетности организаций, занимающихся торговыми операциями в рамках ЕС и других «нетамженных» источников информации.

Данные о торговле стран-членов ЕС за пределами Евросоюза собираются в традиционной форме на основе грузовых таможенных деклараций и включаются в статистические публикации как экспорт, так и импорт товаров, в то время как для показателей внутрирегиональной торговли (intra – European trade) используются термины «arrivals» и «dispatches» – ввоз и вывоз товаров.

Заметным методологическим отличием двух систем является регистрация импортных операций во внутрирегиональной торговле по странам отгрузки, а в торговле с

⁴ Directorate A – “Cooperation in the European Statistical System; international cooperation; resources”; Directorate G – “Global business statistics”, G4 : Global transactions, G5: International trade in goods.

⁵ Council Regulation (EEC) No 3330/91 of 7 November 1991 on the statistics relating to the trading of goods between Member States

внешними партнерами (в системе «Экстрастат») - по странам происхождения товаров, т.е. по тем государствам, в которых товары были добыты, выращены, произведены или переработаны. Стоимостная оценка торговых операций в обеих системах одинакова: экспорт/вывоз товаров показывается в ценах «ФОБ», импорт/ввоз - в ценах «СИФ». Различие заключается в том, что в системе «Экстрастат» оценка осуществляется на основе таможенной стоимости, а для системы «Интрастат» характерен учет по налогооблагаемой стоимости товара.

В рамках внутрирегиональной торговли стран Европейского союза все сведения по сделкам поступают напрямую в национальные органы, ответственные за сбор статистических данных по торговым операциям. Такие данные теоретически могут быть представлены как на бумажных носителях, так и в электронном виде, хотя на практике в настоящее время в основном используется второй вариант. Все компании-участницы рынка должны предоставлять и получать требуемую информацию по сделкам в рамках всего Евросоюза, чтобы обеспечить возврат НДС. В отличие от системы Экстрастат, в которой обязательному учету подлежат все сделки по внешнеторговым операциям, в системе Интрастат учитываются операции только сверх установленного лимита, получившего название в англоязычной литературе «exemption threshold». При этом каждая страна - член ЕС имеет право устанавливать свою минимальную стоимость отдельно для учета ввозимых и вывозимых товаров. Увеличение пороговых значений, которое сегодня наблюдается в практике стран Евросоюза, часто позволяет освободить от представления данных в Евростат представителей малого бизнеса, что приводит к уменьшению базы учета реального товарооборота во внутрирегиональной торговле. (При нынешнем значении порогового уровня статистический учет покрывает 97% экспортных потоков и 93% импортных).

Сегодня поиски решения для дальнейшего совершенствования системы «Интрастат» продолжаются, прежде всего, в направлении сокращения затрат времени и материальных ресурсов для получения требуемой информации. Предусматриваемое обновление системы должно основываться на сборе и обработке данных только по одному из двух потоков (ввозу или вывозу товаров), а вторую часть данных предполагается получать из материалов «зеркальной статистики». Похожая система статистического учета

в настоящее время применяется в торговле между США и Канадой, где каждая страна во взаимной торговле собирает данные только по импорту, а затем, обмениваясь информацией, получает недостающие данные по экспортным операциям партнеров. Однако у такого подхода к учету торговых операций есть очевидные недостатки, которые могут перевесить все преимущества, ради которых система обновляется. И самый значимый из них - это частичная потеря качества данных. В условиях, когда существует заметная асимметричность в отражении данных о взаимной торговле в «зеркальной статистике», переход на новую систему может негативно отразиться на качестве данных не только платежного баланса, но и на величине макроэкономических показателей, в частности валового национального дохода стран ЕС.

В перечне проблем можно назвать и процесс реинтеграции, связанный с возможным выходом Великобритании из ЕС. Те связи, которые выстраивались десятки лет, будут разорваны и взаимодействие между статистическими органами Великобритании и Евростатом придется налаживать на новых условиях, что отразится и на методологии учета торговых операций. В этом случае они будут уже регистрироваться в системе «Экстрастат». Кроме того, в настоящее время в Евросоюзе при статистической регистрации и публикации данных по всем торговым операциям применяется «специальная система» учета (Special trade systems), не включающая в себя данные о посреднической торговле. Для Великобритании «родной» системой является «общая торговля» (General trade systems), т.е. подсчет и публикация данных о внешней торговле с учетом реэкспортных операций.

Результаты исследования

Опыт внедрения и применения «двух-системной практики» учета внешнеторговых операций в ЕС изучается во всем мире и в той или иной степени используется при создании региональных группировок стран. Для России и стран ЕАЭС он бесценен, поскольку формирование и развитие объединенной статистики Евразийского Экономического Союза осуществляется по образу и подобию европейской. Методологические рекомендации по учету внешнеторговых операций стран ЕАЭС так же, как в ЕС разделены на две части: статистика внешней торговли и статистика взаимной торговли стран-членов ЕАЭС. В настоящее время на первый план выходят проблемы, связанные

с организацией учета и управления товарными потоками внутри ЕАЭС. Сложившаяся в Евросоюзе практика сбора и обработки данных по внутрирегиональной торговле позволяет оценить ее как наиболее рациональную с точки зрения организации статистического учета таких операций. Практика проведения специальных обследований предприятий и опросов наряду с регулярной отчетностью и банковской статистикой обеспечивают требуемую полноту, своевременность и достоверность информации, что является основополагающими принципами организации статистики в любой стране.

Относительно методологической базы статистических работ следует подчеркнуть, что система «Экстрастат» практически полностью выстроена в соответствии с современными международными статистическими стандартами, основным из которых является документ 2010 года с дополнениями и разъяснениями для составителей и пользователей статистики 2015 года «Статистика международной торговли товарами. Концепции и определения», в системе «Интрастат» использованы методологические критерии статистики Евросоюза, особенности которых были показаны в данной статье.

Анализ основных этапов развития Евросоюза показал, что в основе трансформаций в системах сбора информации и статистического учета внешнеторговых операций всегда лежали изменения, происходящие в самом процессе Европейской интеграции, большая часть которых была связана с расширением ЕС. С этой точки зрения опыт Евросоюза и его статистического органа – Евростата также представляет большой практический интерес для формирующегося статистического аппарата ЕАЭС.

Заключение

Статистику внешнеэкономических связей в настоящее время можно отнести к числу наиболее развитых отраслей экономической статистики в большинстве стран мира. Ее значение определяется той особой политической и экономической ролью, которую играют внешняя торговля и другие формы экономических связей государств в современных условиях. О высоком уровне развития этой отрасли статистики, имеющей хорошее организационное обеспечение и разработанную методологию, свидетельствует тот факт, что сейчас почти все страны мира публикуют данные о внешней торговле в регулярно издаваемых статистических сборниках различной периодизации (месячных,

квартальных, годовых). Большинство из них издаются государственными учреждениями, поэтому приводимые в них показатели носят официальный характер. Однако следует заметить, что высокая степень развитости этой отрасли относится, в основном, к главной составной части статистики ВЭС – внешнеторговой статистике, характеризующей торговлю товарами. Статистический учет торговли услугами пока остается наиболее «слабым звеном» этой отрасли и не является объектом исследования в данной работе.

Одним из наиболее существенных достижений современной международной статистики является выработка общих критериев и правил, касающихся сбора, систематизации, распространения и публикации данных внешнеторговой статистики. Набор общих требований к показателям, характеризующим внешнеэкономические связи стран, и условия их реализации обобщены в международных статистических стандартах, разрабатываемых специалистами ООН, и используемых странами при сборе, систематизации и публикации данных о внешнеторговых операциях.

Однако следует признать, что, несмотря на всеобщее стремление к унификации статистических показателей в сфере внешнеэкономической деятельности и достигнутые на этом направлении значительные результаты, существует целый ряд методологических проблем, связанных с несопоставимостью данных официальной статистики стран и затрудняющих работу с публикуемой информацией. К числу таких проблем относятся: использование разных методов стоимостных оценок экспортных и импортных операций, применение разных систем учета внешнеторгового оборота («General trade systems» и «Special trade systems»), разная практика учета реэкспортных операций, несовпадение дат статистической регистрации экспорта и импорта, применение в статистике разных методов учета стран-контрагентов и др.

Перечисленные и некоторые другие проблемы внешнеторговой статистики объясняются, прежде всего, сложностями организации учета такого рода операций. Мы рассмотрели их на примере стран ЕС и деятельности Евростата в этой области, успехи которого в решении проблем организации и методологии статистического учета и управления потоками товаров как внутри Евросоюза, так и в торговых операциях с внешними контрагентами очевидны.

Литература:

1. Габарта А.А. Социально-экономическая модель стран Центральной Европы // Современная Европа. № 7. 2017.
2. Галкин С.А. Европейская система статистики: адаптация к пространству // Современная Европа. 2007. № 4 (32).
3. Галкин С.А., Григорук Н.Е. Практикум по статистике внешнеэкономических связей. М., 2017.
4. Гладков И.С. Европейский Союз в системе современной международной торговли // Современная Европа. № 1. 2016.
5. Григорук Н.Е. Гармонизация европейской внешнеторговой статистики и сопоставимость данных // В сборнике научных трудов «Использование зарубежного опыта в условиях перехода России на международные стандарты в области учета и статистики». М., МГИМО, 1998.
6. Григорук Н.Е. «Международная торговля через призму статистики», в сборнике научных статей «Актуальные вопросы российской и зарубежной учетно-статистической практики» - М., МГИМО-Университет, 2007, с. 5-17
7. Григорук Н.Е., Галкин С.А. Актуальные вопросы внедрения международных стандартов в статистику внешней торговли России // Вестник МГИМО-Университета. № 1 (40). 2015.
8. Григорук Н.Е. Статистические аспекты анализа динамики и структуры международной торговли // Вопросы статистики. № 1. 2017.
9. Гурова И.П. Восточное партнерство: торговая интеграция «целевых стран» Евросоюза // Мировая экономика и международные отношения. № 5. 2018.
10. Дегтярева О.И., Ратушняк Е.С., Шевелева А.В. Управление внешнеэкономической деятельностью в РФ в условиях интеграции в рамках ЕАЭС., М., 2016.
11. Обеспечение конфиденциальности статистических данных в странах Европейского сообщества // Вопросы статистики. № 12. 2000.
12. Олейнов А.Г. Экономическое будущее глобализации // Вестник МГИМО-Университета. № 4 (61). 2018.
13. Кавешников Н.Ю., Матвеевский Ю.А. Европейский союз: история, институты, политика, М, 2018.
14. Клинов В.Г. Сдвиги в мировой экономике в XXI веке: проблемы и перспективы развития // Вопросы экономики. № 7. 2017.
15. Улина Г.В., Улин Д.С. Информационная система управленческого учета, Современный учет и аудит: теория, практика, перспективы развития. Материалы Второй международной инновационной научно-практической конференции. М., 2014.
16. Европейская интеграция: учебник / Под ред. О.В. Буториной. М., 2011.
17. Kamolov S.G., Digital public governance: trends and risks. Giornale di storia costituzionale. 2017. T. 33. № 1.
18. Ralf Wagenfuhr. La statistica in Europe. Ferro Edizioni, Milan, 1967.
19. Memories of Eurostat. Fifty years of serving Europe. European Communities, 2003.

STATISTICAL ACCOUNTING AND MANAGEMENT OF COMMODITY FLOWS IN EXTRA- AND INTRA-EUROPEAN TRADE

Introduction. The European Union remains the main trade and economic partner of the Russian Federation, that is why any research dedicated to the achievements of this Association of countries in setting up an effective system of collection, processing and analysis of data on foreign trade operations and management of commodity flows is very important and topical.

Materials and methods. This study is based on theoretical and empirical analysis of international standards and comparison of Russian and European practices of commodity flows management. The authors give a description of the EU's existing systems of statistical accounting (Intrastat and Extrastat) and possibilities of implementing thereof in the development of the Eurasian economic union.

Research results. The study of formation, development and improvement of the system of statistical

accounting of extra and intra trade operations of the 28 European countries allows us to make conclusions concerning both the application of international standards of trade statistics in the practice of the European Union and the use of the methodological recommendations of Eurostat on the accounting of commodity flows in the statistics of the Eurasian economic union, as well as to assess the main achievements in this area and to reveal some unresolved problems, impeding the creation of a pool of complete and comparable information on foreign economic activity of these countries.

Discussion and conclusion. The European Union's management and statistical activities make a significant impact not only on the development of international trade statistics, but also on structures of the regional governance, engaged in international economic relations, including collection, processing and dissemination of statistics, as well as on the methodol-

ogy for accounting and analysis of such indicators. The experience of the European Union, according to the authors, can be particularly useful for establishing effective statistical work in the Eurasian economic union. Both intensive and extensive development of the this organization will require a parallel change in the legislative and methodological framework, so the existing practice of the "two-system" organization in the EU can be the appropriate basis for this purpose.

Natalia E. Grigoruk, Candidate of Economic Science, Professor with the Department of Accounting, Statistics and Audit, MGIMO University under the MFA of Russia.

Sergey A. Galkin, Candidate of Economic Science, Associate Professor with the Department of Accounting, Statistics and Audit, MGIMO University under the MFA of Russia.

Ключевые слова:

Европейский союз, экспорт, импорт, торговля, Интрастат, Экстрастат, информация, внешняя и внутрирегиональная торговля Евросоюза, управление, Евростат

Keywords:

European Union, Eurostat, export, import, trade, Intrastat, Extrastat, collecting data, high quality data, extra- and intra-European trade

References:

1. Gabarta A.A., 2017. Social'no-ehkonomicheskaya model' stran Central'noj Evropy [The social-economic model of the central European countries]. *Sovremennaya Evropa [Modern Europe]*. № 7.
2. Galkin S.A., 2007. Evropeyskaya sistema statistiki, adaptatsiya k prostranstvu [The European statistics system: adaptation to the space]. *Sovremennaya Evropa [Modern Europe]*. № 4.
3. Galkin S.A., Grigoruk N.E., 2017. Praktikum po statistike vneshneehkonomicheskikh svyazey [The textbook on statistics of foreign economic relations]. Moscow.
4. Gladkov I.S., 2016. Evropejskij Soyuz v sisteme sovremennoj mezhdunarodnoj torgovli [European Union in the system of modern international trade]. *Sovremennaya Evropa [Modern Europe]*. № 1.
5. Grigoruk N.E., 1998. Garmonizatsiya evropejskoj vneshnetorgovoj statistiki i sopostavimost' dannyh [Harmonization of European foreign trade statistics and data comparability]. *V sbornike nauchnyh trudov «Ispol'zovanie zarubezhnogo opyta v usloviyakh perekhoda Rossii na mezhdunarodnye standarty v oblasti ucheta i statistiki» ["Using foreign experience in the transition of Russia to international standards of accounting and statistics"]*. Moscow.
6. Grigoruk N.E., 2007. Mezhdunarodnaya torgovlya cherez prizmu statistiki [International trade through the prism of statistics]. *V sbornike nauchnyh statej «Aktual'nye voprosy rossijskoj i zarubezhnoj ucheto-statisticheskoy praktiki» ["Current issues of Russian and foreign practice in accounting and statistics"]*. Moscow.
7. Grigoruk N.E., Galkin S.A., 2015. Aktual'nye voprosy vnedreniya mezhdunarodnyh standartov v statistiku vneshnej torgovli Rossii [Topical issues of the implementation of international standards in the statistics of foreign trade of Russia]. *Vestnik MGIMO-Universiteta [Bulletin - MGIMO University]*. № 1 (40).
8. Grigoruk N.E., 2017. Statisticheskie aspekty analiza dinamiki i struktury mezhdunarodnoj torgovli [Statistical aspects of the analysis of the dynamics and structure of international trade]. *Voprosy statistiki [Statistics issues]*. № 1.
9. Gurova I.P., 2018. Vostochnoe partnerstvo: torgovaya integratsiya «celevyh stran» Evrosoyuz [Eastern Partnership: trade integration of the "target countries" of the European Union]. *Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World economy and international relations]*. № 5.
10. Degtyareva O.I., Ratushnyak E.S., Sheveleva A.V., 2016. Upravlenie vneshneehkonomicheskoy deyatel'nostyu v RF v usloviyakh integratsii v ramkah EAES [Management of foreign economic activity in the Russian Federation in the context of integration within the Eurasian economic union]. Moscow.
11. Obespechenie konfidentsial'nosti statisticheskikh dannyh v stranah Evropejskogo soobshchestva [Ensuring the confidentiality of statistical data in the countries of the European Community]. *Voprosy statistiki [Statistics issues]*. № 12. 2000.
12. Oleynov A.G., 2018. Ekonomicheskoe budushchee globalizatsii [The economic future of globalization]. *Vestnik MGIMO-Universiteta [Bulletin - MGIMO University]*. № 4 (61).
13. Kaveshnikov N.YU., Matveevskij YU.A., 2018. Evropejskij soyuz: istoriya, instituty, politika [European union: history, institutions, politics]. Moscow.
14. Klinov V.G., 2017. Sdvigi v mirovoj ehkonomike v XXI veke: problemy i perspektivy razvitiya [Shifts in the global economy in the 21st century: problems and development prospects]. *Voprosy ehkonomiki [Economic issues]*. № 7.
15. Ulina G.V., Ulin D.S., 2014. Informacionnaya sistema upravlencheskogo ucheta, sovremennyy uchety i audit: teoriya, praktika, perspektivy razvitiya [Management Accounting Information System, Modern Accounting and Auditing:

- Theory, Practice, Development Prospects]. *Materialy Vtoroj mezhdunarodnoj innovacionnoj nauchno-prakticheskoy konferencii [Materials of the Second International Innovative Scientific and Practical Conference]*. Moscow.
16. Evropejskaya integraciya [The European integration] / Pod red. O.V.Butorinoj. Moscow, 2011.
17. Kamolov S.G., 2017. Digital public governance: trends and risks. *Giornale di storia costituzionale [Journal of Constitutional History]*. T. 33. № 1.
18. Ralf Wagenfuhr, 1967. La statistica in Europe [Statistics in Europe]. Ferro Edizioni, Milan.
19. Memories of Eurostat. Fifty years of serving Europe. European Communities, 2003.

РОЛЬ ИНСТИТУТА НОТАРИАТА В НАЦИОНАЛЬНОМ И МЕЖДУНАРОДНОМ ГРАЖДАНСКОМ ОБОРОТЕ

Елена Смиренская*

DOI 10.24833/2073-8420-2018-4-49-70-74

Рецензия на коллективную монографию «Нотариат в гражданском обороте: в России и за рубежом» под ред. А.О. Иншаковой (Нотариат в гражданском обороте: в России и за рубежом [Текст] : монография / авт. коллектив: Н.В. Гончарова, А.О. Иншакова, О.П. Казаченок, И.А. Остапенко, Ю.А. Тымчук; под ред. А.О. Иншаковой. – М. : Юрлитинформ, 2017. – 176 с.).

Сегодня нотариат играет огромную роль в жизни общества и государства. Количество исследований по вопросам нотариата и нотариальной деятельности с каждым годом растет. Вместе с тем, следует признать, что в основном это научные статьи и учебная литература. В связи с чем, каждая монография в этой сфере заслуживает особого внимания. К числу таких работ относится: Нотариат в гражданском обороте: в России и за рубежом [Текст] : монография / авт. коллектив: Н.В. Гончарова, А.О. Иншакова, О.П. Казаченок, И.А. Остапенко, Ю.А. Тымчук ; под ред. А.О. Иншаковой. – М. : Юрлитинформ, 2017 – 176 с.

Название и содержание обозначенной рецензируемой коллективной монографии под ред. доктора юридических наук, профессора Иншаковой А.О., напомнило известный афоризм: «Сильный нотариат там, где стабильное государство». Действительно нотариат представляет собой институт

гражданского общества, существующий в любом государстве с континентальной правовой системой и устойчивой экономикой. Поэтому рассмотрение вопросов роли нотариата для гражданского оборота не только России, но и других зарубежных стран, исследование последних новелл нотариального законодательства представляется интересным и своевременным. Еще одним достоинством представленной монографии является акцент, через призму которого рассматриваются вопросы не просто гражданского оборота, а оборота недвижимости, что также для любого государства всегда является наиболее значимым объектом гражданских прав и показателем стабильности.

Первая глава монографии «Историческая обусловленность возникновения и развития института нотариата в России и за рубежом» посвящена историческим аспектам становления нотариата в России и зарубежных странах, а также современ-

* **Смиренская Елена Витальевна**, кандидат юридических наук, доцент кафедры нотариата Санкт-Петербургского государственного университета, базовая кафедра СПбГУ, Россия.
e-mail: smirenskayaelena@gmail.com, e.smirenskaya@spbu.ru
ORCID ID: 0000-0002-8600-7422

ному состоянию нотариата в Российской Федерации. Следует согласиться, что без изучения истории развития любого правового явления невозможно понять его правовую природу и рассмотреть перспективы на будущее.

Нотариат России прошел долгий и непростой путь своего развития, тем интереснее рассмотрение авторами не только особенностей становления этого института, но и сравнение, как развивался нотариат в других странах. Авторы обоснованно выбрали всего три государства – Италию, Германию и Францию – и доказали, что опыт законодательного регулирования Западной Европы и практики применения норм нотариальной деятельности на разных исторических этапах именно в этих странах позволяет понять роль нотариуса в защите прав собственности и обеспечении стабильности гражданского оборота в любом государстве романо-германской правовой семьи. При этом на примере именно этих стран авторы показали, что нотариат имеет не только общие черты, характерные для всего Латинского нотариата в целом, но и различия, обусловленные национальными особенностями. Кроме того, рассматриваемые страны действительно стали «локализацией наиболее активных процессов становления нотариата в Европе» [3. С. 24].

При рассмотрении российского исторического опыта развития нотариата интересным представляется исследование вопроса о моменте зарождения нотариата России, который до сих пор является дискуссионным. Авторы провели краткий обзор нормативных актов, в разное время устанавливающих статус, права и обязанности нотариусов, и выделили 7 наиболее значимых исторических периодов, «символизирующих собой основные этапы законодательного оформления» нотариата России.

Подводя промежуточные итоги рассмотрения вопросов о предпосылках возникновения, развития и становления института нотариата в целом, авторы обоснованно утверждают, что «статус института нотариата для развитого общественного устройства неизменно возрастает» и «такую тенденцию можно рассматривать в качестве закономерности и связывать ее с постоянно усложняющимися социальными, экономическими, а следовательно, и правовыми отношениями мирового сообщества, стремящегося к глобализации» [3. С. 38].

Особого внимания заслуживает доктринальный анализ дефиниции «нотариат» [2; 4].

Авторы подчеркивают уникальную двойственную природу нотариата, который, «балансируя между публичными и частными интересами, является связующим звеном между гражданским обществом и государством», и предлагают следующее понятие: «Нотариат представляет собой негосударственный социально-правовой институт, которому государством делегированы отдельные полномочия властного характера по осуществлению одной из важнейших функций – защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц» [3. С. 46]. С таким определением сложно не согласиться.

Вторая глава монографии «Предпосылки эволюции законодательных основ и традиций нотариального удостоверения сделок с недвижимостью» посвящена формированию основ правового регулирования нотариального удостоверения сделок с недвижимостью и выявлению объективных факторов и правовых механизмов возрождения традиций нотариального удостоверения сделок с недвижимостью. Эта глава является логическим продолжением первой, авторы акцентируют свое внимание на сделках с недвижимостью в разные исторические этапы и роли нотариальной формы для таких сделок.

Авторы справедливо подчеркивают, что при заключении сделок с недвижимым имуществом всегда требовался независимый и беспристрастный человек, который возьмет на себя любой риск оспаривания заключенной сделки. Обязательная нотариальная форма для сделок с недвижимостью существовала в России вплоть до распада СССР и перехода к рыночной экономике. Поэтому важно понять объективные предпосылки и существовавшие правовые традиции для возрождения нотариального удостоверения таких сделок.

Следует согласиться с авторами, что «главной предпосылкой для законодательного возврата к обязательной нотариальной форме сделок с недвижимостью была и остается объективная, неизменная потребность в обеспечении законности оборота недвижимости, снижении количества споров относительно действительности заключенных сделок с объектами недвижимого имущества» [3. С. 65]. Авторы справедливо критикуют многочисленные позиции ряда противников возвращения в гражданский оборот обязательной нотариальной формы удостоверения сделок с недвижимым имуществом. Авторские выводы основаны на глубоком и всестороннем анализе статистических данных и практики нотариальной деятельности

на территории Волгоградской области, что подтверждается, в том числе, приложениями к исследованию.

Считаем абсолютно верными выводы авторов о том, что «только государственная регистрация в совокупности с обязательным нотариальным удостоверением сделок с недвижимостью сможет обеспечить общепринятые гарантии правовой безопасности сторонам сделки» [3. С. 72].

Третья глава монографии «Компетенция нотариусов в России и зарубежных странах» представляет собой следствие ретроспективного анализа института нотариата, поскольку огромный потенциал заложен в самой компетенции нотариусов разных стран.

Представляется интересным рассмотрение классификации компетенций нотариуса России, а также толкование каждой из них, в том числе с позиций законодателя. И хотя данный параграф носит описательный характер, понимание сути нотариата как органа превентивного правосудия следует признать правильным.

При рассмотрении вопросов о компетенции нотариусов романо-германской системы права, авторы опять делают акцент на Италии, Германии и Франции, однако анализ статуса нотариуса латинского типа [5] показал необходимость сравнения и с другими странами, входящими в состав Международного союза латинского нотариата. Именно такой подход наиболее полно раскрывает роль нотариуса в гражданском обороте, что заслуживает поддержки и одобрения.

Далее авторы рассматривают компетенцию нотариусов в англо-саксонской системе права. Анализ действительно интересен, однако с выводами авторов о том, что деятельность нотариусов разных систем права «направлена на оказание квалифицированной юридической помощи и основывается на одинаковых юридических принципах: законности, независимости и беспристрастности» [3. С. 108], трудно согласиться. Во-первых, невозможно оказать квалифицированную юридическую помощь, если ты по профессии не юрист. Во-вторых, нотариус не сможет выполнять свои основные функции, если он будет совмещать свою деятельность с профессией адвоката или со статусом свидетеля. И хотя в некоторых странах действительно встречается некое должностное лицо, по компетенции похожее на латинского нотариуса, на наш взгляд, общее между нотариусами романо-германской и англосаксонской систем права только наи-

менование «нотариус», в силу латинского происхождения слова и универсальности его перевода на разные языки мира. Однако это, пожалуй, единственное, с чем можно поспорить.

Исследуя вопросы международной интеграции, авторы справедливо обосновывают роль Международного союза латинского нотариата в совершенствовании организации нотариальной деятельности и нотариального обслуживания как в рамках объединившихся государств, так и в мире в целом.

Четвертая глава монографии «Преимущества правового закрепления нотариального удостоверения сделок с недвижимостью» отражает обусловленность преимуществ нотариального удостоверения сделок с недвижимостью, их правовой природой и судебной практикой, а также исследуются преимущества нотариального удостоверения сделок с недвижимостью в сопоставительном функциональном анализе с государственной регистрацией прав на недвижимость.

Данная глава монографии заслуживает особого внимания. Авторы не только исследуют понятия и соотношение понятий: «форма сделки», «нотариальная форма сделки», «нотариальное удостоверение», но и подтверждают свои выводы огромным количеством примеров судебной практики, статистики и опросов граждан. В связи с чем, аргументы в пользу нотариального удостоверения сделок с недвижимым имуществом являются обоснованными и убедительными.

Авторы абсолютно правильно указывают на то, что «государственная регистрация [1] по процедуре и правовым последствиям не тождественна нотариальному удостоверению». «Конкуренция между нотариатом и органами регистрации недопустима, так как данные институты способны эффективно функционировать, взаимно дополняя друг друга» [3. С. 140]. Такую позицию следует полностью поддержать.

И наконец *пятая глава «Вклад обязательной нотариальной формы сделок с недвижимостью в стабилизацию гражданского оборота»* является заключительной точкой в рассуждениях о нормативной апробации обязательной нотариальной формы для сделок с недвижимостью в зарубежных правовых порядках и трансформации компетенций нотариуса в сфере удостоверения сделок с недвижимостью в обновленном гражданском законодательстве РФ.

Следует согласиться, что «многие европейские страны, осознавая особую эконо-

мическую значимость недвижимого имущества, для сделок с ним предусмотрели следующую юридическую конструкцию: обязательная нотариальная форма для сделок с недвижимостью вкупе с обязательной регистрацией в едином реестре прав на недвижимое имущество» [З. С. 143]. При этом нигде в странах латинского нотариата не сомневаются в том, что нотариальное удостоверение – это самая надежная гарантия защиты прав собственника. Там, где сделки с недвижимостью подлежат удостоверению в обязательном порядке, там оспаривание в суде таких сделок редкое явление.

На сегодняшний день в России мы только привыкаем к надежности нотариальных сделок. Созданная в 2014 году Единая информационная система нотариата позволяет практически сразу получать необходимую информацию для совершения сделки с недвижимым имуществом, а также быстро проверять представленную информацию участниками сделки. Уже в 2018 году нотариусы получили возможность прямого электронного взаимодействия с органами государственной регистрации прав на недвижимость для целей подачи пакета документов после удостоверенной сделки на регистрацию права. Такая возможность значительно повышает привлекательность нотариальной формы и дает дополнительные гарантии регистрации в кратчайшие сроки – в течение одного дня.

Авторы не оставляют без внимания и иные кардинальные изменения, принятые в нотариальном законодательстве за последние несколько лет. Эти изменения коснулись как порядка совершения и новых видов нотариальных действий, так и организационных основ нотариальной деятельности в России.

Интересным представляется сравнительно-правовой анализ взимания нотариального тарифа при совершении сделок с недвижимым имуществом (долями в праве собственности). Авторы монографии верно подмечают тенденцию, направленную на снижение размера тарифа за последние годы и на увеличение количества льгот для отдельных категорий граждан по сравнению с налоговым законодательством. Следует согласиться с мнением, что «лучше удостоверять большее количество сделок с

недвижимостью, взимая невысокий тариф, чем меньшее, при этом взимая высокий нотариальный тариф» [З. С. 162]. При этом механизм, предложенный в исследовании, по установлению размера услуг технического и правового характера уже удачно работает.

Рассмотрены и другие новеллы законодательства, которые не теряют своей актуальности, напротив, отдельные недоработки, отмеченные авторами в монографии, последовательно устраняются в законодательном порядке, принимаются новые нормы, что также свидетельствует о глубине проведенного исследования и полном погружении в проблемные вопросы правового регулирования нотариальной деятельности.

В целом монография «Нотариат в гражданском обороте: в России и за рубежом» является полноценным научным исследованием, выполненным на высоком теоретическом уровне, она интересна и полезна, написана четким и ясным языком, легко читается. В ней много умело подобранных фактов, новых идей как авторов монографии, так и других ученых. Заслуживает внимания научная полемика. Эмпирическая база исследования обеспечивает его репрезентативность и включает данные, полученные в результате изучения и обобщения практических и аналитических материалов. Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в том, что сформулированные в монографии теоретические выводы и положения способствуют разрешению многих проблемных ситуаций в самом сердце гражданского оборота при совершении сделок с недвижимым имуществом.

Сделанные авторами выводы, законодательные предложения и практические рекомендации могут быть использованы в нормотворческой деятельности при совершенствовании законодательства Российской Федерации, в учебных и практических пособиях, методических рекомендациях, научно-исследовательской работе и учебном процессе, а также непосредственно в правоприменительной деятельности нотариусов.

Монография может быть рекомендована к прочтению как практикующим нотариусам и юристам, студентам юридических факультетов, так и широкому кругу читателей, интересующихся проблемами развития института нотариата в России.

Литература:

1. Бетхер В.А., Грызыкина Е.А., Невзгодина Е.Л. По материалам круглого стола «Новеллы законодательства в сфере государственной регистрации прав на недвижимость» // Вестник Омского университета. Серия: право. 2018. № 1(54).
2. Квитко А.Ф. Понятие и правовая характеристика нотариата как института гражданского общества // Право и государство: теория и практика. 2012. № 4(88).
3. Гончарова Н.В., Иншакова А.О., Казаченок О.П., Остапенко И.А., Тымчук Ю.А. Нотариат в гражданском обороте: в России и за рубежом: монография / Под ред. А.О. Иншаковой. М., 2017.
4. Осипов А.Л., Никитин М.И. Понятие нотариата и особенности нотариальной деятельности в Российской Федерации // Образование. Наука. Научные кадры. 2013. № 7.
5. Пожарская Ю.В. Система российского нотариата и принципы нотариата латинского типа // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 6.

THE ROLE OF THE INSTITUTION OF NOTARY IN NATIONAL AND INTERNATIONAL CIVIL CIRCULATION

The review of the collective monograph «Notariat in civil circulation: in Russia and abroad» edited by A.O. Inshakova (Notariat in civil circulation: in Russia and abroad [Text]: monograph / authors: N.V. Goncharova, A.O. Inshakova, O.P. Kazachenok, I.A. Ostapenko, Y.A. Tymchuk; edited by A.O. Inshakova. – M.: Yurlitinform, 2017. – 176 p.).

Elena V. Smirenskaya,
Candidate of Legal Science, Associate
Professor with the Department of Notariat, St.
Petersburg State University, Department of
Law (basic department of St. Petersburg State
University), Russia

Ключевые слова:

нотариат, нотариальное законодательство, гражданский оборот, нотариальное удостоверение сделок с недвижимостью, компетенция нотариуса, Международный союз латинского нотариата, государственная регистрация прав на недвижимость, нотариальный тариф

Keywords:

notary, notarial legislation, civil circulation, notarization of real estate transactions, notary competence, International Union of Latin Notaries, state registration of real estate rights, notary tariff

References:

1. Betkher V.A., Gryzykhina E.A., Nevzgodina E.L., 2018. Po materialam kruglogo stola «Novelly zakonodatel'stva v sfere gosudarstvennoj registracii prav na nedvizhimost'» [On materials of a round table of «The short story of the legislation in the sphere of the state registration of the rights for the real estate»]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: pravo. [Bulletin of the Omsk university. Series: law.]*. № 1(54).
2. Kvitko A.F., 2012. Ponyatie i pravovaya harakteristika notariata kak instituta grazhdanskogo obshchestva [Concept and legal characteristic of a notariate as institute of civil society]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika [Law and State: Theory and Practice]*. № 4(88).
3. Goncharova N.V., Inshakova A.O., Kazachenok O.P., Ostapenko I.A., Tymchuk Y.A., 2017. Notariat v grazhdanskom oborote: v Rossii i za rubezhom [Notariate in civil circulation: in Russia and abroad]. Moscow.
4. Osipov A.L., Nikitin M.I., 2013. Ponyatie notariata i osobennosti notarial'noj deyatel'nosti v Rossijskoj Federacii [Concept of a notariate and feature of notarial activity of the Russian Federation]. *Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry [Education. Science. Scientific shots]*. № 7.
5. Pozharskaya Y.V., 2011. Sistema rossijskogo notariata i principy notariata latinskogo tipa [Sistema of the Russian notariate and the principles of a notariate of Latin type]. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve [Gaps in the Russian legislation]*. № 6.

ФАКУЛЬТЕТ УПРАВЛЕНИЯ И ПОЛИТИКИ ОСУЩЕСТВЛЯЕТ ПОДГОТОВКУ
БАКАЛАВРОВ И МАГИСТРОВ ПО НАПРАВЛЕНИЯМ
«ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ», «ПОЛИТОЛОГИЯ» И
«МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ».

Выпускники факультета получают уникальные знания и профессиональные навыки в области управления, политики и международных отношений. Профильная специализация студентов включает такие аспекты, как право, администрирование, государственная и муниципальная служба, управление имущественными комплексами, сфера публичной политики, регулирование политических конфликтов, лоббизм, связи с государственными органами в корпорациях и мировые политические процессы. Особое внимание и время уделяется изучению студентами двух и более иностранных языков.

Факультет готовит специалистов, востребованных в различных сферах профессиональной деятельности: в органах власти и управления, в государственных корпорациях, на дипломатической и консульской службе, в международных организациях, а также в частных компаниях.

Факультет имеет обширные международные связи, позволяющие студентам проходить стажировки в крупнейших университетах мира. Сложились традиционные партнерские отношения с одним из ведущих университетов Европы, Università degli Studi di Macerata (Италия), с которым реализуются совместные и двойные программы бакалавриата, магистратуры и программа двойной аспирантуры, которая является единственной в своем роде в России.

Программы бакалавриата

Направление подготовки

Государственное и муниципальное управление

Федеральное и региональное управление

Управление федеральной и региональной собственностью

Экономическая политика

Управление и маркетинг территорий (реализуется в филиале МГИМО в Одинцово)

Политология

Технологии публичной политики

Политическая конфликтология

GR и международный лоббизм

Национальная и региональная политика (реализуется в филиале МГИМО в Одинцово)

Международные отношения

Мировая политика

Программы очной магистратуры

Направление подготовки

Государственное и муниципальное управление

Управление международными проектами

Управление в государственных корпорациях

International Public and Business Administration (совместно с Университетом в г.Мачерата, Италия)

Политология

Международный политический консалтинг

GR и международный лоббизм

Международные отношения

Гуманитарное сотрудничество и внешние связи регионов

Телефон для справок:

(495) 229-54-26

Вниманию авторов журнала:

Лицензионный договор о предоставлении права использования произведения в журнале «Право и управление. XXI век» заключается в устной форме (согласно п. 2 статьи 1286 четвертой части Гражданского кодекса Российской Федерации).

Использование произведения включает в себя также размещение произведения в соответствующих (научных и библиотечных) электронных базах данных.

Согласно Федеральному закону Российской Федерации
от 29.12.2010 № 436-ФЗ данная продукция не подлежит маркировке.

Зарегистрировано
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)
Регистрационный номер
ПИ № ФС77-72205 от 24.01.2018 г.

Подписной индекс по каталогу
агентства «Роспечать» - 18310

Адрес издателя:
119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76

Адрес редакции:
119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76

Тел.: (495) 234-83-62
E-mail: mgimo.pravo@mail.ru

Напечатано в Отделе ОПИМТ МГИМО (У) МИД России
119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76
Печать цифровая. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 9,5.
Подписано в печать 15.01.2019 г.
Тираж 1100 экз. 1-ый завод 300 экз. Заказ № 327

Материалы, опубликованные в журнале, могут быть использованы
в других изданиях только с разрешения редакции,
при этом ссылка на журнал «Право и управление. XXI век»
обязательна

© Право и управление. XXI век, 2018